

ЛУЧШИЙ СПОСОБ СПРЯТАТЬСЯ



ЕКАТЕРИНА
МАЙСКАЯ

Лучший способ спрятать что-либо — это положить это на виду.

Лучший способ спрятаться до наступления полного магического совершеннолетия — переехать в столицу и устроиться на работу секретарем к следователю по особо важным делам, заместителю начальника главного управления имперской жандармерии.

Куда уж больше-то на виду?

Глава 1

Капля дождя стекала по стене. Медленно, но неумолимо преодолевая каменную кладку. Все-таки на улице дождь, а пансион давно не ремонтировали. Я смотрела как, залетев в маленькое оконце, сумасшедшая капля катилась вниз по стене. Вот она рванула по гладкому камню, а вот — застряла в цементе между.

Делать в карцере, ой, то есть в комнате для размышлений, все равно было нечего, а подумать над чем — было. Смешно, но видимо не зря директриса пансиона называет это подвальное помещение комнатой для размышлений. Тем более, что мыслей было много и надо было их хоть как-то выстроить, иначе можно просто сойти с ума.

Сойти с ума... Еще недавно, я думала, что уже сошла...

Мой саркастический смешок прозвучал чересчур громко в пустом помещении, ударяясь о стены и возвращаясь обратно ко мне. Но мне было все равно.

До утра за мной вряд ли придут. Если директриса очень разозлилась, то и до вечера ждать никого не стоит. Так что время подумать у меня есть.

Тем более, что в этот я сама призналась в том, чего не делала. Во-первых, не люблю несправедливость, а Юлианночка похоже совсем заигралась, подставляя других воспитанниц. Выйду — побеседую с бывшей, а точнее «перманентной» подругой. Намеков, Юлианна, не понимает, так что придется прямым текстом объяснить, что и меня, и мою новую соседку, и всех тех, кто находится рядом со мной надо оставить в покое. В противном случае ее грязный секрет, станет известен не только мне (а Юлианна не знает о том, что я в курсе ситуации), но и директрисе, Юлианнину жениху, да и любому, кто готов будет слушать. Не думала, что придется прибегать к шантажу, а вот же ж... Бывшая подруга прямо не оставляет другого выхода. Почему я раньше этого не видела? Риторический вопрос...

Во-вторых, мне просто надо было подумать. Новая информация, полученная мною за последние сутки, требовала анализа и принятия решения. А также выдержки и смелости, потому что в при любом исходе событий, я очень рисковала... Очень...

Деревянная лежанка, матрас, набитый соломой не первой свежести и старое одеяло. В общем, неплохо. Спине правда холодновато, потому что отопление на подвал не распространяется, но с другой стороны — сейчас лето хотя-бы.

Зимой здесь конечно топят небольшую металлическую печку, которая стоит в углу, и чья труба выходит в это малюсенькое окошко наверху. Правда зимой оно обычно засыпано снегом, так что сейчас смотреть из него на дождь — это все же намного лучше, чем просто пялиться в стену. Магические тепловушки никто в карцер нести не будет. Их и в спальни к нам зимой приносят редко, а тут... Зачем согреть провинившегося и отбывающего наказание? Воспитательный эффект пропадет. Вдруг понравится в карцере сидеть? Тепло, хорошо и мухи не кусают.

Отвлелась. Возвращаемся к анализу ситуации. Все-таки с ума я не сошла. Последни

два года выдались сложными. Иногда я вполне серьезно сомневалась в своей адекватности. А потом — я просто научилась с этим жить. С семейным даром... Или проклятьем... Смотря с какой стороны посмотреть...

Привет, наследие рода Белевских (по маме)! Давай теперь придумывать как выбираться из сложившейся ситуации. Возможные варианты развития событий — включая бездыханное тело у меня на руках — не прельщают. Так что, думай, Ариадна — думай...

Пансион, он же приют для тех, чьи родственники могли заплатить за образование и воспитание девушек до нашего полного совершеннолетия, которое наступало в 20 лет, находился относительно недалеко от Огнедара, столицы Антарийской империи. На новом транспортном средстве — автомобиле — около часа езды, на лошади — два-два с половиной часа.

Автомобиль — техника жутко дорогая и видели мы ее всего пару раз, когда за одной из девочек заезжал отец, чтобы забрать ее на знакомство с женихом. Вот странно: покинуть пансион без разрешения родителей или опекунов до 20 лет — нельзя, а выдать замуж после 18 — можно. Поэтому совершеннолетие многие девочки встречали уже в статусе замужней дамы и просто плавно переходили из рода родителей в род мужа, не успевая оценить свою самостоятельность и независимость. Хотя некоторым девочкам удавалось покинуть пансион в 20 лет и даже найти работу. В конце концов, нас учили различным гуманитарным и естественным наукам, чтобы уметь поддержать разговор в любой ситуации, быть хозяйкой дома, для чего давались азы экономики и бухгалтерии, а также магии на бытовом уровне, поэтому работа секретарем, учительницей, няней или гувернанткой для выпускниц нашего пансиона считалась хорошим выходом.

К тому же на обучение здесь у опекунов, дальних родственников деньги находились, а вот на приданное — часто уже нет. И приходилось девочкам идти работать.

Правда, я бы хотела, чтобы у меня был такой шанс — пойти работать. Но мне такое развитие событий, к сожалению, не светит. Совсем. Если только я что-нибудь не придумаю...

А я придумаю, обязательно.

Началось все, когда мне исполнилось 16 лет и в пансион приехал поверенный нашей семьи.

Хотя нет, началось все, когда мне было десять и мои родители погибли. Мы тогда только вернулись из одного из восточных княжеств, где отец служил дипломатом. Граф Александр Алексеевич Чернышев служил не за должность или плату, ему «за державу было обидно». Известный дипломат. Я нашла потом статьи про него в старых газетах, которые каким-то чудом избежали гибели при ежегодном ремонте и оклеивании обоев в жилых комнатах. Имя мое, Ариадна — необычное для Антарийской империи, но достаточно рядовое в Вельдском княжестве, в котором мой отец служил дипломатом более десяти лет. И где я появилась на свет, собственно.

Мне до сих пор не известны подробности их гибели. Десятилетней девочке никто не торопился их рассказывать. Просто родители куда-то уехали, оставив меня в поместье с учительницей и няней, которую я помню с раннего детства, и не вернулись.

В один день передо мной появился пятиюродный дядюшка Вениамин Семенович Венюков, который и объявил, что так как я теперь сирота, он будет за мной присматривать, для чего меня и отправляют в пансион для благородных девиц.

Осознание, что родителей нет, и мама больше никогда не обнимет, а папа — не

взьерошит челку, наступило значительно позднее. Вместе с горячкой, когда я пролежала в бреду больше недели. Правда пока в доме, отправить в пансион меня тогда еще не успели, а вот уволить учительницу и попытаться отправить в деревню няню — вполне. Няня уперлась и даже написала письмо императору, о том, что интересы сиротки не учитываются. Не думаю, что до императора дошло письмо, но ей разрешили обо мне заботиться до отъезда в пансион. А это все-таки месяца три. Пока я восстановилась.

Если сравнивать пансион с семьей, где тебя любили — конечно здесь намного хуже, а если сравнивать с другими заведениями из которых к нам иногда попадали девочки — то все не так уж и плохо. Нам не приходилось сушить хлеб из столовой на батарее, потому что все время хотелось кушать. У нас пресекались издевательства старших над младшими. Некоторые особо «талантливые» гадили, конечно, но ни членовредительства, ни пыток, ни других страшных вещей, рассказанных Наташей Старицкой у нас не было.

Наташа воспитывалась в обычном детском доме на содержании императора. В детском доме, куда она попала после смерти матери в 14 лет ей было не сладко. Они очень плохо питались, и ребята помладше воровали все, что плохо лежит на ближайшем рынке. А те, кто постарше — отнимали у них еду.

Криминальные проблемы привлекли к детскому дому внимание жандармерии. Как результат — огромный скандал и громкое расследование, в результате которого у обычной девочки, дочки портнихи, нашелся достаточно знатный папа, который признал девочку, отправил ее в хорошее учебное заведение и планировал дать за ней хорошее приданное, правда общаться особо не рвался. Наташа видела его в среднем — раз в год. И это ее совсем не расстраивало.

Я бы своего опекуна была бы рада видеть так же «часто», но в последнее время, он зачастил в пансион. Хорошо хоть, что все встречи проводились в присутствии воспитателя или директрисы. Я от нее — не в восторге, но это заставляло барона Венюкова вести себя прилично, поскольку после некоторых событий я бы ни за что не осталась с ним наедине. Но это тоже позже.

Обычный пансион, в общем-то не сильно лучше, чем обычный детский дом на государственном обеспечении, просто предполагалось, что контролируют они расходование средств лучше, чем государственные служащие. Наша Жанна Иогановна, которую некоторые служащие за глаза звали Жабой Ивановной, особой добротой не отличалась, но она была жуткой педанткой и аккуратисткой, считала наш пансион — лучшим из тех, что расположены не в столице. А главное — она очень не любила проблемы и избегание таковых ставилось во главу угла при решении всех вопросов. Комиссиям от социальной опеки показывали идеальные документы, идеальные комнаты и идеальных воспитанниц. Никогда не была в военном училище, но думаю дисциплина в нашем пансионе не сильно отличалась от армейской.

А пока, вспомним визит поверенного господина Штольца в день моего 16-летия. Директрисе господин поверенный предъявил документы, магически утвержденные моими родителями. Согласно им, ему было необходимо побеседовать со мной наедине и передать документы, по котором он числился душеприказчиком семьи графа Чернышева. Да, семья у меня достаточно известная.

В итоге, они договорились, что пока мы будем беседовать в гостиной (специальной комнате для встреч с посетителями), дверь будет открыта так, чтобы находящаяся в коридоре

воспитатель прекрасно видела, что происходит, но при этом беседа будет проводиться под действием артефакта защиты. То есть видеть она будет все, слышать — ничего.

— Ваша светлость, ваши родители поручили мне передать вам в день вашего шестнадцатилетия комплект документов и пакет, если с ними что-то случится.

По сердцу привычно процарапало. Странно, а говорят, что время лечит. Нагло врут.

— Что именно за документы?

— Ваше свидетельство о рождении с магическим подтверждением на крови в форме, утвержденной в Антарийской империи, и в Вельдском княжестве, и другие документы подтверждающие вашу личность, документы на поместье родовое и еще на несколько зданий, включая документы на собственность на здание склада в порту Истры и на магазин художественных принадлежностей в Огнедаре.

Теперь понятно почему мне опекун все время на день рождения такие подарки дарил. Экономил.

— Все это приносит доход, за исключением поместья. Однако сейчас всеми средствами распоряжается ваш опекун, выделяя часть их на ваше обучение и проживание.

— Я могу оставить эти документы у вас на хранении?

— Да, конечно. До ваших 18 лет действует договор, заключенный вашими родителями. Если вы захотите, мы можем продлить его действие. Для чего вам потребуется подтвердить уже имеющийся договор или заключить новый.

Пока поверенный ничего нового мне не сказал, поэтому я молча протянула руку к пакету.

Закрытый магической печатью, он притягивал меня как магнит, который на прошлой неделе принес на занятия наш преподаватель по «Природным и физическим процессам». Милейший старичок, который, наверное, еще мою бабушку учил, настолько он казался древним.

Отдав мне пакет, поверенный отвернулся и начал изучать пейзаж за окном, оставив меня один на один с прошлым.

В конверте лежал кулон на цепочке и письмо. Драгоценности в пансионе не приветствовались, хотя бы потому, что ни шкафчики, ни тумбочки у нас не закрывались. Точнее большинство из нас освоили простейшее заклинание замка, но я уверена, что и воспитатели, и девочки постарше могли его снять. Так что иногда вещи пропадали бесследно. Редко что или у кого удавалось найти.

Кулон на золотой цепочке. Не помню, чтобы я у мамы видела этот красный камень в сфере из золотых граней. Камень, как будто висел в середине шара из золотых проволочек. Красиво! Держа кулон в руке, я открыла письмо.

«Здравствуй, дорогая доченька.

Если ты читаешь это письмо, значит ни меня, ни папы нет рядом с тобой. Я не знаю, что случилось, но в любом случае это случилось против нашего желания, потому что мы никогда не бросили бы тебя и не оставили бы тебя добровольно.

Кулон, который ты держишь в руках — это наследие моего рода, рода Бельских, передающееся от матери к дочери. В мужских руках — это обычный защитный артефакт. Даже не очень сильный, если честно. Однако в руках женщин нашего рода, он может быть, как сильным благословением, так и сильным проклятьем.

Достаточно надеть его так, чтобы он напрямую касался твоей кожи и коснуться какого-либо человека, и ты поймешь в чем его сила. Знание о его возможностях опасно, поэтому

ради твоей безопасности, прошу тебя не рассказывать о нем никому. Ты поймешь почему. Позже.

Также на нем лежит сильное заклинание забвения. Все, кто его видел, забывают о его существовании, как только ты уберешь кулон с глаз. Помнить будешь только ты, точнее твоя кровь. Для активации кулона необходимо капнуть каплю твоей крови на камень. Сила рода примет тебя.

Мы очень любим тебя солнышко, помни об этом.»

Твои папа и мама»

С этого кулона все и началось. Весело, радостно, с огоньком! Открытий было — много! Жаль, что приятных — единицы, на одну маленькую тележку, а человеческой лжи и подлостей — три грузовых вагона. Все же иногда лучше — не знать.

Проверить, что будет, если коснуться человека, мне получилось быстро. Причем случайно.

У меня была подруга, Юлианна. Я ей доверяла. Пухленькая блондинка, училась со мной в одной группе и очень хотела замуж. Отец признал ее уже после ее рождения и смерти матери, а так как был на тот момент женат, то до пяти лет Юлианна жила в деревне с няней, и звали ее просто Юля. А потом отец отправил ее в наш пансион. И теперь ее имя было — Юлианна. Мне всегда казалось, что мы друзья. Да, я замечала, что Юлианна, рассказывая мне о других часто раскрывала чужие тайны и всегда всех критиковала: одежду, поведение, слова... При этом тогда я наивно думала, что уж мои секреты Юлианна хранит, как свои. В лицо то она никогда меня не критиковала, претензии не высказывала. Всегда вежливая. Всегда недовольная всеми остальными, но всегда готовая помочь.

Идеальная подруга. Я думала, что мы дружим... Думала...

После ужина и до сна у нас всегда было свободное время, и в тот раз, мне хотелось с ней обсудить визит поверенного. Кулон я одела еще в кабинете, спрятав его сразу под одежду. Было тепло, прогулки перед сном поощрялись, и мы вышли в небольшой парк, который успели изучить вдоль и поперёк за время учебы.

— Ну рассказывай, — торопила меня моя подруга и, схватив меня за руку, потащила к нашей любимой скамейке. У меня было чувство, что в меня ударила молния. Хотя, если бы она действительно ударила мне бы, наверное, все же было легче.

Внезапно мне показалось, что из парка я перенеслась в кабинет директрисы: помещение с большими окнами на втором этаже, где вдоль стены стояли шкафы с посудой. Почему-то директриса очень любит сервизы, отдельные пары: чашка и блюдце и т. д. На каждый день рождения, день тезоименитства наследника Александра Павловича, и в день рождения императора Павла IV ей дарили посуду. Если бы все, что стояло в ее шкафах пустить на кухню пансиона, то хватило бы лет на пять, даже если каждый день бить по чашке или блюдцу. Длинную стену шкафы с посудой уже заняли и теперь обживали простенки между тремя большими окнами.

Причем в кабинете директора был день. Только что, после ужина вокруг сгущались сумерки и вдруг день...

— Ариадна сказала, что мнение директрисы ее не волнует, я стояла в коридоре на первом этаже. Случайно, но она меня попросила задержать Вас или воспитателя, если вы пойдете мимо, я тогда и подумать не могла, что она решится проникнуть в ваш кабинет... Вы знаете, как я отношусь к вам, госпожа директор, я бы никогда...

Воздух запекся в груди, я видело это так ясно...

Несколько дней назад я действительно решила «проникнуть в кабинет директора», чтобы изучить свое личное дело. Мне не нужны были деньги, сервизы или еще что-нибудь в этом роде... Я просто хотела прочитать свое личное дело. Юлианна прекрасно знала об этом, потому что именно она мне помогала, именно она сама предложила постоять внизу, отвлекая преподавателей, а теперь она сдавала меня, выставляя себя невинной овечкой...

Увиденная сцена казалось дикой, но при этом реальной... Слишком реальной...

— Аккуратнее, ты чуть не упала...

Юлианна держала меня за локоть, через ткань платья, хотя даже так казалось, что ее ладони жгут мне кожу...

— Юлианна, я вдруг вспомнила об очень важном деле... Я пойду...

Да, я сбежала. Сбежала под удивленным взглядом человека, которого тогда я еще считала своей подругой. Сбежала, чтобы подумать...

Картинка пролетела перед глазами очень быстро, когда я застыла около лавочки. Потом сидя в библиотеке и совершенно пустыми глазами смотря в книгу (не удивлюсь, если и держала я ее вверх ногами), я смогла разложить всю сцену на мелкие кусочки. Прокрутить в голове фразы из диалога директрисы и Юланны, прослушать целые куски.

Действительно, то ли дар — кто предупрежден, у того шансы выжить — больше, то ли проклятье — все-таки разочарование в лучшей подруге — это как удар под дых. Хватаешь ртом воздух, а его все равно не хватает...

В тот день, я полностью не поверила в силу кулона, но и рассказать подруге все как раньше — не смогла... Мне нужно было еще проверить... И подумать... Чем я почти всю ночь потом и занималась.

Почему я решила, что эта сцена была в реальности? Может это мое воображение или просто галлюцинации. В кабинете директрисы я бывала. На следующий день после изучения личного дела — точно. Меня тогда долго стыдили, а потом отправили в карцер... На два дня... Может была бы и неделя, но поверенный уведомил о своем визите и меня выпустили, отправили мыться и приводить себя в порядок...

Посторонние, а тем более юристы, не должны видеть или слышать то, что повлияет на репутацию пансиона. Что мне Жанна Иогановна потом объясняла еще два часа перед встречей с семейным поверенным. Меня поманили морковкой — сказали, что неделя карцера сократится до двух дней, и пригрозили кнутом — обещали эту неделю продлить, если я буду жаловаться. Я сделала вывод: мне в этом пансионе учиться еще минимум два года, и вряд ли господин Штольц может что-то сделать, минуя опекуна, поэтому я согласилась...

Хотя от мыслей — откуда директор узнала о моем визите в ее кабинет — пухла голова. Теперь похоже я это знаю. Легче не стало. Совсем.

Но надо проверить.

Проверки получились сами собой. Я узнала, что наша кухарка очень хорошо ко мне относилась и даже рисковала. Как только я попала в пансион после смерти родителей, мне прописали какую-то настойку, которая должна была меня успокоить, подтереть память, убрав из нее травмирующие воспоминания. Вроде все хорошо, правда? А ложка дегтя — это то, что делалось бы это за счет резервов моего собственного организма, при этом гася мой родной уровень магии. Подняв справочник, я узнала, что полгода, которые я ее пила, мне бы хватило, чтобы обнулить резерв в ноль. Но, баба Клава просто выливала этот напиток,

заменив его на чай из валерианы и мяты. Тоже не очень вкусно, но безопасно и успокаивает. А главное — никто про это не знал. И я бы не узнала.

За короткое время я узнала, кто воровал у меня вещи, кто меня защищал, а кто наоборот подставлял, глядя в глаза и улыбаясь при этом. Большая часть относилась ко мне с радующим меня равнодушием. После ненависти и предательства, равнодушие как-то неплохо выглядело. Оказывается, мне нравится, когда некоторым людям на меня наплевать! Еще бы это было подальше от меня — был бы идеал. Я, конечно, не золотая монета, чтобы всем нравится, но предательство тех, кого я считала друзьями сильно по мне ударило. С перманентной подругой было даже тяжело находиться в комнате. А ведь живем мы по двое... И мы — соседки.

Расширяя горизонты своих экспериментов, я выяснила, что касаясь обнаженной кожи, я видела кусочек прошлого, или настоящего, который напрямую или косвенно касался именно меня. Для интереса я коснулась курьера, привезшего письмо. Изобразила падение, упав на бедного дядечку лет пятидесяти. Он явно не ожидал такого «нападения» от шестнадцатилетней барышни. К сожалению, мой подвиг был бесполезен. Я не увидела ничего. Видимо это говорило о том, что вижу я его в первый и последний раз в жизни и в письме, которое он держал в руках, не было ничего, чтобы напрямую или косвенно меня касалось.

После волны закономерного любопытства наступил откат из опасения и страхов. В итоге мне удалось примириться с этим даром, хотя для себя я решила сшить из шелка и связать из хлопка перчатки, чтобы уменьшить спонтанное применение дара. Все-таки теперь, когда я иногда застывала, принимая тот фрагмент чужой жизни, который касался меня, я привлекала слишком много постороннего внимания.

Зато на уроках домоводства мне теперь было чем заняться! За первыми парами пошли следующие и скоро все привыкли, что я везде хожу в перчатках, редко их снимая. Последний писк моды... Главное не уточнять в каком государстве и в какое время...

Опекун появился через неделю после визита поверенного. Он очень хотел знать, зачем тот приезжал, а я хотела дотронуться до него и понять, что мне ждать. Мы оба были разочарованы. Ему я сказала, что поверенный привез документы на собственность, но я отдала их обратно ему на хранение. Сюрприз! Сюрприз! Нет, адреса не помню. Имя вроде Иоганн, да из немцев, говорит без акцента, в общем — идите к директрисе, дорогой опекун, может она где записала. В свою очередь дотронуться мне до опекуна не удалось, хотя после пары моих «нечаянных» падений, он как-то странно стал реагировать, быстро собрался и уехал. Ну не с кирпичом же мне в руке его уговаривать? «Вы потерпите, дорогой опекун, сейчас дам вам по голове кирпичиком и все будет в порядке...». Видимо поверенный его интересовал намного больше, чем мои дела и слава Богу! Еще чуть-чуть и от его присутствия у меня начнет дергаться глаз. Правый... Нет, левый... Ааа, какая разница? Может оба.

Год я относительно спокойно прожила в пансионе. За день до семнадцатилетия случилось то, после чего я усиленно стала готовиться к побегу.

Глава 2

Не будь жадиной — дай человеку второй шанс, не будь дураком — никогда не давай третьего.

Я не стала разрывать иллюзию дружбы с Юлианной, просто теперь внимательно следила за тем, что ей говорю.

Тем более, что мой магический уровень судя по всему подросток. Я стала видеть иногда возможное развитие событий. Очень близкое: день — два максимум.

Например, я увидела, как Юлианна подставила одну новенькую девочку, которая недавно перевелась к нам из другого пансиона. Просто приписала ей слова, которые та не говорила. А некоторым нашим девочкам больше и не надо. Додумают, расширят и воспитателям расскажут. И фраза «Люблю грибной суп» трансформируется в «давайте отравим директрису мухоморами». Это я так, для примера...

Ирина Туманская появилась у нас под новый год. Мама у нее была служанкой и умерла родами. Граф Туманский признал дочь и отправил получать достойное образование. Особенно после того как женился, и молодая жена родила ему сына. Надежду рода, долгожданного наследника и все в этом духе...

Ирина напоминала ежика. Колючая, молчаливая и осторожная. Она не верила воспитателям. Я им тоже особо не верила, но у меня хотя бы были показания родового артефакта. Думаю, у нее были причины не доверять людям, хотя рассказывать о них она не торопилась.

Особенно после того как моя «милая» подруга намекнула воспитательнице, что новая девочка похоже берет чужие вещи. Вон и у нее, Юлианны, пропал яркий блокнот и несколько заколок. Мол, и у других девочек пропадали вещи. Но она не может сказать у кого, потому что обещала.

Обыск комнаты задевает не только самой процедурой, как-никак перебирают ВСЕ вещи, включая нижнее белье, но и вообще самим подозрением. Мне было бы очень неприятно. И пусть ничего не нашли, но отношения девушки со всеми остальными, которые итак были не сильно хорошие, ухудшились в разы. То ли он украл, то ли у него украли, но осадочек остался.

Мы жили в комнатах по двое и соседка Ирины просила ее переселить. Мест в комнатах не так много. Поэтому принимать соседку, чьи вещи обыскивали, подозревая в воровстве, никто не хотел. Никто, кроме меня. Юлианна была не в восторге, переезжать она никуда не хотела, так как наша комната была недалеко от общей душевой. Поэтому не приходилось бегать долго в халате по холодным коридорам, особенно зимой. Новая комната была в самом конце, угловая, не очень теплая зимой, но так я хотя бы не была вынуждена терпеть ее постоянное нытье, о том, что ей хуже всех, она такая молодец. А ее никто не ценит. Врожденная вежливость мешала мне высказать все, что я на самом деле думаю, но когда я боялась сорваться — я просто уходила из комнаты. Жаль это не всегда было возможно.

Тогда я просто собралась и переехала. Юлианна злилась. Но теперь я знала, что за моей спиной она распускает слухи о том, что мой опекун хочет сделать из меня свою любовницу. Уже несколько раз я натыкалась на такого типа разговоры, когда применяла свой дар. А все из-за того, что я имела неосторожность рассказать ей о намеках опекуна в нашу последнюю встречу, его попытках погладить мою руку или лицо, пока воспитателя вызвали из кабинета. От этих прикосновений меня резко затошнило тогда.

Хотя, с другой стороны, было и положительное в слухах, распускаемых «перманентной» подругой. Теперь на встречах с опекуном директриса присутствовала сама, не доверяя это воспитателям. Конечно, не потому, что сильно меня любила, а потому, что ей не нужны были проблемы. Если бы мой опекун был великим князем или хотя бы более богатым человеком — возможно на это его поведение она и закрывала бы глаза. За отдельную плату. Но тут... Проблем как наследная графиня Чернышёва я могла принести больше, чем

привилегий, которые она бы получила от барона Венюкова.

Это было до появления кулона, сейчас я бы и сама прикоснулась к нему, потому что знать его планы по отношению ко мне — было бы очень хорошо. В принятии решений точно бы помогло. А он, хотя и начал приезжать чаще, чем раз в год, а точнее каждые три месяца (правда, бумаги на подпись больше не привозил), умудрялся держаться почти идеально. Ни лишнего взгляда в мою сторону, ни лишнего движения. Привозил конфеты, принадлежности для рисования (куда ж без них). В общем, вел себя почти нормально. Подменили его что-ли?

Я переехала в комнату Ирины в течении получаса. Оказывается, у меня очень мало вещей. Юлианна даже сделала вид, что помогает мне. Она улыбалась, но теперь в ее глазах я видела лед: прозрачный, твердый. Она могла быть опасна. Просчитать многоходовую интригу — это не про нее, но просто на эмоциях сделать гадость — это она может, умеет, практикует.

— Юлианна, подай мне шкатулку, пожалуйста.

Драгоценностей там нет, только бижутерия и несколько простеньких браслетов. Сплетенных на уроках рукоделия. Но все же...

В этот раз меня пробило как будто молнией. Лицо у меня видимо изменилось, со стороны я слышала свой собственный свистящий выдох. Это не была ситуация, касающаяся меня. Я увидела, как Юлианна падает днем с лестницы и ломает руку. Причем то, что она ее ломает, я понимаю из следующей картинки, на которой она с гипсом. А это говорит о том, что лекарь из ближайшего городского госпиталя залечить перелом не сможет. Это требует сильных магических вливаний или хороший артефакт, не думаю, что директриса одобрит такие траты. Гипс намного дешевле.

Я внимательно посмотрела в глаза «бывшей» подруги.

— Ты в порядке, Ариадна?

Хорошо хоть не Ари, меня бесит эта собачья кличка. И Юлианна об этом знает.

— Все в порядке, просто похоже нога немного поехала, и я чуть не упала. Вроде не подвернула.

— Все же ты зря переезжаешь...

— Меня директриса попросила, — легко соврала я.

В голове крутились мысли «Что я сейчас видела? Прошлое? — Юлианна никогда не ломала руку, тем более, что и выглядела она не сильно отличаясь от сегодняшнего вида. Будущее? Раньше я никогда не видела его, а тут... Подожду до завтра... Или еще недельку...

Вариант с тем, что я просто сошла с ума, я тоже не отбрасывала, тем более что прочитала в книжке, что сумасшедшие-то как раз полностью уверены в своей адекватности. Это мир вокруг с ума сошел... А они — в полном порядке.

Через три дня я убедилась, что тогда, стоя на пороге своей бывшей комнаты, я увидела именно будущее... Не далекое по времени, но очень реальное. И все-таки видимо имеющее отношение ко мне, просто я пока не знаю — какое именно. Врача директриса вызвала, а вот мгновенное исцеление не оплатила. Сказала, что это плата за невнимательность.

— Отец наш небесный указал тебе больше внимания уделять настоящему и меньше витать в мечтах.

Очень вдохновляющая речь, хорошо, что относилась не ко мне. Интересно, а если я бы попыталась предотвратить падение с лестницы, я бы смогла повлиять на возможное будущее? Или она бы все равно сломала руку вне зависимости от моих действий?

С Ириной Туманской мы почти подружились: я не лезла к ней в душу, она не лезла ко мне. Постепенно все остальные девочки приняли ее, особенно после того как поняли, что шпынять ее просто так не получится. Она давала отпор, пусть грубовато, но очень четко. Бывшая соседка Ирины немного поистерила, но после прогулки в парке, после которой Ирине пришлось зашивать рукав, а Ольге объяснять, что губа у нее разбита, потому что она просто упала, открыто задевать ее уже никто не решался.

Ирина не спрашивала, почему я встаю за полчаса до подъема и делаю упражнения на растяжку, на укрепление спины, рук и ног. Папа когда-то научил. Мы вставали с ним рано, мама любила еще поспать, а мы с папой в парке посольства делали упражнения и бегали вокруг здания. В пансионе я стеснялась бегать, да и упражнения делала в своей комнате. Юлианна давно к этому привыкла и просто отворачивалась к стенке. Даже не рассказывала о них никому. Видимо, это была не самая завлекательная информация о моей жизни.

После смерти родителей утренние упражнения стали ритуалом, который позволял настроиться на новый день. Необходимый — как дыхание. Я даже в карцере делала упражнения! Когда я болела и утренние упражнения приходилось откладывать из-за слабости, мне казалось, что моя внутренняя энергия тоже слабеет, отползает в уголочек и ждет, пока я начну себя хорошо чувствовать и смогу собрать себя в сопочек, как кисель с пола. А иногда, как веник собирает расплзшуюся меня и дает хороший мотивирующий пинок на выздоровление.

Ирина никогда не пыталась выяснить, почему я хожу все время в тонких перчатках и не тороплюсь их снимать. Я даже спать стала в них. Иногда многие знания — многие печали. Я спокойно переживу без информации, чем наша воспитательница и конюх занимались в подсобке, мимо которой я проходила, пока ее искала. Картинки выскочили, когда я просто сняла перчатки на уроке рукоделия, чтобы померить новые, а она решила их потрогать и коснулась меня кожа к коже. Вот я бы спокойно обошлась без того, что в этот момент промелькнуло у меня перед глазами! Со звуком, между прочим!

Замуж и до этого не сильно хотелось, а тут вообще желание отшибло. Напрочь!

С Ириной же удалось проверить и то, могу я влиять на будущее или нет.

Проводя контрольное касание Юлианны, теперь я делала это не реже раза в неделю, я узнала, что они планируют заманить Ирину в сарай на окраине поместья и там запереть на ночь. Если до отбоя ее не будет в комнате — карцер ей обеспечен. Тем более, что сдавать «подруг» она не будет, потому что... Просто потому что не будет.

Скорее всего просто промолчит, а потом попробует отловить в парке и объяснить, что за все в этой жизни надо платить. За подставы в том числе.

Быстро сбежав от «подруги», я села на лавочку и попыталась вспомнить свое видение и раскрутить его до начальной точки, чтобы определить где и когда, я могу перехватить соседку. Пользуясь этими обрывками, я просто забрала ее в библиотеку позаниматься. И забирала еще три дня подряд пока не почувствовала, что событие не случится. А если вдруг передумает и все-таки случится — то не в ближайшее время. Пока занимались в библиотеке, алгебру удалось подтянуть не только Ирине, но и себе. Еще одно интересное последствие применения дара — знания по алгебре, полученные тяжелым трудом в попытках избежать увиденного мною будущего.

Было очень сложно держать тайну о своих способностях в себе. Иногда хотелось просто закричать: люди, что вы делаете??? Остановитесь! Но потом был бы вполне резонный вопрос, а откуда вы, уважаемая Ариадна, это знаете? Увидели? Приснилось? А больницу для

душевнобольных не хотите посетить? В качестве экскурсии? Вдруг понравится?

Пару раз у меня возникало желание рассказать о своем, судя по всему родовом дару, поделится, обсудить. Первый раз — с одной воспитательницей, до того, как я узнала, что она вместе с завхозом продают часть продуктов, выделенных на наше питание, а деньги забирают себе. В другой раз, чуть не проговорила директрисе, когда пыталась донести мысль, что не все продукты, деньги на которые она выдает, достигают нашего, да и ее тоже, стола. Но карцер, а потом и пара интересных сцен, намекающих на то, что молчание — это не просто золото, а прямо государственный золотой запас, отбили у меня это желание.

Еще один раз я хотела рассказать все Ирине, незадолго до своего семнадцатилетия и визита опекуна. Он всегда приезжал перед или сразу после дня рождения и даже привозил подарки: в детстве — конфеты и куклы, в более старшем возрасте — конфеты и принадлежности для рисования: краски, кисточки, бумагу. Это только в шестнадцать я узнала, что это ничего ему не стоило, поскольку магазин принадлежал моей семье. Но до этого — я была ему очень благодарна за эти подарки. Все это было и в пансионе, но качество... В общем, не очень. Так что можно сказать, я его даже ждала, поскольку за год все, кроме кисточек, успевало закончиться.

К тому времени, я уже очень устала все время гонять свои знания в голове. Надеялась, что меня выслушают и помогут разложить все мои страхи и сомнения по полочкам. Может тогда они не будут такими страшными? Может я зря себя пугаю? Да и вариант сумасшествия никто не отменял. Очень нужен был спокойный и даже расчетливый взгляд со стороны.

Как-то вечером, когда я почти решилась рассказать этой молчаливой девушке, которая очень хорошо умела слушать и очень не любила говорить, про свой дар. Не все. Так, забросить удочки. То по уже появившейся привычке, я сначала решилась на контрольное касание. Я теперь всегда перед принятием важных решений привыкла касаться человека. Взяв ее холодные пальцы в свои (странно, почему они у нее такие ледяные, даже летом), я вдруг увидела возможное будущее, как ее и меня похищают, причем ее убивают, потому что лишние свидетели похитителям не нужны, а мой дар — нужен. Значит кому-то она про это расскажет... Вздвогнув я убрала руки.

— Так, о чем ты хотела поговорить?

— Можешь мне помочь? Можешь отвлечь воспитателя или директрису, который будет присутствовать во время моей встречи с опекуном, и самого опекуна?

— А зачем тебе?

Так, а теперь надо аккуратно и очень достоверно соврать. А с этим у меня беда. Мне все время кажется, что, когда я вру — у меня это на лице написано.

— Надо. Хочу засунуть ему в карман записку, которую он найдет позже. Не хочу, чтобы директриса знала, а то замучает предположениями, что я там написала. А то и в карцер посадит для профилактики.

Врать оказалось не сложно. Уж лучше это, чем ее труп с разбитой головой у меня на руках.

В пансионе за год все привыкли, что я иногда застываю, задумавшись, на несколько секунд. И что перчатки я снимаю редко. А для господина Венюкова это будет подозрительно, может он знает про родовый дар. Не зря в прошлый раз приехав не в день рождения, а на день позже усиленно допрашивал, что за поверенный приезжал, что передал, что показывал. Пришлось сказать почти честно: имени не помню (только фамилию и адрес),

визитки нет (сожгла на кухне, после того как выучила все, что там было написано до названия типографии, где они печатались), показал документы и их же увез на хранение (действительно, сама отдала), сказал, что часть документов передаст после восемнадцатилетия (правда я сказала, что заберу сама, чтобы в пансион не привозил). Не соврала? — Не соврала. Не договорила, но не соврала.

Я уже почти привыкла жить, закрывшись ото всех: далеких и не очень близких. Близких у меня почти не осталось. Были люди, к которым я относилась хорошо, но открыться... Может быть потом... Когда-нибудь... Когда меня не предадут и когда это будет безопасно для того, кому открываются.

А пока мне надо было знать, что ждать от опекуна.

Господин Венюков явился через два дня после дня рождения. 17 день десятого месяца Зарева приходился на рабочий день, а опекун то ли был, то ли изображал чиновника на императорской службе и приезжал только по выходным. Доходов с моего состояния, по словам поверенного, на много не хватало. А запросы у опекуна судя по всему были не маленькие. Это при том, что минимум половина этих доходов шла на мое образование и проживание в пансионате, поэтому опекун так и не ушел с государственной службы. Продать, заложить или передать во временное владение что-то из моего наследства, он не мог до достижения мною 16 лет вообще никак, с 16 до 18 с моей подписью. Правда потом было необходимо все эти документы утвердить в специальной социальной службе, которая имеет право подать заявление в жандармерию, если посчитает, что мои права, как сироты ущемляются. Правда о таких делах по отношению к девочкам из нашего пансиона я еще ни разу не слышала.

После 18 — достаточно просто моей подписи или подписи моего мужа, если вдруг я решу выйти замуж до 20 лет. И это самый скользкий момент, поскольку замуж я точно не собираюсь.

Опекун явился рано. Обычно я успевала пообедать, прежде чем достаивалась чести его лицезреть, а тут он явился практически сразу после завтрака. Мы с Ириной и другими девочками читали по очереди в саду книгу, заданную по литературе, и появление воспитательницы и, по совместительству, учительницы математики, нас не сильно удивило. До тех пока она не приказала мне пройти в кабинет директрисы. Я быстро взглянула на Юлианну, жалея в этот момент, что она сейчас сидит слишком далеко от меня и незаметно дотронуться до нее точно не получится. Если кто-то гадость и сделал — то только она.

— Жанна Иогановна, вызывали?

— Заходи, Ариадночка.

Сладким голосом директрисы можно было пропитать все коржи в столовой — получился бы шикарный торт. А вот и тот, ради кого вся эта сладость: мой опекун Вениамин Венюков. Странно каким образом он стал опекуном для графини Ариадны Александровны Чернышёвой, то есть для меня. По прямым линиям наследования мы с ними нигде не пересекаемся. Я все справочники родов в библиотеке перерыла. Если только какие-то пятиуродные родственники. Но это не самый насущный для меня вопрос сейчас.

Встаем, глазки в пол. Я — тихая девочка, меня не надо бояться, и не надо держатся от меня подальше. Хорошо, что перед входом в кабинет я успела снять кружевные, связанные мною лично крючком из тонкой хлопковой нити, перчатки и засунуть в карман. Теперь осталось только дотронуться, запомнить, и как можно быстрее прийти в себя. Чтобы мое

выпадение из реальности не было заметным.

Может еще Ирина поможет, хотя сильно я на нее бы не рассчитывала.

— Добрый день, Ариадна. Поздравляю с прошедшим днем рождения, тут для тебя подарок.

Пакет из столичного магазина художественных принадлежностей стоял прямо на столе у директрисы. Ага, из того самого магазина, который по документам, хранящимся у поверенного, являлся собственностью моей семьи. Экономный у меня опекун... Рядом с пакетом — папка с бумагами. Черная. Кожаная.

Ого, а я раньше и не замечала того, что голос у него очень противный. Или просто сейчас он мне кажется таким склизким, как будто я лягушку погладила. Хотя лягушка — то посимпатичнее будет. Точно, в атласе по биологии были такие замечательные лягушки, вот прямо один в один... И выражение морды, то есть лица, и дергающиеся движения рук...

— Спасибо большое.

Смотрим в пол. Боюсь выдать себя взглядом.

— Ариадна, тебе надо подписать некоторые документы, — опекун не стал дальше растекаться мыслью по древу и перешел к тому, для чего, собственно, и явился из столицы в пансион. Даже мои тапочки не поверят, что он просто хотел поздравить меня с днем рождения.

— Вениамин Семенович, а где документы?

Наивности побольше во взгляде. Может удастся коснуться его, когда он будет документы передавать.

— Лежат на столе, — он еще и рукой махнул, указав на папку рядом с подарочным пакетом. Ага, сейчас, бегу и падаю.

— Вениамин Семенович, в нашем пансионе дается очень хорошее всестороннее образование, — взгляд на директрису и напоминание, — помните, Жанна Иогановна, мы еще про это рассказывали журналисту из столичной газеты?

Хорошо, что я вспомнила про это интервью.

— Я возьму документы и верну вам в следующий приезд. Или Жанна Иогановна отправит вам их почтой. Нас Лидия Ивановна обучала тому, что каждый документ надо внимательно изучить, и преподаватели пансиона готовы оказать помощь всем нам при малейшей необходимости. Я думаю, Лидия Ивановна не откажет мне в юридической консультации?

А теперь глазками похлопать. Я же божий одуванчик, мне по-другому нельзя. Судя по тому как дернулся опекун — перестаралась. То ли надо меньше ресничками хлопать, то ли лицо у меня сейчас не сильно наивное...

— Ариадна, деточка, ты абсолютно права, мы всегда готовы помочь нашим девочкам. У нас самый лучший пансион даже по сравнению со столичными учреждениями.

Изучая пол, я увидела, как опекун дернулся и взял со стола папку с документами.

— Жанна Иогановна, я только сейчас вспомнил, что там не хватает нескольких приложений, подпись Ариадны на которых тоже обязательна. Отдам поверенному, пусть исправляет. Оставлю у вас их в следующий раз.

— У вас есть еще вопросы к девочке? — Жанна Иогановна сама вежливость, — или мы можем ее отпустить?

— К Ариадне — нет, но с вами я хотел бы обсудить еще один вопрос. Чтобы вы дали

мне консультацию, так сказать.

— Ариадна, можешь забирать подарок и...

Стук в дверь. Ирина.

— Жанна Иогановна, повариха просила узнать останется ли гость на обед?

Ирина честно старалась отвлечь внимания, но опекун был слишком далеко, я тихонечко двинулась в сторону стола, мне же надо забрать подарок? Подняла руку, сейчас бы только тихонько скользнуть по пальцам... А еще лучше сделать вид, что споткнулась...

— Я такая неуклюжая...

Резко отодвинувшись в сторону, он придержал меня за талию. А я вместо того, чтобы ухватить за руку его — уперлась ладонями в стол директрисы. Не повезло...

— Вениамин Семенович?

— Большое спасибо, Жанна Иогановна, но меня ждут дела. Важные. Очень. Я уеду сразу после нашей с вами беседы.

Тогда забираем подарок — и на свободу.

Глава 3

Подарок на этот раз был неплохим, но жалко, что я не успела просмотреть документы. Не надо было так сразу намекать на их всестороннее изучение... Ладно в следующий раз буду умнее.

А пока надо все-таки понять, что они там обсуждают. У моего опекуна и нашей директрисы была единственная общая тема для разговора — это я. Не сплетни же при императорском дворце они там обсуждают?

Все это я прокручивала в голове по дороге в свою комнату, благо теперь она была далеко и времени подумать было много. Додумать и построить планы по добычи информации от директрисы, мне помешала Ирина. Она ждала меня в комнате.

— Ну, как? Получилось?

— Не совсем...

Я вспомнила свое эпичное впечатывание в стол директрисы.

— Можно попробовать в следующий раз. Опекун ведь у тебя сейчас часто приезжает.

— Часто... А будет еще чаще...

Лучше бы я ошибалась...

Директриса вызвала меня на следующий день. Вызвала сама. Это была хорошая возможность понять что ж происходит. Поэтому перчатки переключали в карман платья.

— Доброе утро, Ариадна.

Вот уже и не Ариадночка. Если сейчас прозвучит «воспитанница Чернышева», значит сегодня мне светит карцер. Пока правда не ясно за что. А дотронуться до директрисы надо.

Может слабость и обморок изобразить? Полина на занятиях по физической культуре нас регулярно радует этим зрелищем, после чего полдня отлеживается в комнате. «Слабая конституция» — говорит наш преподаватель, девушка, которая сама три года назад закончила наш пансион. А по мне — просто лень и желание повышенного внимания. Полине очень нравится, когда вокруг нее все бегают с нюхательными солями и водой. Хотя, судя по последнему обмороку даже до нашей преподавательницы начало доходить, что это спектакль. Потому что в комнату на этот раз она ее не отправила, а оставила лежать на скамейке. «Чтобы воздухом подышала», Глупо лежать на скамейке Полине быстро надоело и она в рекордные сроки пришла в себя. Так что обморок — неплохой вариант.

— Ваш опекун проинформировал меня, что подобрал вам жениха.

Сволочь! Дыхание перехватило, перед глазами качнулась директриса, или я качнулась... Похоже обморок будет реальным...

Схватила за что-то мягкое... Меня прошибло молнией и небольшой сценкой, вдумываться в которую пока не хотелось. Позже посмотрю... Сейчас надо вернуться в реальность...

— Барон Венюков просил разрешения забрать вас на два дня для оформления всех документов и знакомства с женихом, но я настояла, что первое знакомство будет в пансионе, под моим пристальным вниманием. А в дальнейшем, если все меня устроит, можно будет и рассмотреть вариант с поездкой...

Директриса вешала, протягивая мне стакан с водой, а я в этот момент ее почти обожала! Только женишка мне сейчас не хватало... А ведь на правах опекуна Венюков вполне может это все повернуть... Не я — первая, не я — последняя. Если только сам жених от меня не откажется... Надо обдумать этот вариант...

Вот гад опекунский!

Вид у меня был видимо очень опалевший. И не очень счастливый, судя по тому, что я прослушала лекцию на тему «стерпится — слюбится», «долг женщины — продолжение рода».

Успокоившись от монотонных и привычных нотаций директрисы, я покивала и с тоской задумалась о карцере. Мне сейчас надо было бы подумать, но ни в комнате, куда в любой момент может зайти Ирина, ни на занятиях этого бы точно не удастся. А до вечера — я с ума сойду от сумасшедших мыслей, которые устроили массовый забег у меня в голове. Их даже мои откормленные за последний год тараканы успокоить не могли. Прямо хоть в карцер просись — там тихо и никто не беспокоит.

— Ариадна, я вижу, что тебе надо подумать и успокоится, поэтому освобождаю тебя от занятий сегодня. Преподавателей я предупрежу. Только не пропусти обед.

Ого, в директрисе проснулся ангел, а я и не заметила?

— Большое спасибо, Жанна Иогановна.

Несмотря на разрешение пропустить занятия, возвращаться в комнату не хотелось. К тому же мне очень хорошо думалось во время движения. Поэтому сейчас не спеша идем к старому сараю, где Юлианна планировала закрыть Ирину на ночь, потом можно пару кругов вокруг...

Первое. Видение. Вот сейчас лучше посидеть на лавочке пока не ушла далеко. Оглянулась. Никого. Все на занятиях. Сосредоточилась...

Кабинет директрисы. Стою за ее правым плечом. Мое постоянное место — за правым плечом человека, чьи воспоминания, касающиеся меня, я сейчас смотрю. Не торопясь, ставя на паузу при необходимости.

«— О чем вы хотели поговорить, господин Венюков?»

— Я хотел уточнить некоторые подробности внутреннего распорядка пансиона.

— Мы всегда готовы предоставить необходимую информацию.

— Я хотел бы забрать свою воспитанницу на пару дней...

— Оу, я могу узнать с какой целью? Раньше от вас не поступало запроса на проживание вашей воспитанницы вне пансиона. Это прописывается в договоре в самом начале обучения. Особенно учитывая, что девочка сирота и то, что в ее договоре прописано, что родственники, то есть вы, господин Венюков, отказываетесь забирать девочку из пансиона.

— Договор оформлялся давно. За это время вскрылись новые обстоятельства.

Отчим как-то невнятно лепетал под жестким взглядом директрисы. Наконец он собрался с духом и выдохнул:

— Я хочу познакомить ее с женихом.

— Понимаете, господин Венюков... Вы знаете, как внимательно социальная служба отслеживает обучение графини Чернышевой. По ней у меня ежеквартально запрашивают отдельные отчеты. А посещение жениха до официальной помолвки с внесением данного факта в документы службы... Да еще и за пределами пансиона... Это нарушение, мой дорогой барон. Серьезное нарушение, которое может привести к определенным проблемам лично для меня, так что...

— Может можно что-нибудь сделать?

На стол перед директрисой ложится белый конверт. Она берет его в руки и приоткрывает. Мне не видно сколько там денег, поскольку в этот момент я смотрю на отчима отчаянно жалея, что не могу ему сейчас врезать сковородкой. У тети Клавды на кухне я видела, большую такую... Тяжелую... Вот прямо по холеной, раздражающей мор... лицу...

Стоп. Отвлеклась. Тем более, что это уже прошлое. Пусть и недавнее.

— Я, конечно, попробую что-нибудь сделать... Давайте так, ваше сиятельство... Я поговорю с девочкой и попытаюсь ее настроить положительно к вашему кандидату. Девочка сложная, проблемная. А ведь ни вам, ни мне не нужны проблемы?

— Не нужны, Жанна Иогановна.

— Тогда предлагаю сначала организовать встречи в пансионе под присмотром... Пусть погуляют в парке по дорожкам... Вы планируете свадьбу после восемнадцатилетия Ариадочки или хотите запрашивать разрешение социальной службы?

— Конечно после!

— Значит торопится некуда, и у вас есть еще целый год. Пусть они пока общаются, а по весне, если нас с вами все устроит...

Директриса ненавязчиво махнула конвертом.

— Поговорим и о поездке к жениху, правда с обязательным сопровождением родственницей женского пола. Посмотрим.

— Я думаю, мы сумеем договориться дорогая Жанна Иогановна.»

Выкинуло меня из видения резко. Как со стороны услышала свой глубокий вдох. Первый раз вижу, что меня так непосредственно и спокойно продают. Зато теперь ясны ангельские посылы директрисы. Просто деньги отрабатывает.

Хотя интересно: действительно ли она по мне отдельный отчет отправляет? Или это просто чтобы припугнуть отчима и поднять цену за свои услуги? Кому нужна информация о сироте? Пусть и графине. Ладно, это сейчас не главное.

Забавненько, а кто меня будет радовать именем жениха: она или отчим? Впрочем, какая разница? Ясно же, что все здесь не так просто, иначе бы «настраивать девочку положительно к вашему кандидату» не пришлось бы.

Надо бежать. Причем на побег у меня — время до весны. Не просто так опекун хочет меня увезти из пансиона, ой, не просто...

Идя к сараю, я просчитывала, что может хотеть опекун. Распорядиться моим имуществом, конечно. Единолично. Может и не единолично, но без меня — точно. Неужели оно все же достаточно большое? Хватит ли мне на самостоятельное проживание без

опекунов, мужей и других «доброжелателей». Мне просто сравнить не с чем. Поверенный сказал, что все приносит доход, кроме поместья. Интересно, а сейчас в нем живет кто-нибудь?

От пансиона до столицы: час на лошади. А от столицы до поместья — два часа на паровозе. Железнодорожную ветку запустили еще в моем детстве. Мы с папой любили путешествовать вдвоем в соседний крупный город. Там мы гуляли по улицам, в парке, обедали в кафе, а потом, накупив подарков маме и домашним, возвращались обратно. Станция рядом с поместьем была маленькой. Там даже не все паровозы останавливались. Хотя рядом была военная часть... Я сейчас даже не помню название станции. Плохо. Надо карты в библиотеке изучить подробно — это еще один пункт в списке того, что мне надо сделать.

В поместье есть сейф, закодированный на кровь членов семьи, точнее прямых потомков, то есть меня. Надеюсь за это время даже если его и нашли, то еще не вскрыли. Папа был хорошим дипломатом и магом, а мама — очень хорошим артефактором. Похвальная грамота с отличием об окончании факультета артефакторики столичной академии Огнедара — висела у нас на видном месте в гостиной. Причем как в посольстве, так и в поместье. Мама была отличным специалистом, и я даже понимаю почему — перед испытанием нового артефакта она всегда могла посмотреть ближайшее будущее...

Только в день гибели своей и мужа почему-то не посмотрела. Не смогла или... Или то, что она там увидела было еще страшнее... Не знаю, но пока не буду об этом думать... Не сейчас... Надо решать проблемы по мере их поступления. Сейчас нужно готовить побег, а для этого надо кое-что узнать, кое-что позаимствовать, кое-с-кем поговорить, а может и договорится...

План побега потихонечку выстраивался в голове.

Да и женихом надо познакомиться — кто его знает, что это за фрукт? Возможно удастся с ним договорится. А может — нет. Не увидишь, не дотронешься — не узнаешь.

Анализ ситуации и принятые решения помогли успокоиться окончательно. Все-таки, когда принимаешь решение — это помогает. Проще принять решение и начать действовать, чем долго гонять в голове мысли туда-сюда в надежде, что решение выкристаллизуется само. Без твоих внутренних усилий.

«Делай, что можешь, с тем, что у тебя есть».

Спасибо папа, твои присказки, прибаутки, да и просто крылатые фразы до сих пор мне очень помогают. А мама до сих пор иногда снится по ночам...

Итак — у меня есть информация и планы, в том числе и по добыванию той информации, которой не хватает. У меня есть определенные ресурсы и даже — друзья, которые помогут. Осталось подготовиться к исчезновению из пансиона и осуществить его так, чтобы на два года раствориться на территории Антарийской империи так, чтобы меня с собаками не нашли. Достойная задачка для графини Чернышевой!

Ко мне вернулось хорошее настроение и появился своеобразный азарт. Фигу тебе, дорогой опекун! У меня теперь цель — переиграть такую лживую и жадную сволочь, как ты!

Занятия в тот день я с чистой совестью пропустила, зато пила с тетей Клавой на кухне чай, расспрашивая ее о семье и думая, где бы мне найти хорошее снотворное? И деньги на первое время.

До весны — не так уж и далеко.

С женихом я познакомилась еще через два месяца. Не сказать, чтобы сильно ждала, поскольку подозревала, что кого-нибудь хорошего «любимый» родственник явно не предложит. У него и самого есть дочка лет десяти, так что...

Но племянник барона Венюкова, Николай Венюков меня приятно удивил. Симпатичный, коротко стриженный шатен. Худощавый и высокий. Вежливый и не навязчивый. В принципе, он мне даже понравился. Его дядя не торопился, поэтому подписывать документы о помолвке — не пришлось. И это к лучшему. Подписанный документ, скрепленный магией потом сложно оспорить. А так: устная договоренность, которой вроде и нет, потому что моего мнения никто и не спрашивал... Опекун уверен в влиянии директрисы и в моей безропотности? Что ж не будем пока его разочаровывать.

Опекун на меня не давил, поскольку на свадебной церемонии в храме должно прозвучать абсолютно добровольное «да». Правда магия в храме не определяла: вырвано это «да» шантажом или обманом. Главное, что именно в этот момент и жених, и невеста хотят подтвердить свое желание вступить в брак.

Я конечно не могла не воспользоваться возможностью коснуться моего симпатичного жениха. У меня ножка совершенно случайно соскользнула, и чтобы не упасть, я вынужденно (так и запишем) вцепилась ему в руку с такой силой, что появление пары синяков от моих пальцев — вопрос времени. Мне «повезло» увидеть замечательную и познавательную лекцию в исполнении «любимого» родственника.

«— Запомни, как мой племянник, да еще и со твоим прошлым — ты не сможешь ни подняться нормально по карьерной лестнице, ни занять хоть какое-то устойчивое место в свете, а как граф Чернышев... В связи с тем, что Ариадна является единственной наследницей этого древнего рода, император Павел IV после гибели ее родителей издал специальный указ с разрешением мужу графини Чернышевой принять фамилию и титул жены. Из молодого человека с непонятным происхождением, ты превратишься в уважаемого человека! Стоит девчонке выйти в свет, как таких кавалеров набегит очень много... Поэтому твоя сейчас задача — обаять ее, влюбить в себя, чтобы в храме она сказала тебе «да».

— Но если официально провести помолвку, она же никуда не денется?

— Идиот! Помолвка — это не свадьба! А официальная помолвка означает, что о ней узнают слишком много людей. Наведут справки и вспомнят про девочку... Тебе что нужны конкуренты??

— Не нужны, дядя.

— И Ники, пока не женишься — чтобы я про твою Лесю даже не слышал!

— Но дядя!

— Не дай Бог, кто-нибудь сообщит твоей невесте о твоей любовнице...».

Красота! Как я не рухнула прямо там на тропинке, когда эта сцена пронеслась перед глазами, перекрыв и дыхание, и зрение как вьюга зимой — не знаю. В глазах потемнело и под предлогом плохого самочувствия, в тот день я быстро попрощалась с женихом.

Лежа в кровати, я анализировала эту сцену. Что ж понятно, что на помощь Ники (надо же как кличка у собаки), я рассчитывать не могу. Хотя бы большую любовь к нему изображать не надо. В конце концов — он получил задание от отчима — меня влюбить в себя. Посмотрим, что у него из этого получится.

Зато теперь стало понятно, почему с меня не потребовали быстренько подписать бумаги

и официозить помолвку. Боятся, что народ в пансион хлынет со мной знакомится. Ну это они зря. Жанна Иогановна стоит стеной, и просочится смогут только отдельные очень небедные личности, обеспечившие благосостояние директрисы.

«Жених» появлялся с периодичностью раз в две недели. Прямо ходячий календарь.

Мы гуляли по парку: сначала осеннему, потом зимнему, и даже весеннему. Сзади шла воспитательница, которую больше бы устроило, чтобы мы где-нибудь посидели. Меня это не устраивало. Я поняла, что находиться в комнате, в которой мы обычно встречали родственников, вместе с Никки (теперь я тоже его так звала) — слишком большой удар по моему терпению и моим нервам. Так я сорвусь на него раньше, чем буду готова к открытому противостоянию.

С каждым визитом, он становился все более навязчивым и «душным». Норовил прикоснуться, поцеловать ручку и т. д. Даа, все-таки они родственники. Оба вызывали во мне стабильный рвотный рефлекс. Намеки на свадьбу — тоже. В комнате я бы радовала воспитательницу зрелищем постоянно передвигающейся меня по комнате. Разве что по потолку и стенам бегать бы не получилось... Никки норовил подойти поближе, постоять рядом, подышать в волосы... И это дико раздражало! Закрытое помещение просто будило в нем эту линию поведения, а на свежем воздухе он абсолютно менялся. Как будто это были два разных человека!

А на улице: мы обсуждали театральные постановки, он рассказывал мне о быте столицы, о паровозах и машинах, и о новом тестируемом средстве воздушного транспорта — дирижабле. Когда он рассказывал о технике, он абсолютно менялся. Было заметно, что ему это нравится. Он забывал о задании дяди и объяснял мне разницу между двигателем в автомобиле и двигателем в паровозе. Рассказывал про преимущество шин какой-то фирмы по сравнению со всеми другими... Причем понимаю ли я, о чем он говорит или нет — его похоже не сильно волновало. Мне достаточно было иногда вставлять в речь что-то вроде: «да?», «а зачем?», «не может быть!», «а разве так можно?».

Он очень хотел участвовать в гонках на автомобилях. Но автомобиль и сам — дорогое удовольствие, а уж гоночный — особенно. Дядя все же подарил Николаю подержанный автомобиль в середине зимы, объединив для этого подарки на день рождения и новый год. И теперь все свое свободное время Никки проводил в гараже наравне с механиками. Они перебирали двигатель, меняли распредвал, растачивали что-то, чтобы сделать двигатель более мощным и все-таки принять участие в гонках. С восторженным придыханием он рассказывал мне о доведении своего автомобиля до совершенства.

Была надежда, что он пропустит неделю визита ко мне и останется в гараже. Я даже обрадовалась! Но контрольное прикосновение показало, что автомобиль ему подарили, чтобы впечатлить меня. И теперь он ждал, когда сойдет снег и подсохнут дороги, чтобы покатасть меня на этом чуде технической мысли. По сугробам в нашу глушь было не проехать.

Кстати, подробности прошлой жизни моего «жениха» всплыли уже ближе к новому году. Наташа Старицкая постучалась к нам в комнату после очередной прогулки выходного дня. Сегодня Никки был достаточно адекватен, не засыпал меня комплиментами (интересно он их сам придумывает перед каждой поездкой, или у него где-то справочник припрятан — голосую за справочник!), поэтому удалось даже посидеть на скамейке в заснеженном парке. Более того — даже в гостевую я рискнула его сегодня сводить. На выходе из гостевой мы и

встретили Наташу, причем Никки был так увлечен, рассказывая мне о техническом строении дирижабля, что автоматически поздоровался с той же девушкой, что и я, но, по-моему, совершенно не обратил на нее внимание. А зря — Наташа у нас красавица! И она на него внимание обратила.

И вот, устав за день как тридцать три пьяных ежика, я лежала на животе, подложив под грудь подушку и подняв уставшие ноги вверх. Я устала, замерзла и готова была послать Никки к кроаку, если бы он решил еще на часок задержаться.

Никакие правила этикета не смогли бы меня заставить поменять позу в этот момент. К счастью, визит одноклассницы — не визит воспитателя. Поэтому вздрогнувшая было совесть успокоилась, и опять уснула. Никки всегда ее успешно вгонял в сон. Летаргический.

Наташа начала издалека, спрашивая про сегодняшний день: чем занимались, с кем общалась и т. д.

— Наташ, я такая уставшая, что может пропустим ту часть, где мы с тобой беседуем про природу и погоду, и перейдем уже к конкретике? Ноги болят, я бы сейчас приняла душ — и спать...

— Как зовут того молодого человека, который к тебе сегодня приезжал?

— Никки? Николай Венюков, племянник моего отчима и кандидат в мои женихи.

— Колька? Семенов? Так вот значит где его папашка всплыл? Венюков значит...

Я даже подобралась и села на кровати, а Ирина подняла взгляд от книги, которую читала.

— Наташ, ты уверена?

— Конечно, мы год в детском доме вместе провели. Вместе еду воровали, а теперь он меня даже не узнал!

— Ну, Наташа, ты все же сильно изменилась. Вспомни, когда приехала, ты больше походила на худощавого коротко стриженного пацана, а сейчас — красавица! Я бы тебя тоже не узнала. Тем более, что когда он рассказывает о технике, он про все забывает и никого не узнает. Если бы я в зоне видимости не мелькала — и про меня бы забыл...

— Думаешь? А я думала, ему стыдно...

— Не стыдно, в их семье совесть вообще не приживается. Скорее всего он боится, что я узнаю про его темное прошлое, и он упадет с моего пьедестала идеального жениха. Хотя, если будет падать, то там высота небольшая, не расшибется.

Наташа не скрывала правду про детский дом, и про то, что мама у нее портниха. А желающим ее задеть — могла спокойно врезать. Но зато общаться с ней было — одно удовольствие. Открытый и очень светлый человек. А уж успокоить ее — сам Бог велел.

В общем, уходила от нас Наталья в тот вечер успокоенная, уверенная в себе, а в мою копилку информации по «жениху» добавились и положительные факты. Не плохой он, в общем, парень. Колька, Николай, Никки, но только как знакомый. На друга — не тянул, как жених — вызывал неконтролируемые рвотные спазмы и желание вытереть руку после слюнявого поцелуя.

Все это время бывшая подруга Юлианна просто окружила меня вниманием и заботой. Удушающей такой. Можно было даже не касаться ее, чтобы понять, что это задание от директрисы. А Юлианна, получая свои, необходимые ей «плюшки» была и рада стараться.

Неужели сумма в конверте была настолько большой? Или обещанная была намного больше? Прокручивая воспоминания, я пыталась понять, сколько там денег было в конверте, но, к сожалению, я практически никогда не видела больших бумажных денег. Только в

детстве и не очень крупные. В пансионе деньги были нам не нужны, поэтому я просто не знала, как они выглядят. Да и расценки услуг директрисы тоже не знала. Сколько она запросила? Много? Мало? Болезненное желание знать сколько же я стою по прикидкам отчима.

Я не могла понять сколько денег было в конверте, а директриса знала. И сумму, я думаю, определила до уны. Просто на глаз. Надо в библиотеке книги по нумизматике посмотреть, не то, чтобы я хотела точно знать за сколько меня продали... (Вру — хотела точно знать.) Просто не знать, как выглядят деньги родной страны — как минимум странно. Это могло помешать и выдать. А я собиралась прятаться до 20 лет — до полного магического совершеннолетия и вступления в наследство.

Приближалось время поездки. И судя по тому, как директриса доносила до меня важность и необходимость семейных ценностей, отчим не поскупился. За это время он заезжал всего пару раз, и с директрисой общался дольше чем со мной. А что? Я не претендую, мне и племянника вполне хватает. Иначе у меня будет просто передозировка семейством Венюковых.

В качестве сопровождения со мной должна была поехать мама Никки. Жена младшего брата, то ли погибшего, то ли умершего Бог знает сколько времени назад. Почему-то она мне представлялась чопорной дамой с пучком волос на затылке и выражением лица, от которого молоко скисает.

В принципе, именно о его матери я и собиралась расспросить Никки в его последний приезд. Причем на этот раз он был на автомобиле и, хотя покататься, даже с воспитательницей нас не пустили, но посидеть в этом чуде техники мне удалось. Правда при этом пришлось прослушать лекцию, полную информации о мощности двигателя, улучшениях в движке, фарах, рессорах и других непонятных вещах. Все то, что пришлось отремонтировать, заменить и улучшить. Все то, что они внесли с механиками и т. д.

Хотя... С каждым разом непонятных терминов становилось все меньше. Я уже не спрашивала, при чем тут свечи, когда он говорил про зажигание, и понимала важность тормозов. Скоро я буду неплохо разбираться в машинах. Механиком не стану, конечно. Но блеснуть знаниями — вполне смогу.

Про свою маму Никки мне ничего четкого не рассказал, но я чувствовала, что эта женщина сыграет важную роль в моей жизни.

И вот теперь, я сижу в карцере, смотрю на капли, текущие по стене. Первая гроза весны, первая гроза в цветене, третьем месяце весны... Наблюдаю и готовлюсь. Отступать дальше некуда. После увиденного... Никки может и не послушается дяди (что маловероятно), а скорее — послушается. А замуж за него я очень не хочу. Поэтому бежать придется во время поездки. Зря что ли готовилась?

Да и отсутствие моих документов в личном деле, директриса тоже может скоро обнаружить. Там сейчас лежат копии, но так как фальшивомонетчик из меня так себе, и документы я подделывала в первый раз в жизни, то перепутать их с оригиналом можно только если не приглядываться. А уж сляпать печать ауры — мне и вовсе не удалось.

Но документы мне для побега нужны. Не думаю, что меня сразу объявят во всеимперский розыск. Значит это даст мне дополнительное время. Спрятаться.

Глава 4

Официально поездка в столицу носила гордое название — «посещение родственников».

Вот почти восемь лет они не желали меня видеть, а тут прямо сподобились...

Забирать меня приехал Никки со своей мамой и на машине, про все болтики и винтики которой, он мне рассказывал уже месяца два.

Ни Никки, ни его дядя так и не решились со мной поговорить об официальном обручении. Да и предложение сделать по всем правилам — тоже. А я усиленно делала вид, что слегка туповата и намеков не понимаю. Ну общаюсь я с племянником опекуна, но так мы же родственники!

Так я всем и говорила, включая директрису. Жанна Иогановна кивала, но переубеждать меня не пробовала. За столько лет она уже привыкла к моей упертости.

К тому же, во избежание возможных проблем, директриса решила подстраховаться. Большое ей спасибо за это! Вот прям серьезно — спасибо, особенно в свете дальнейших событий. Она отправила вместе с нами еще и мадам Лесим. Учительница картографии в возрасте далеко за... (не будем уточнять сколько именно) не сильно рада была ехать. Тем более, что как выяснилось же на первых минутах пути — ее укачивает в автомобиле.

Я максимально подготовилась к поездке. Благодаря стараниями отчима мне пошили пару новых платьев и замечательное темно-синее теплое пальто. Перчатки, как обычно, я подбирала сама.

Надеясь, что в пансион я больше не вернусь, я в последний вечер навестила всех, кто был мне дорог и помог, даже не понимая, чем и когда. Я ни с кем не прощалась. Я просто сказала спасибо и тете Клаве, и Ирине, и Наташе, и Валентине Ивановне, нашей преподавательнице по этикету. Именно она в последний раз вытащила меня из карцера, куда я загремела с желанием подумать.

Сумка была одна. Точнее был еще большой баул, но я понимала, что все унести не смогу, поэтому тщательно отобрала, что будет лежать в сумке на колёсиках (ее мне кстати Валентина Ивановна одолжила), а что пойдет в большой чемодан (подарок жениха), который скорее всего останется в гостинице. Посмотрим потом.

Раздел маячков, конечно не относился к бытовой магии, но я девушка любопытная, поэтому на всякий случай подарок жених на маяки проверила. Ни одного не нашла. Надеюсь, что это потому что мне доверяют, а не потому, что мне не хватает знаний, чтобы их обнаружить. Хотя все же лучше не рисковать...

Мама Никки меня удивила. Она была полной противоположностью того образа, который я себе нарисовала. Эффектная брюнетка, которая выглядит скорее старшей сестрой Никки, а не его мамой. Одета так, что даже я понимаю — это не дешево, стильно и модно. Во всяком случае в модных журналах, которые наши девочки зачитывали до дыр, как раз были нарисованы шляпки с такими небольшими загнутыми полями и приталенное длинное темно бордовое пальто. А уж Юлианна, которая вышла меня проводить, вообще впала в легкий ступор. Но ее так просто не прибьешь, поэтому уже минут через 10 она готова была обсуждать все и со всеми. Но за это время мы уже успели собраться, попрощаться и загрузиться в автомобиль.

Это надо же столько счастья сразу! И на автомобиле наконец проедусь, и Юлианна молчит!

Загрузив наши вещи в багажник, Николай отправил нас с мадам Лесим на заднее сиденье, а его мама села на пассажирское. Крыша у автомобиля была из какой-то очень плотной ткани. Не металлическая. И, если я правильно помню объяснения «родственника», ее можно было убрать, когда будет жарко. Она просто складывалась. Интересно было бы

посмотреть на это, но не сейчас. В окнах были вставлены стекла, что делало поездку более комфортной, хотя внутри было не сильно тепло. Погода была достаточно прохладной для этого месяца, снег только растаял, дороги подсохли, но по ночам все еще было очень холодно. И в автомобиле желания снять пальто или даже шляпку — не возникало.

Я сидела со стороны пассажира. Мама Николая расспрашивала меня о жизни в пансионе, достаточно часто вставляя «а вот Никки в такой же ситуации... Никки очень талантливый... Идеальная пара для любой девушки». Я тут же соглашалась, что да — талантливый, да — идеальная пара для девушки.

— Надеюсь, у Никки уже есть такая девушка.

Ну не понимаю я никаких намеков, и быть той, для кого Никки — идеальная пара — тоже не хочу! Два часа — это максимум, который я выдерживаю рядом с ним! А уж скольких сил это от меня требует!

— Может она у его уже и есть...

— Очень рада за них. Я пока такую пару не нашла.

Даа, ее реакция на мои слова меня очень порадовала. Она перестала мне расхваливать своего сына и дала спокойно полюбоваться видами из окна. Мы выехали на дорогу. Ехали аккуратно, обгоняя груженые повозки, кареты, всадников. Пару раз попались на глаза автомобили. Один — с металлической крышей и темно-черного цвета, другой — зеленый, с такой же с брезентовой крышей как у нас.

Немного затормозили при въезде в город. Пришлось немного подождать. После чего мы начали пробираться по улицам Огнедара, столицы Антарийской империи.

— Николай, а в какой гостинице мы будем жить с мадам Лесим?

— Какая гостиница, дорогая! У нас дом в столице.

Так, а это мне не надо. Из дома намного сложнее сбежать. Там и слуги свои, да и просто... В гостинице — ты никому особо не нужен, куда пошел — никого не интересует... Да и дом наверняка не в центре, а мне еще с поверенным встречаться. А до него еще добраться надо.

Без его помощи я точно не справлюсь, но надеюсь, что его удастся уговорить. При нашей встрече он произвел впечатление порядочного человека, да и магическая клятва, которую произносят при заключении договора должна помочь. Договор он заключал с моими родителями. Но до совершеннолетия — я тоже сторона этого договора.

— Нет, директриса сказала — только нейтральная территория. Мадам Лесим подтвердит.

Мадам Лесим кивнула максимально сдержанно. Ее жестко укачивало, но она умудрялась следить за нашим разговором.

— У нас с мадам Лесим номер должен быть один на двоих. Иначе я настаиваю на том, чтобы вы отвезли меня обратно в пансион.

— Конечно, Ариадна. — Никки говорил, не отрывая взгляд от дороги — Гостиница тихая. Семейная. Недалеко от нашего городского особняка.

— Сейчас заселитесь, но на ужин все-таки к нам! Просто завтра вам целый день придется провести вместе, твой отчим хотел с тобой пообщаться и было бы проще, если бы вы остановились у нас дома... Он как раз собирался заехать.

— Неженатый племянник опекуна — недостаточно близкий родственник. Это может подвергнуть репутацию девушки риску — мадам Лесим решила вмешаться. — Если бы еще в

доме опекуна, под присмотром его жены, то тогда можно было бы еще рассмотреть этот вопрос.

Ага, сейчас! Мне взгляда жены опекуна и в десять лет хватило, чтобы понять, что в своем доме она меня видеть не просто не хочет, а... В общем, ненависть в ее взгляде запомнилась десятилетней девочке на всю жизнь.

Мадам Лесим, я вас просто люблю! И расцеловала бы сейчас, если бы это не привлекло бы столько внимания! Но мой благодарный взгляд заметили. В глазах мадам Венюковой сверкнуло что-то. Что-то настолько опасное, что я бессознательно начала снимать перчатки. Теперь нужны только подходящая ситуация, чтобы коснуться.

— Роза Эльбертовна, пить хотите? Есть лимонад. Наша кухарка готовит его по особому рецепту. На травах.

Не отказалась. Коснуться пальцев — дело техники.

Я давно привыкла к подлостям, мелким, и не очень пакостям, попадались ненависть и равнодушие, но то, что я увидела — надолго выбило меня из колеи.

Гостиная в каком-то доме. Со вкусом оформлена. Вечер, а свет неяркий. Так несколько бра по стенам. Люстра не горит.

Мой опекун? Вид у него странный. Он сидит в кресле с бокалом вина, смотрит на огонь. Вид такой домашний, расслабленный. Даже рубашка на груди расстегнута. Роза Эльбертовна сидит в кресле напротив. Свой бокал поставила на столик рядом. Я как бы стою за ее спиной. Странно. Одежда тоже домашняя. Не банный халат, конечно, но все же...

— Твой сын сможет сделать то, что надо?

Опекун глотнул вина и посмотрел на маму Никки. Задумчивый такой взгляд и жесткий. Я не ожидала такого жесткого взгляда, мне всегда казалось, что он слабее... Показалось? Притворился?

— Он не хочет. Говорит, что насилие по отношению к девушке — это через чур. Но я смогу его убедить. Хотя, на мой взгляд, какое там насилие? Просто напою ее этим...

Роза Эльбертовна помахала рукой, в которой держала какой-то пузырек темного стекла.

— А там она сама на него набросится. Следы можно определить только в первые двое суток, а дальше — никто ничего не докажет. А девица — сама хотела, сама соблазнила бедного мальчика, который благородно теперь предлагает на ней жениться. Опозоренной, между прочим.

— Главное, чтобы остались следы, она умная девочка. Через чур умная и очень хорошо претворяется.

— Будут и следы, и свидетелей обеспечим. Выйдет замуж — никуда не денется. И мой сын будет графом Чернышевым, если уж собственный отец его признать не хочет.

— Я признал!

— Ага, сыном погибшего младшего брата, а не своим.

— Ты же знаешь, я не мог развестись с Людмилой и жениться на тебе. Ее отец живо лишит меня должности и заберет дочь и внучку. Хочешь сидеть без денег и вспомнить свой предыдущий способ зарабатывать? Сейчас на твои прелести не будет столько желающих.

— Не надо мне про это напоминать. Я все помню.

— Ах помнишь, тогда не мотай мне нервы!

Женщина подошла, просунула руку между пуговицами его рубашки, и провела по груди, а другую руку опустила вниз к штанам.

— Обожаю, когда ты так злишься... Ну что — пошли мириться?»

И на страстном поцелуе меня выкинуло из воспоминания.

Абсолютно выбитая из той сферы спокойствия и готовности действовать, в которую я себя заключила, я смотрела на эту хорошо сохранившуюся брюнетку и пыталась понять, как мне теперь уложить всю эту информацию в имеющуюся картину мира.

Видимо взгляд у меня был какой-то бешенный, поскольку теперь она схватила меня за руку и уставилась в глаза.

— Вы в порядке, Ариадна?

— В полном, просто укачало, Роза Эльбертовна.

— Можешь звать меня тетей Розой, мы хоть и дальние, но родственники.

— Конечно, тетя Роза.

Сил на то чтобы спорить не было совсем. Тетя — так тетя. Я аккуратно отодвинула ее руку, которой она придерживала меня за плечо и уставилась на дорогу впереди. Меня потряхивало, но так как дорога была неровной, это было абсолютно незаметно.

Так, теперь надо успокоится и немного подкорректировать план.

Подумать только, у меня еще были определенная жалость к этим людям. И даже чувство вины... Теперь они мгновенно испарились и внутри родилась ледяная ярость...

Они хотели меня... Я даже воспроизвести это в голове не могу... А я еще жалела тебя, Никки. Бедный, как тебя дядюшка женится заставляет, а ты... Тоже в этой афере... Интересно, успела она его уговорить?

Тряхнула головой. Нет, не интересно!

Говорят, что в каждой семье есть ворлох под кроватью. В этой семейке их просто запредельное количество. И как только помещаются. Видимо у дяди кровать с нашу спортивную площадку, чтобы уж все толстые и жирные ворлохи поместились. Или они этажами заселяются? Тогда кровать у него должна быть под потолок.

Дурацкие мысли, но помогли сбросить ярость и настроится.

Что ж. Побег — сегодня.

Гостиница действительно была небольшой, семейной, и практически рядом с домом Николая, но достаточно далеко от центра. Бросив взгляд на улицу перед гостиницей, я поняла, что в принципе рядом стоят три-четыре извозчика. Надеюсь, что вечером будет хоть один.

Номер с мадам Лесим нам выделили на втором этаже, в самом конце коридора. Неплохо, особенно учитывая, что рядом оказалась лестница для слуг. Не такая парадная как центральна, более узкая и темная. Но на домоводстве зажигать небольшие освещающие дорогу шарики нас учили еще в самом начале обучения. Нас — всех имеющих дар, а он у меня был.

Могли быть проблемы с выходом на улицу и входной дверью. В пансионе дверь для слуг не запирали, и я надеялась, что здесь будет тоже самое. Если это не так — придется выходить из центрального входа. Заклинания отвода глаз я в нашей библиотеке найти не смогла. Говорят, они относятся к разряду служебных для соответствующих служб и поэтому их нет в обычном доступе.

Вот маячки — другое дело — их вешают на вещи, чтобы не потерять. Одна из наших воспитательниц постоянно теряет очки. У нее их две пары, одни для чтения, другие для всего остального. И те, и другие она умудряется терять с завидной периодичностью. Она и научила меня ставить дальнобойные маячки. Ставить — могу, а снимать — не очень.

Пока мадам Лесим приводила себя в порядок в ванной — я еще раз проверила свои вещи на маячки. Мало ли что. Потом может не быть времени.

Приняв душ и переодевшись в не самое праздничное свое платье, я настроилось на бой. Маловероятно, что ту гадость, которой «тетя Роза» планирует меня напоить, мне подольют сегодня. Точнее, если бы согласились жить у них — могли бы и подлить. Скорее всего — завтра. Я весь день буду у них дома, Никки меня может проводить до гостиницы, а там... Не знаю, что они планируют делать с мадам Лесим, но наверное то же самое, что и я — усыпить.

Хорошим снотворным мне удалось разжиться полгода назад. До того, как я съехала от Юлианны, но после того как поняла, что абсолютно зря ей доверяла, я мучилась от бессонницы, а потом днем теряла концентрацию. Стала хуже учиться, да и вообще привлекла внимание директрисы своим состоянием. Вызванный лекарь поставил диагноз «переутомление на фоне сдачи экзаменов» и прописал снотворное. Хорошее.

Юлианна спала как убитая. Очень уж она меня достала своим нытьем в тот день. Все вокруг плохие — одна она свет во мраке. Голова болела сильно, видимо поэтому идея проверить снотворное, выданное мне милейшим Андреем Бонифациевичем, на «подруге» на тот момент показалась удачной. Испытание тоже прошло удачно, утром разбудить Юлианну удалось, но с трудом. А мне тогда помогли: успокаивающий чай тети Клавы и ее же пирожки. Мы тогда каждый вечер чаевничали. Но запас снотворного — остался.

Под предлогом усталости и волнения от знакомства с дальними родственниками, я почти ничего не ела и не пила в тот вечер. Точнее, брала только то, что стояло на общем столе, и что, как я видела, хозяйка дома тоже ела. С напитками было сложнее. Первый бокал пришлось уронить на стол. Пусть неуклюжая, зато так спокойнее. А чай... Я взяла дальнюю от себя чашку с подноса. Так тоже не особо правильно, рукав платья мог попасть в другие чашки, но пусть лучше меня сочтут невежливой, чем то, что они запланировали. Вдруг передумают... Хотя взгляд тети Розы доказывал, что не передумают. Видимо для них я была достаточно ценным трофеем. И мое мнение в этом случае никого не волновало.

Пришлось постоянно в течении всего вечера себе напоминать, что я — девушка божий одуванчик. Ничего не знаю, ничего не подозреваю, прямо такая наивная и нежная.

Под конец вечера Венюковых мне похоже удалось в этом убедить, а вот мадам Лесим смотрела на меня с некоторым подозрением. Видимо мой образ сегодня сильно отличался от обычного поведения, ну что ж — со стороны виднее, главное, что она смолчала и мой образ «робкой ромашки» сомнению не подвергала.

Кстати, комната с камином из видения оказалась именно в доме Никки. Увидела, когда он нам экскурсию по дому устроил. Значит похоже, отчим тут частый гость. Хотя сегодня его не было. Тетя Роза сказала, что он в отъезде. Тем лучше, потому что я помнила его жесткий взгляд в видении, и он очень не вязался с тем образом, немного рохли, в котором я видела его раньше. Это пугало меня. И хотя встреча с ним планировалась на следующий день — я готова была сделать все возможное и невозможное, чтобы ее избежать.

На этом фоне Никки, с его любовницей и желанием жениться на мне по заданию дяди, выглядел милым зайчиком. Мне даже стало его чуть-чуть жалко, но ломать ради этого всю свою жизнь — не позволю! Что меня ждет в этой замечательной семейке, где дядя является любовником свекрови, у мужа — есть некая Леся, а я как ненужная вещь...

В гостиницу нас отвозил Николай. Мне казалось, что он вообще радуется любому

поводу посидеть за рулем. Мадам Лесим — ожидаемо укачало, поэтому снотворное в стакане воды, который я ей дала, чтобы она пришла в себя — она почти не заметила.

— Кисловатый вкус...

— Я лимонного сока добавила, говорят от тошноты помогает. Идите первой в ванную, мадам Лесим. Вам нужнее.

— Спасибо, деточка.

А деточка в этот момент складывала вещи. Бежать куда-то на ночь глядя, я не собиралась. Во-первых, в пять утра и сон крепче, и вопросов меньше по сравнению с 12 часами ночи. Во-вторых — где мне тогда всю ночь проводить? На вокзале? На улице? Зачем лишний раз искать приключений на свою... Ну в общем, на самую любящую приключения точку. Итак, у меня там, наверное, магнит их притягивающий, а после появления родового артефакта не просто магнит, а магнителище...

Единственный человек, которой мне может помочь на первых порах — это поверенный. Адрес мистера Штольца я помнила наизусть и поэтому планировала добраться до конторы и подождать до ее открытия.

Мадам заснула быстро. В полной темноте я дособирила вещи, включая зубную пасту, и спрятав поближе в сумочку имеющуюся наличность. Ее было немного, но по аккуратным расспросам нашей поварихи, чей сын с семьей жил и работал в столице, снимая небольшую квартирку, этого должно было хватить на какое-то время. Хотя на помощь мистера Штольца я все же очень рассчитывала. Договор с моей семьей действовал до моего восемнадцатилетия. Отчисления за услуги шли автоматически с банковского счета, и я надеялась, что он подскажет мне, можно ли снять хоть часть наличности со счета без ведома опекуна?

Та сумма, что у меня была — вообще была не совсем моя. Я ее не украла, нет. Только позаимствовала. Правда не знаю у кого. Там вообще история странная получилась.

Я, когда увидела, что Юлианна с девчонками планируют Ирину закрыть в старом сарае на окраине пансиона, решила этот сарай осмотреть. Ну и припрятать там кое-что на случай, если в мое отсутствие этот план будет приведен в исполнение. Мы с Ириной пришли туда днем, чтобы осмотреть все, проверить замки, посмотреть нельзя ли их открыть изнутри и, если можно, то что для этого надо. Потом мы планировали спрятать внутри веревку, металлическую вилку и нож (просто как оружие) и магнит. Как оказалось, магнитом можно хорошо отодвинуть засов, а замок настолько проржавел, что закрыть его можно только с применением хороших знаний магии (которыми ни Юлианна, ни ее прихвостни не владели, да и мы, если честно — тоже), либо перед этим хорошенько его прочистив и смазав. А на такие подвиги, как зачистка наждачной бумагой и смазывание маслом, не была способна ни одна из моих так называемых «подруг».

«Аааа, ногти! Аааа, нежная кожа рук!»

Мы понадеялись на их лень.

При осмотре сарая меня почему-то тянуло в один угол. Именно там мне пришла «гениальная» мысль закопать столовые приборы и магнит. Хотя Ирина предлагала засунуть их куда-нибудь под потолок, чтобы в грязи или снеге не копаться. Честно сказать, мы потом так и сделали. Но в тот момент я уперлась, и со средоточенным видом стала ножом, предназначенным для сокрытия на будущее, ковырять землю пополам с песком. И доковыряла. До мешочка с монетами.

Кладу было не более 10 лет, потому что наряду с монетами с профилем Павла IV, были еще монеты с профилем его отца, Александра V. Сейчас такие не входу. Что не помешало нам с Ириной принести мешочек к нам в комнату и спрятать. На этот раз ничего не закапывая. Просто отодвинув доску.

Перед отъездом, кстати, я ни с кем не прощалась, но, по-моему, Ирина поняла, что я не собираюсь возвращаться, потому что вспомнив о нашем кладе она сказала:

— Тебе он нужнее. И на всякий случай запомни пожалуйста адрес дома моего отца. Через год, когда мне исполнится восемнадцать, он сказал, что заберет меня из пансиона и выведет в свет. Может встретимся.

Я тогда просто молча обняла ее. Я к ней очень привязалась и ей доверяла. Но также понимала, что в случае моих активных поисков, даже под действием артефакта правды она не сможет рассказать обо мне то, чего не знает. Меньше знаешь — зеленее артефакт.

Я боялась проспать подходящее время. Поэтому дремала в кресле, периодически просыпаясь и глядя на часы. С одной стороны — меня выключало от усталости, с другой будило от страха не успеть, упустить время и возможность. Так себе качельки.

Ничего, потом высплюсь.

Рассвет был в районе четырех утра. И тут я поняла, что дольше ждать не могу. Просто боялась проспать и потерять возможность начать самой выстраивать свою жизнь. Хорошо, когда есть тот, кому доверяешь и на кого можно положиться. А если нет? Вот и приходится нам, хрупким девушкам, брать в свои руки что-то потяжелее карандашей и ручек. Например — сумку.

Оглядев комнату в последний раз, чтобы убедиться, что ничего не забыла, я подхватила сумку на колесиках и аккуратно выскочила за дверь. Пока мне везло: служебная лестница была абсолютно пустой, а дверь внизу — открытой.

Карты столицы у меня не было, поэтому как далеко находится контора мистера Штольца — я не знала. Помнила только адрес с визитки. Обойдя здание по кругу, выглянула на улицу. Влажноватый туман норовил пробраться под темно-синее пальто, в котором с утра было все же холодновато. Хорошо, что не собралась бежать зимой, там бы пришлось перекашиваться утепленным коломом... Да и до столицы бы дольше добирались...

Но зато мне опять повезло! И на этот раз с извозчиками. Точнее с одним. Экипаж стоял там, где вчера их было намного больше. На козлах дремал достаточно пожилой мужчина, а у лошади на морде была торба с овсом. Ранний завтрак.

А вот про еду-то я и не подумала. Есть пока правда не хотелось. На нервах видимо.

— Любезный, любезный!

Мужчина посмотрел на меня немного мутным взглядом, но потом быстро проснулся.

— Да?

— Мне нужно на железнодорожный вокзал. Сколько?

Цена может и была высокой — не знаю, но главное, что денег хватало. Погрузившись в закрытую карету вместе с сумкой, я жадно смотрела в окно осматривая город. Ну не настолько у меня большая сумка, чтобы класть ее в багажное отделение! Да и выпускать ручку из рук — не хотелось. Все же я очень волновалась, поэтому вцепившись в ручку уговаривала себя, что все хорошо и все идет по плану. При этом я старалась думать, о чем угодно, кроме того, что могло мне угрожать.

Долгими вечерами, обдумывая свои действия, я решила не сразу ехать к поверенному. Пусть опекун и не узнал у меня имя поверенного, но думаю, при желании, это было бы не

сложно разузнать. Особенно если он подаст заявление в жандармерию, и они начнут мои официальные поиски. Поэтому, пусть пока все думают, что я уехала из города на паровозе. Была даже идея купить билет куда-нибудь, но потом я от неё отказалась. Билеты очень дорогие, а денег у меня не так уж и много.

Потом я планировала подождать какое-то время на вокзале и нанять другого извозчика, который и отвезет меня по адресу нотариальной конторы.

Двухэтажные дома с небольшими парками или без них, но с высокими кованными заборами сменились на высокие в 4–5 этажей дома, без заборов, без огороженной территории. Прямо под окнами домов шли дорожки для пешеходов, слегка поднятые над дорогой. Дома, стоящие так плотно друг к другу, что казалось поддерживали друг друга стенами. Цвета были неяркими. Но достаточно насыщенными. Преобладали различные оттенки коричнево-красного, цвета охры. Улицы, уходящие вбок, позволяли увидеть либо такие же высокие дома, либо двух-трех этажные дома, огороженные забором. Но там было ясно, что они отличаются от домика Венюковых так же, как дом Венюковых от собачьей будки. Другой стиль, другой уровень, другая весомость. Они говорили о том, что те, кто в них живут здесь надолго, что они обладают властью и силой. Серьезные такие дома...

Опустив голову вниз, я поняла, что уже какое-то время мы едем вдоль рельсов, утопленных в брусчатке дороги. Рельсы? В городе? Замотав головой, я захотела увидеть поезд, который должен был проезжать здесь, но увидела лишь провода, натянутые над дорогой, и странную повозку без лошадей и локомотива. Вагон ехал сам по себе! Даже два, сцепленных друг с другом вагона!

То ли в воспоминаниях детства железнодорожные вагоны были больше, то ли с тех пор много, что поменялось, но это вагон казался легче, как-то тоньше и невесомее. Хотя по бокам от него, уцепившись за поручни, как гирлянды на елке, висели люди. Не только мальчишки, но и солидные дядечки в рабочей одежде.

Я думала, что таким ранним утром улицы будут абсолютно пустыми! Однако я ошиблась. Скромно одетые мужчины и женщины куда-то спешили, а некоторое и ехали на этом странном виде транспорта. Я даже высунулась в окно, услышав негромкие ругательства извозчика.

— Понастроили тут всяко. Транамваи всякие, нормальному извозчику работы совсем не осталось...

— Любезный, а что это за транспорт?

Мужчина вздрогнул, он похоже и не понял, что разговаривал сам с собой вслух. А тут — я, такая вся любопытная.

— Так ведь построили ветку из одного конца города в другой. Трана... трамо..., в общем, транамваи. Билеты дорогушие, а все остальные цепляются за дверцы и катаются, вместо того, чтобы нормально извозчика нанять! Ну кто так делает!

И действительно, гроыхающий вагон, на котором с внешней стороны, зацепившись за металлические боковые приваренные ручки, стоя на приступке ехали несколько мужчин одетых в рабочие робы некоторое время ехал параллельно нам. Или мы параллельно ему. Вагон-то точно никуда свернуть не мог. Я видела кондуктора внутри этого транспортного средства и только одного пассажира. Хмурого мужчину в мундире. То ли на работу, то ли с работы... в пять утра.

На вокзале я расплатилась с немного оттаявшим извозчиком, который продолжал ругать

нерадивых пассажиров, которые не предпочитают проехать бесплатно, лишая его работы. Он наверняка теперь точно запомнил и меня, и куда меня привез.

Взяв свою сумку, я медленно двинулась внутрь огромного светлого здания, состоящего из светлого кирпича, больших окон и металлических перекрытий. Вот странно: дома по большей части темные, а вокзал светлый, почти белый. Во всяком случае с фасада.

Около вокзала и внутри дежурили жандармы. Я боялась, что народу будет мало, и я буду выделяться посреди зала, как дерево посередине пруда. Но переживала я зря. Вокруг сновали люди с чемоданами, носильщики с тележками, работники вокзала, судя по одинаковой черной униформе с серебристыми нашивками. Все куда-то спешили. Оглядываюсь на огромное табло в центре зала. На нем показывали номер пути, время отправления и конечную станцию. Я встала напротив этого табло и совершенно забыла, что вообще-то я хотела только скрыться с глаз извозчика, а потом выйти и найти другого. Как замороженная я смотрела на меняющиеся строчки. На самом верху те, что уходят в ближайшие 10 минут, ниже, те что позже. Время на самых нижних строчках — 10 часов дня. Ого, это же еще через 5–6 часов.

Я скользила взглядом по строчкам пытаюсь найти... Действительно, а что я пыталась найти? Новоселы! Соседняя станция! Туда, куда мы с отцом ездили в город!

Появилась мысль купить билет и поехать в поместье, «родное гнездо», в котором я была счастлива с родителями, и откуда меня забрали, после их гибели. Поместье, которое нельзя продать, пока я не подпишу бумаги, но которое можно превратить в пустыню, продав оттуда все, что там есть. Надеюсь до такого мой опекун не опустился, он же еще надеялся продать поместье? Лучше состояние — больше денег. Ну или меня туда потом сплавить, с мужем. Или без него, но подальше от столицы.

Взглядом я даже уже нашла кассы: несколько комнаток, одна из стен которых представляла собой огромное окно, возле которого сидели девушки-кассирши. Через окошечки они разговаривали с пассажирами и передавали им разноцветные билеты. Свой класс обслуживания — свой цвет билета. Розовая с золотистым тиснением бумага — первый класс, голубая — второй, серая — третий.

А потом дала себе шикарный подзатыльник. Мысленно правда. Ариадна! Тебя там искать будут в первую очередь — это раз! Что и кто тебя там ждет — неизвестно! Это — два! Может ты и в дом то войти не сможешь и что? Стоять под дверью пока жандармы с опекуном не появятся? Второй раз я так просто не сбегу. Это — три!

Я обязательно, обязательно, обязательно туда съезжу, но позже. А сейчас окинула взглядом вокзал, лавки — здесь и кресла, выглядевшие удобными, в зале ожидания чуть дальше. Постепенно возбуждение от побега уходило, и на смену ему приходила усталость. Хотелось спокойно посидеть здесь на лавочках или там на креслах. В тепле. Но надо добраться до мистера Штольца. Здесь меня легко найти, если останусь. Значит — искать извозчика!

Во второй раз нанять извозчика было даже легче, чем в первый. Правда перед этим я зашла в дамскую комнату, убрала волосы под шляпку, а сверху накинула связанную когда-то бежевую шаль. Длинную такую. Теперь основной цвет моей одежды был не синий (пальто), а бежевый. Наверняка одной из примет, по которой меня будут искать — синее пальто. Других теплых вещей у меня все равно нет. Шаль закрывала пальто ниже пояса и прикрывала вязанный теплый берет. Была идея одеть красную шаль, она бы точно синий цвет перекрыла, но я хотела стать незаметной, а контраст синего с красным — сочетание

привлекающее внимание. Это я вам как художник говорю!

Здание, к которому меня привезли было далеко от императорского дворца, но близко к деловому центру города. Судя по домам данный район Огнедара — спокойный, зажиточный и достаточно оживленный. Людей в рабочей одежде почти не попадалось, а вот горничные в униформе, молодые люди в костюмах и пиджаках, или кожаных куртках — спешили по улицам даже в этот ранний час. И автомобилей здесь было намного больше.

По дороге мое внимание привлекло здание темного, почти черного цвета. Пять этажей, украшения на фронтоне в классическом стиле. Высокий первый этаж с арками, в которых расположены окна. Правда заглянуть в них нельзя. Точнее можно, но они зеркальные, поэтому в них прекрасно видно, как мы проезжаем мимо. На втором этаже — декоративные балкончики. Максимум, что на них поместиться — это горшок с цветком. С третьего — по пятый этаж ничего особенного, кроме того, что углы здания закруглены. Красивое здание, только слегка мрачноватое. И два дежурных жандарма на входе. Тяжело, наверное, весь день так стоять. Или они меняются?

Пока я обдумывала эту мысль, мы подъехали по нужному мне адресу. Даа, утро. Шестой час. Около двери висит табличка «А.В. Штольц». И все. Врач? Поверенный? Ювелир? Видимо предполагалось, что те, кто сюда пришел итак знают зачем и к кому.

Постучала. Увидела сбоку звонок. Позвонила. Тот же результат. Конечно, я не надеялась, что в такую рань он работает. Просто думала, что возможно он живет где-то рядом. А что? У нас так часто: на первом этаже — магазин, на втором живет владелец магазина, в подвале — склад. Все рядом, все удобно.

Ну что ж, буду ждать. Поставив свою сумку на колесиках, села рядом на ступеньки. Теперь мимо меня господин Штольц точно не пройдет. Если конечно у него нет черного хода. Села на ступеньках и ждала, наблюдая за людьми, спешащими вдоль по улице. Интересно, куда все спешат? Эта мысль только слегка сбила мой устало-невыспавшийся настрой.

Похоже я заснула, облокотившись на свою сумку, прямо на ступеньках. Поняла я это только тогда, когда вдруг услышала мужской голос:

— Доброе утро. Госпожа Чернышева?

Глава 5

— Доброе утро, господин Штольц. Вы абсолютно правы, это я.

Смотрю на него и понимаю, что что-то не так. Понять бы еще что.

Встала. Мамочки, да я ж, наверное, все себе отсидела на этих ступеньках! Как я только заснула? Почти посреди улицы? Поверенный подхватывает мою сумку.

— Проходите, секретарша подойдет попозже, но чаем я вас сейчас напою. Вы завтракали?

— Нет.

Дверь открыта. Господин Штольц занес мою сумку. Так, теперь надо его коснуться, чтобы понять насколько откровенной с ним я могу быть. Это уже как знакомство. Представится и коснуться.

Так все-таки, что же с ним не так?

Раздевшись и помыв руки, решаю перехватить у него поднос с сахарницей и вазочкой с печеньем. Уже привычно пробивает электрическим зарядом, небольшой молнией. Я даже уже приучила себя не вздрагивать. Да, больно, но пользы от этих видений все же пока

больше чем боли, поэтому можно и потерпеть. Главное, чтобы окружающие не заметили.

Сначала затопило чувство, что доверять смогу. Ура, ура! Можно немного выдохнуть. Теперь мне нужна пауза, чтобы посмотреть тот фрагмент из прошлого или скорого будущего, который мне показал семейный артефакт.

— Секретарь придет через сорок минут. Пейте чай.

Я и не знала, что так замерзла оказывается. Кружка кажется огняной в руках. Обнимаю ее руками, и подношу к лицу. Ммм, с малиной...

«Какое-то помещение. Похоже на кабинет. Парень лет двадцати и мой отец. Отец?!

— Что-то странное происходит вокруг нас. Алексей, я прошу тебя позаботиться о ней.

— Я давал клятву на крови и не планирую ее нарушать.

— Клятву ты давал мне, а не дочери. К тому же, я все равно тогда не смог бы пройти мимо, так что ты мне ничего не должен.

— Ну, если бы не ваша помощь тогда, Александр Алексеевич, сейчас бы скорее всего не было в живых ни меня, ни моей семьи. А клятва... Хотите произнесу заново?

— Просто помощи ей. Если с нами что-то случится — стервятников налетит... Ей нужен надежный человек.

— Для вашей дочери я сделаю все возможное и невозможное. В любом случае.»

Я подняла взгляд на Штольца. Это же он тот двадцатилетний парень! Там он мой ровесник! Только...

Видение и горячий чай немного прочистили мне мозги. Теперь понятно, что меня так задело, а я — до конца не проснувшись. сразу не поняла!

Когда мне было шестнадцать, и он приезжал в пансион, он выглядел как мужчина в возрасте под пятьдесят. Мне он тогда показался старым. С брюшком, лысоватый. А сейчас передо мной стоял достаточно молодой мужчина: невысокий, крепкий, с короткими, чуть вьющимися, почти черными волосами лет 30–35. Возраст! Это он?

— Вы знали моего отца?

— Знал, Ариадна Александровна.

Как бы теперь поаккуратнее спросить...

— Когда вы почти два года назад приезжали в пансион, вы выглядели иначе...

Никогда не слышала, чтобы так смеялись: свободно, негромко и очень заразительно. Улыбка просто сама выползла на мои отогретые чаем губы.

— Сейчас начнется рабочий день, и я буду выглядеть именно таким, каким вы меня запомнили, Ариадна Александровна. У нас не любят доверять очень молодым поверенным, поэтому на работе мне приходится носить артефакт корректирующий внешность. Все абсолютно законно. Это моя собственная внешность. Просто обычно любят носить с омолаживающим эффектом, а у меня вот так...

Штолец развел руками.

— Заряжается. — И он махнул рукой в сторону окна, на котором на специальной платформе лежал строгий темный мужской браслет.

— А как вас зовут, господин Штолец?

— Алексей Владимирович, Ариадна Александровна. Что привело Вас ко мне?

И я рассказала. Рассказала все. Почти все. Про то, что могу видеть события, касающиеся меня — умолчала. Просто: «слышала разговор, мне сказали, видела, запомнила». Печенье из вазочки закончилось очень быстро. Штолец меня почти не перебивал. Вопросы успевал задавать в паузах, когда я собиралась с мыслями.

— Алексей Владимирович, я пришла!

Женский голос заставил вздрогнуть. Я до сих пор держала в руках чашку, перекатывая ее в ладонях, хотя и чашка давно остыла, и чай кончился.

— Доброе утро, Леночка! У меня клиент.

Мужчина встал, подошел к окну и надел браслет. На меня опять смотрел пожилой дядюшка с небольшим животиком и лысоватый. Правда теперь развитеть того, кто выслушивал мою исповедь только что, было сложно. Сквозь образ дядюшки нагло пролезал образ молодого мужчины.

Штольц выглянул за дверь.

— Леночка, принесите из соседней пекарни булочек. И пирожные уже закончились. Возьмите деньги.

Неведомая мне Леночка упорхнула, а Штольц вернулся в кабинет.

— Вы все правильно сделали, Ариадна Александровна. Что планируете делать дальше?

— Спрятаться. Найти работу. И протянуть время до 20 лет.

— Мы можем потребовать сменить опекуна... Правда нужны будут доказательства недобросовестного исполнения его обязанностей.

— Это долго?

— Не быстро.

— Тогда смысл? Во-первых, на данном этапе мои слова — против слов опекуна, «жениха» и его матери. Произойти — ничего не произошло. Меня не отравили, не выдали насильно замуж. Мне даже предложения не сделали! А ловить их на живца — я пока морально не готова. Видеть их не могу... Во-вторых, смысл? Еще не известно, кого мне подберут вместо Венюкова. Тут хоть известное зло. В-третьих, вы сами сказали, что это не быстро. Пока будем собирать доказательства, пока судится... Пройдет как раз те два года и 3 месяца, что мне остались до совершеннолетия. Что-то мне подсказывает, что деньги с семейного счета я все равно не смогу снять без разрешения опекуна, так что все равно придется искать работу и лучше будет, если никто не будет знать, что я — это я.

— Вы очень разумная девушка. И очень похожи на отца. Матушка ваша всегда была более эмоциональна.

— Вы знали моих родителей?

— Знал.

— Расскажите мне о них?

— Конечно, после того как мы с вами немного скорректируем ваши планы.

В горле застыл комок боли и горечи. Я закрыла глаза и попыталась его проглотить. Время, ты, когда лечить-то начнешь? А то все мимо и мимо.

— На данном этапе мы совершенно спокойно и легально можем, для начала, поменять вам фамилию.

— Зачем?

— Вам нужны новые документы. Найти вас по нынешним — намного легче. Однако, если сделать вам документы на девичью фамилию матери... Так как 16 лет вам уже есть — разрешение опекуна на данное действие — не требуется. Достаточно вашего свидетельства о рождении. Белевская Ариадна Александровна, подойдет?

— Конечно!

— Как я понял из вашего рассказа, ваш опекун, обнаружив, что вас нет, — Штольц

посмотрел на часы на стене. На них было почти девять утра, — Так вот, сначала скорее всего он попробует вас найти своими силами и с помощью частных детективов, не привлекая внимание жандармерии. Еще не известно, какие документы он планировал уговорить вас подписать... Когда вы должны были вернуться в пансион?

— Завтра к вечеру.

— Ну, какое-то время он, конечно, потянет... У нас с вами есть два дня на оформление всех документов. А потом — данные клиентов я могу предоставлять только по решению суда, если нет особых обстоятельств угрожающих государственной безопасности.

— Что-то я не ощущаю себя угрозой государственной безопасности...

Аккуратный стук в дверь.

— Я принесла булочки и пирожные.

— Спасибо, Леночка. Сообразите нам еще чаю, пожалуйста.

Леночкой оказалась худенькая блондинка чуть старше меня. Взгляд на Штольца — однозначно влюбленный. Видела я такой у той самой воспитательницы, которая с конюхом потом в подсобке... А, не важно...

А так как сейчас он по внешнему виду ей то ли в отцы, то ли в деды годится — значит она знает как он на самом деле выглядит. Доверяет. Хотя это абсолютно не мое дело. Мое дело — булочки... Судя по запаху — очень вкусные.

— Скорее всего на меня они достаточно быстро выйдут, поэтому общаться напрямую после сегодняшнего, мы с вами не будем. Сейчас мы подготовим комплект документов на смену фамилии, договор на то, что я буду представлять ваши интересы. До 18 лет действует договор с вашими родителями. Сейчас вы подпишите бумаги, а зарегистрирую их я в день вашего рождения, чтобы вам не приходиться.

Пока все выглядело очень понятно и разумно.

— Квартиру я вам сниму в хорошем районе. Не дорогую, но ведь вам и не надо привлекать к себе внимание. Правильно?

— Да и денег у меня не так много...

— На первое время — я вам дам. Платежи через банк можно отследить, наличность — намного сложнее.

— Я вам обязательно все потом отдам!

— Не надо, ваш отец сделал то, что никакие деньги не оплатят. Поэтому чем смогу — помогу. Хотя работу вам все же найти будет нужно, но только на новые документы.

— Большое спасибо!

Все-таки хороших людей на свете больше, чем этих... Венюковых...

Документы были готовы к вечеру. Поэтому меня еще и обедом накормили. Штолец заказал из находящегося недалеко кафе.

В принципе, я почти весь день просидела в комнате для ожидания, познакомилась с Леночкой. Убедилась, что со мной она никак не связана, да и ближайшего будущего тоже не увидела. Значит и оно со мной не связано. В общем, как и у большинства окружающих людей.

Все-таки поверенному надо было работать, принимать посетителей. Леночке тоже. А мне на диване, да с женским модным журналом в руках удалось даже подремать.

Итак, теперь я — Ариадна Александровна Белевская. Имя менять не стала. Долг

привыкать, а если не буду отзываться на новое имя — привлеку лишнее внимание. К тому же, пока я ничего противозаконного не совершала. Ну, подумаешь — фамилию поменяла. Так на девичью же фамилию матери. На наследство Белевских не претендую. В этом случае пришлось бы проходить подтверждение на родовом артефакте по крови. А так — родственница, однофамилица... Кого волнует? Уж явно не тех, кому нужна преподавательница антарийского, вельдского, математики или секретарь?

Газету с объявлениями о работе, как и пару бесплатных советов по ее выбору, Леночка великодушно завернула мне с собой. И еще булочки. Так хоть об ужине, хотя бы на сегодня, можно не беспокоится. Ура!

А еще Алексей Владимирович познакомил меня с замечательной женщиной: Светланой Олеговной. Она сдавала комнаты на 4 этаже доходного дома. Окна выходили не на центральную улицу, а во двор. Так дешевле. Соседи по этажу были достаточно тихие. Две семейные пары без детей, два студента и одна девушка, которая работала медсестрой в больнице. Приходила только ночевать, да и то если не было ночных смен.

Сдав меня с вещами с рук на руки Светлане Олеговне, Штольц отправился по своим делам. Кстати заселял он меня в своем пожилом варианте, представив меня как дальнюю родственницу покойной жены. Квартирная хозяйка лишних вопросов не задавала. Меньше знаешь — дальше от рудников.

— Комната чистая. Ванна, туалет есть, но маленькие. Готовить тоже можно в комнате. Вот тут плита. Посуды — минимум. За каждую разбитую чашку — придется платить. Белье меняется раз в две недели, но гладить — это за тобой. Мусорка — во дворе. Если что сломается или вопросы — подходи. Моя комната — последняя по коридору. Мужиков — не водить. Выселю.

Я возмущенно вспыхнула.

— Вот только мужиков мне тут не хватало...

— Вот и не надо деточка. Алексей Владимирович сказал, что ты сирота?

— Да.

— Значит, кто еще тебя уму разуму научит кроме меня? Мужики меняются, дети — остаются. Так что осторожнее, деточка. С мужиками и детьми.

Даа. После такого напутствия осталось только стоять столбом. Прямо посреди комнаты. День был сегодня очень длинным и тяжелым. Все равно анализировать и строить планы — мозг отказывается. Тяжелые мысли стройными рядами ползут к кровати. Не будем им мешать. Точнее составим им компанию, доползем вместе. Поэтому — помыться и спать.

Первая мысль утром — где я? Вторая мысль — сколько времени? Учитывая, что есть почему-то хочется очень. Желудок и память подсказали, что я вчера легла спать без ужина, поэтому сегодня и проснулась рано. То ли от того, что солнце взошло, то ли от голода.

Часы подсказали — шесть утра. А ведь не так и рано. Мы в пансионе в полседьмого вставали. Так что организм выбрал привычное время. Хоть что-то неизменное в моей ситуации. И это радует.

После завтрака разложила вещи. Благо у меня их не так много. Кстати полки в шкафу — чистые. Ник грамма пыли. Все-таки когда вокруг порядок — легче думается.

Итак: мне нужно найти работу. Газету с объявлениями Леночка мне вчера дала, но ведь можно и Светлану Олеговну поспрашивать. Вдруг тут рядом кому-то секретарь или учительница требуется? Правда документов об окончании пансиона у меня нет, но всегда

можно сказать, что деньги на оплату обучения и содержания у родственников кончились, а в государственный детский дом после шестнадцати уже не берут. Взрослая слишком. Так что надо бы побеседовать с кем-нибудь, чтобы определить на какую зарплату в Огнедаре я могу рассчитывать? Больше чего? Меньше чего? Вывод — Светлана Олеговна.

Дальше. Это сейчас у меня на завтрак вчерашние булочки. А дальше — что? Продукты где покупать? Чтобы опять-таки вписаться в мою, пока еще не знакомую со мной зарплату? Чтобы и недалеко, и недорого. Вывод — опять Светлана Олеговна.

Третье — не успела я ее вчера коснуться и определить степень моего к ней доверия. Так что, Светлана Олеговна, жду хотя бы девяти часов и иду общаться!

А пока и объявления можно почитать.

Даа, не густо с объявлениями о работе... «Требуются продавцы, секретарь, уборщица в «Айсберг» по адресу...» Интересно, просто сэкономили на объявлении или у них там такая текучка?

«Требуются преподаватель по физике и математике для ребенка 15 лет». Пятнадцать лет и еще ребенок? А куда предыдущие преподаватели делись? Съели? Выдали замуж? Отправили на север? Хотя, варианты разные могут быть. Просто учить парня младше меня на три года? Ладно, все вопросы будем решать по мере поступления, но этот адрес я отправлю в конец списка. Кстати секретари требуются чаще преподавателей. Так что тут шансов больше. Если попадется такой, как Штольц — вообще замечательно.

После увлекательного чтения объявлений я пообщалась с Светланой Олеговной. И выяснила, после касания ее руки, что господин Штольц заплатил за мое проживание на три месяца вперед. То есть мне есть где встретить день рождения. Мне он просто сказал, что оплатил квартиру не озвучивая сроки, а я почему — то сразу не спросила, а потом... как-то было неудобно. Я бы и от денег отказалась, но понимала, что пока я не освоилась — помощь будет явно не лишней.

Так же оказалось, что недалеко есть частная гимназия, куда мне посоветовали сходить. Преподавателем без специального образования меня конечно же не возьмут, но вот помощником воспитателя...

А потом мы прошлись по рядом находящимся магазинам и магазинчикам. Конечно, я помогла Светлане Олеговне донести покупки, но у меня самой тоже прибавилось продуктов. Я узнала, где лучше брать яблоки, а где самый вкусный хлеб, где со скидкой можно приобрести пару приличных полотенец, а где красивую белую кружку с силуэтом кошечки. Подумаешь, поносила не только свою сумку, но и ее. Совершенно не жалко! Просто мелочи.

В этот день я больше никуда не ходила, кроме книжной лавки, где приобрела карту города и пару книг на распродаже. Там, куда сдают ненужные книги, и потом за пару унов их можно приобрести, тогда как новый экземпляр может стоить целый золотой.

Следующий день прошел в беседах, хождении по городу с картой и с постоянным оглядыванием: не вынырнет ли кто-то из Венюковых из-за угла. Очень бы не хотелось.

Я, конечно немного подстраховалась... Серой шалью и шампунем.

Когда еще в позапрошлой жизни няня собирала меня в пансион, она начала намывать мне голову шампунем, от которого мои ярко-рыжие волосы потемнели до темно-каштанового и не так бросались в глаза. Чтобы не происходило в моей жизни, но флакон с шампунем стабильно передавали раз в месяц. Когда я ее спросила: зачем мне менять цвет

волос, она ответила, что не стоит всем с первого взгляда понимать, что я имею отношение к роду Бельских.

— Как будто только у них такие медно-рыжие волосы.

Тогда я очень любила спорить.

— Не только у них, — отвечала мне няня, расчесывая мою гриву, — не только, но знающие люди это не пропустят, а тебе сейчас надо быть не флагом на флагштоке, а тумбочкой в самом темном углу.

Меня тогда очень насмешило сравнение меня — с тумбочкой. А сейчас я просто перестала пользоваться этим шампунем. И мой родной цвет волос, который я почти забыла, нагло выползал огненными всполохами. Пока прядями, но еще пара недель... Зато теперь он прекрасно отвлекал внимание от лица.

Ааа, мои бедные ножки! И желудок! Потому что нормально пообедать мне не удалось.

Все-таки в следующий раз буду искать работу ближе к квартире. На извозчиках не катаешься, трамвай или электроход — пока ходит не везде. В общем-то в городе пока две крупных ветки: одна из фабричного района, через весь город, мимо вокзала, а вторая — в форме круга, по центру. Далеко не уедешь, а вот посмотреть центр города вполне можно. А главное — купил билет и катайся часами. Обязательно как-нибудь в выходной покатаюсь. Когда работу найду, конечно. Поскольку даже самые дешевые билеты не сильно дешевле извозчика.

Усталая я брела домой и мечтала просто завалиться на кровать и полежать. Ну мечта у меня такая. Не бог весь что. Но была. Когда до дома, о, я уже называю эту маленькую квартирку домом, оставалось минут двадцать ходу, я решила, что булочка с уличной кондитерской вполне поможет раскрасить день после неудачных собеседований.

В гимназии — мест пока не было, но обещали подумать. В одном месте — секретари стабильно совмещали работу с должностью любовницы, что меня, конечно же, никак не устраивало. Да и великовозрастный остолоп по последнему объявлению тоже не вдохновлял. Его мамочка была уверена, что Жюлик (это от имени Жюль, причуда любящей матери) очень талантлив. А вот преподаватели никак не могут раскрыть его таланты, потому что сами бездари и идиоты. Он меня моложе всего на три года, а по фигуре — больше в два раза. Как я его заставляю учить буду? Привязав к стулу и приставив нож к горлу? И все это под визг его матери, которая может общаться только на высоких нотах. Я сначала думала, что она так орет. Еще удивилась, услышав в таком варианте «Добрый день!». Ан нет — это она так разговаривает. Замечательная картинка вырисовывается: орущая мама, обалдевший сынок, привязанный к столу и стулу, и я с ножом у его горла: «Спряжение глагола «стрелять!», я сказала».

Увлечшись булочкой и нарисованной в воображении картиной, я совершенно неожиданно врзалась в стену. Во всяком случае ощущения были именно такие. Если не считать того, что стена двигалась. Подняв взгляд, я поняла, что этой стеной оказался высокий темноволосый мужчиной с нереально голубыми глазами. В которые я и уставилась.

Даа, видимо зря я пропустила обед, поскольку голова вдруг резко закружилась. Из-за того, что я голодная, а не из-за глаз! Тоже мне, сногшибательный. Ударом под дых прозвучал самодовольный мужской смешок, и я начала падать.

Да уж классная картина: посреди улицы девушки прямо под ноги падают. Пытаясь удержаться из последних сил и самоуважения, я схватилась своими обнаженными пальцами (а куда булочка делась, я же ее держала этой рукой?). Бог его знает за что я схватилась, но

такого разряда от своих видений я никогда раньше не получала. Разряд — и нет обморока. Хорошее средство.

— Сударыня, вы в порядке?

Не в порядке, ни в каком, мать его порядке...

— Не ходите туда.

— Куда? — голос равнодушный, так слегка вежливо-заинтересованный, как будто мы погоду обсуждаем после 10 лет брака.

— Не знаю, куда вы там идете. Не ходите, вас там убьют.

А вот теперь главное отцепится от его руки. Ого, я за собой и не подозревала такой цепкости. Пришлось каждый палец уговаривать отцепится. Один, второй... Отцепилась.

— Как вас зовут?

— Ариадна.

Зачем сразу имя сказала? Надо было официально.

— Госпожа Бельская.

— Госпожа Бельская, давайте пройдем в кафе. Тут через дорогу, напротив. Выпьете чаю, и заодно расскажите мне все, что хотите.

Взгляд у меня слегка прояснился. Туман после последнего ведения рассеялся. Пробило еще одним видением, но в нем не было крови, раскуроченной груди абсолютно незнакомого мне человека с насыщенно-голубыми глазами. Точнее человек был, и он нес мне мороженное. Это видение мне понравилось намного больше.

— Хорошо.

Незнакомец аккуратно взял меня под руку, и мы двинулись через дорогу к кафе.

День сегодня был странный. Немного суматошный. Во-первых, проявился информатор, который должен был выйти на связь еще три дня назад. Тогда не вышел. Зато сейчас хотел встретиться на том же месте в то же время. Информатор был такого уровня, что лишних свидетелей брать с собой не стоило. Он взял только Святослава, и то потому, что был уверен в Святе как в себе. И в его умениях, и в его молчании.

Для встречи с информатором ушел раньше с работы. Слежку не стоило исключать, поэтому знакомыми дворами и улицами пошел пешком. Центр города он знал так же хорошо, как собственные апартаменты. Хотя нет — даже лучше. В квартире после уборки могли быть сдвинуты с места часы или книга, лежащая на тумбочке рядом с кроватью. Двигать дома пока еще никто не научился. Сосредоточенный на выявлении слежки и отрыве от слежки, он никак не ожидал, что его попытаются сбить с ног.

То, что девушки падают к нему под ноги в притворном обмороке — он уже привык. Поэтому среагировал быстро. А что? Симпатичная мордашка... пряди огненного цвета и бирюзовые глаза. Посмотрел и пошел дальше. Его ждут, у него нет времени.

— Не ходите туда.

— Куда?

Вот уж не ожидал.

— Не знаю, куда вы там идете. Не ходите, вас там убьют.

Вас там убьют. Ого, а вот это уже интересно. Цепляет. Оглядел девушку внимательно. С ног до головы.

Синее пальто, серая вязанная шаль, одна рука в перчатке, вторая держит его за запястье.

Среднего роста. Волосы ярким пятном выделяются на фоне синего пальто. Похоже, в отличие от нынешней моды, девушка любит носить волосы распущенными. В столице судя по всему — недавно. Те, кто здесь родились или давно осели не рассматривают дома вокруг, а бегут по своим делам из точки А в точку Б.

Благодаря крови рода и некоторой помощи предков, у него был, скажем так, дар. Он всегда знал, когда ему врут. Чувствовал. Сейчас, имея за спиной жизненный опыт, аналитический склад ума и просто здравый смысл, он мог выделить в какой именно фразе или части фразы притаилась ложь, мог просчитать причины и определить опасность. Сейчас в усталом голосе девушки не было лжи. И интуиция почему-то обеими руками голосовала за то, что надо прислушаться. И не торопится так на встречу с информатором. Да — секретно, да — не в первый раз, но все же надо проверить...

А что это означало для девушки? Это означало, что либо она что-то знает, либо просто хочет привлечь его внимание, либо... В любом случае нельзя допустить, чтобы сейчас она куда-то исчезла. Даже если она просто сумасшедшая, которая сказала ему первые попавшиеся слова, его работа всегда требовала внимания к деталям. Дав сигнал Святу, он повел девушку в ближайшее кафе.

Сосредоточившись на горячем облепиховом чае, девушка сидела, обнимая руками кружку. Не выпуская ее из вида, он позвонил в управление. После предъявления удостоверения владелица не спорила. Кафе было достаточно большим и телефон, артефакт связи входивший в каждодневную жизнь, здесь был. Жалко только, что пока не придумали переносной вариант. Ему бы в работе точно пригодился. Но ладно, о мечтах — потом. Пусть Свят проверит место назначенной встречи, но не один. Хуже не будет. На это уйдет не менее получаса, так что результатов проверки он вполне может дождаться в кафе. А там уже решать: идти на встречу или нет, да и что делать с девушкой — тоже.

— Еще пирожное заказать?

Девушка с сожалением посмотрела на то, что лежало на тарелке.

— Нет, не надо. Я уже отогрелась. Здесь очень вкусный чай.

— Ариадна Бельская. А по батюшке?

— Ариадна Александровна.

— Надо же. Почти тезки. Меня зовут Ярослав Александрович.

А теперь аккуратненько подходим к тому, что она раньше сказала.

— Почему вы сказали, что меня убьют?

Пальцы девушки сжали кружку с чаем так, что побелели.

— Увидела.

— Просто увидели?

— Знаете, родовая магия крови... Она такая...

Молчание. Тут главное не сбить настрой. Иначе замкнется. Ярослав знал, что девушка не врёт и чувствовал, что то, что она собирается рассказать, она раньше никому не рассказывала. А тут — практически незнакомый человек. Если бы не одно но... Артефакт, вызывающий на откровенность и выглядевший как абсолютно гладкое металлическое кольцо, сейчас работал на полную мощность. Специалист это даже бы увидел, но девушка артефактором не была.

— Мой родовой дар решил, что вы как-то связаны со мной.

— Связан? Как?

— Не знаю, самой интересно. У вас какая фамилия, Ярослав Александрович?

— Вяземский.

— Нет, не родственник. Просто... Раньше я всегда видела только то, что прямо или косвенно было связано со мной. Или не видела ничего. Ваше убийство...

Девушка вздрогнула и повела плечами как будто здесь был ледяной холод. Погладила пальцами кружку, в которой еще оставался облепиховый чай.

— Оно точно не было прописано в моих планах на сегодняшний день.

— А что было прописано?

Наконец на него посмотрели нереально бирюзовые глаза. Кажется, такого оттенка он точно раньше не видел.

— Работу найти.

— А что вы умеете?

— Я росла в пансионе. Немного бытовой магии. Умею вести дом. Экономика, бухгалтерия, преподавание школьных предметов... Знаю вельдский. Говорю на нем свободно.

— А на печатной машинке печатать умеете?

— Умею. И стенографировать тоже. Правда не очень быстро.

— Темп наработаете. Мне как раз нужен секретарь.

— Секретарь?

— Мой последний секретарь пошел на повышение и ждет не дожидается сменщика. Пока ему приходится совмещать. Сможете приступить с завтрашнего утра?

— Конечно!

А до завтра он будет знать о Бельской Ариадне Александровне если и не все, то основное. И проверки можно будет запустить. Месяца на проверку нового сотрудника обычно хватает. Так что понять случайно девушка появилась или нет, до того как она полностью адаптируется, он вполне успеет. И если девушка появилась на его жизненном пути не случайно, то разыграть свою партию в этой игре сил и времени ему вполне хватит.

— Ваша светлость, вас к телефону.

— Хорошо, принесите девушке кофе и мороженное.

— Горячий кофе и холодное мороженное?

— Да.

Почему-то Ярославу Александровичу Вяземскому захотелось удивить девушку. Особенно после того, что он услышал. Отчитывался Свят. На месте встречи была ловушка. Труп информатора и несколько интересных личностей, находящихся в розыске отнюдь не за кражу леденцов у младенцев. Не факт, что вдвоем со Святом они оттуда бы вышли. Живыми.

— Ариадна Александровна, завтра придете по этому адресу. Я предупрежу на проходной, чтоб вас пропустили и проводили ко мне. Подходите к девяти.

— Большое спасибо, Ярослав Александрович!

— Даже не спросите о зарплате?

— Можно мне вашу руку?

— Обычно эта фраза произносится мужчиной.

— Просто руку. Сердце я же у вас не прошу.

Заинтересованный, он протянул руку. Ладонью вверх. Девушка положила сверху свою ладошку, которая утонула в руке мужчины и закрыла глаза. Открыв их посмотрела очень внимательно.

— Я знаю, что вы меня не обидите, поэтому думаю и о зарплате переживать не стоит. А что за напиток вы принесли?

— Сейчас Ариадна Александровна, я вас угощу интересным напитком: кофе с мороженым.

Глава 6

Домой я летела как на крыльях. Ура! Я все же нашла работу. И очень быстро. Практически за один день!

И ни на кого из Венюковых не наткнулась, передвигаясь по городу. Тоже хорошо!

Осталось только посмотреть, где находится это здание, на проходную которого мне надо завтра прибыть к девяти утра. И начальник у меня вроде ничего. Когда я положила свою руку на его ладонь, то ничего страшного для себя я не увидела. Только приемную: достаточно большую с тяжелой темной мебелью. Как в кабинете директрисы. Но без шкафов с посудой. Начальник отдает мне рукописные документы с указанием напечатать их как можно скорее. Ничего криминального — просто работа. Уже хорошо.

А то я немного испугалась, когда на меня напал приступ такой резкой откровенности. Да и еще к незнакомому человеку. Как же хорошо пока все складывается!

Хотя после сцены его убийства совсем уж незнакомым я бы его не назвала. Меня опять передернуло. Теперь я знаю, что мне будет сниться в кошмарах наряду с телом Ирины на моих руках. Там хоть крови столько не было... А тут... Я теперь в анатомический справочник заглянуть не смогу, вид раскученной грудной клетки, кровь, внутренние органы... Бррр!

Сообразив себе ужин (не зря помогала тете Клаве на кухне), решила найти свое будущее место работы на карте. Ого, а адрес-то с подвохом.

Центральное управление жандармерии!

Твою жжж! Ну вот почему воспитанных девочек не учат ругаться??? Сейчас бы очень помогло!

Мысль о том, чтобы завтра никуда не идти — появилась сразу. Потопталась по мне и аккуратненько стала пробиваться в мозг.

Я прячусь, и при этом иду работать в центральное управление жандармерии. Чем мне это грозит?

Взяв лист бумаги, расписала плюсы и минусы.

Первое: там меня вряд ли кто-то станет искать. Это плюс.

Второе: сотрудников наверняка проверяют — поэтому и меня будут проверять. Это минус.

А что? Документы мне выданы вполне официально. Со стороны закона — Бельская Ариадна Александровна чиста как младенец. Да и Чернышева — тоже вроде ничего не успела натворить. А раздувать большой скандал — это не в интересах опекуна. Я думаю они и заявление-то подали по месту нахождения пансиона, чтобы время потянуть. А сейчас пытаются меня сами найти.

Представила Никки с его мамочкой бегающими с объявлениями по улицам «Разыскивается!» и мой портрет, нарисованный художником. Опекун скорее всего частных детективов наймет.

Интересно они мой путь до Штольца проследили или пока нет? Сам Алексей Владимирович сказал, чтобы я у него не появлялась, а если возникнет уж очень срочная необходимость — передала сообщение через Светлану Олеговну. Пока такой срочной

необходимости не вижу. Живем дальше.

Своего возможного, хотя скорее всего все-таки будущего, работодателя я уже, судя по всему, заинтересовала, поэтому если завтра не приду устраиваться на работу, он меня в розыск может даже раньше опекуна подать. И что-то мне подсказывает — найдет значительно быстрее. У него ведь даже лицо поменялось, пока он по телефону разговаривал. Что-то ему там такое сообщили, после чего он меня, как мне кажется, так просто не отпустит. Да и видение тоже... Спокойствием от видения веяло. Хорошим таким спокойствием. Это плюс.

К тому же мой отец всегда говорил — хочешь что-то спрятать, положи на видное место. Центральное управление жандармерии — там меня точно никто искать не будет! Самое видное место из всех самых видных мест!

Плюсов — значительно больше.

Так что ставим на завтра будильник, готовим себе одежду, благо длинная синяя юбка в комплекте с жилеткой и нежно-бежевая блузка выглядят вполне приличным рабочим вариантом.

А теперь — спать!

Я так боялась опоздать, что вышла задолго до необходимого времени. И это хорошо, потому что весна вдруг решила вспомнить, что перед зимой у нее остались какие-то долги. Внезапно пошел снег. В начале цветения и снег!

Мой первый рабочий день точно будет запоминающимся!

Как мне, так и травматологам. Потому что было мокро и скользко. Поэтому я не спешила.

К зданию жандармерии я подошла в полдевятого. Оказалось, что идти мне над достаточно недалеко. Надо потом посмотреть, по-моему, дворами я вообще смогу доходить минут за пятнадцать.

Охрана на входе отправила меня к пропускному пункту с заграждением. Металлическая калитка высотой до пояса, сбоку от которой сидел жандарм в форме. Я почему-то ожидала, что там будет мой ровесник, работа вроде легкая: проверь документы и запускай. Но передо мной сидел мужчина преклонного возраста. В отцы точно годился. Пухленький и практически лысый, такой большой плюшевый мишка. Это до тех пор, пока не помотришь ему в глаза. От его взгляда мне захотелось спрятаться. Подальше и поглубже. Казалось, он одним взглядом мог разрезать меня на маленькие кусочки. Препарировать, а потом собрать. А может и не собрать...

— Здравствуйте, меня зовут Ариадна Александровна Бельская. Я пришла по поводу работы. Мне сказали, что обо мне предупредят.

И тут впервые в голову закралась мысль, а вдруг этот Ярослав Александрович пошутил? Или передумал? Или... Ну мало ли какие там могут быть или ...

— Документы.

Протянула. Сверив магическую ауру, внимательно изучив каждую букву на документах, и, записав это все в огромную амбарную тетрадь, мне их вернули.

— Подождите, сейчас за вами спустятся.

Спустились за мной быстро. Молодой парень с волосами цвета спелой пшеницы и наивными голубыми глазами. Правда что-то мне подсказывает, что наивность в них не

натурального разлива, а вполне себе искусственная.

— Ариадна Александровна Бельская?

Голос мягкий, как будто теплым одеялом окутал.

— Да, а вы, простите?

— Аскольд Сергеевич Зотов, помощник его высокоблагородия графа Вяземского. Пройдемте со мной.

Да, была бы здесь сейчас Юлианна, так просто бы этот Аскольд Сергеевич отсюда бы не ушел. Представив картину откровенного флирта и попыток дотронуться, прижаться или просто повиснуть на таком красавчике в исполнении Юлианны, не смогла сдержать улыбку. Спина идущего впереди молодого человека напряглась. Он что, ее почувствовал?

Идет он достаточно быстро. Поэтому по сторонам сильно не смотрю. Некогда. Так, главное не отвлекаться. Лучше дорогу запоминать. Третий этаж, пятая дверь справа. Середина коридора.

Стоять! Табличка на двери с номером кабинета. Просто «7». Ни должности, ни имени, ни фамилии. Хотя, оглянувшись я убедилась, что и на остальных дверях тоже также. Только на одной было написано «Отделение № 4» и все. Ладно, позже разберемся. Что-то мне подсказывает, что сидеть на одном месте я не буду, а вот бегать по этажам... Вполне, вполне.

— Ариадна Александровна, подождите в приемной. Я доложу.

Ого, приемная знакомая. От видения ничем не отличается. Хотя нет, там еще цветок в горшке стоял, а сейчас его нет.

Аскольд, который Сергеевич, скользнул в дверь, приоткрытую ровно настолько, чтобы я не дай Бог не увидела, что там в кабинете внутри. Ну, не очень-то и хотелось. А что меня зацепило в этом человеке? Соображай, пока есть время.

Движения как у хищника, имя — больше подходит выходцу из Шоссии, а это означает, что он может быть и не человеком. Или не совсем человеком. В общем, кровь оборотней скорее всего в нем есть.

У нас была девочка-полукровка. В зверя обращаться, конечно, не могла, но вот сила и реакция у нее были такие, что даже наши отъявленные забияки и командирши предпочитали обходить ее десятой дорогой.

Задавать вопросы про происхождение в нашем обществе — моветон. Да и что мне даст эта информация?

— Заходите, Ариадна Александровна.

Ничего себе задумалась! Даже пропустила, когда он вернулся. Бесшумно.

Кабинет был подчеркнута мужским. Большое окно слева, огромный книжный шкаф во всю стену за спиной у сидящего за столом человека, справа — большой кожаный диван и кофейный столик. Что находится у меня за спиной, вдоль стены, в которой находится входная дверь — рассматривать не стала. На полу — паркет. И практически пустой рабочий стол. Даже те бумаги, что лежали перед ним, мой вчерашний знакомец тут же перевернул обратной стороной наверх.

Ну, не очень-то и хотелось! Стоп — это я уже себе говорила. Повторяюсь.

— Вы не передумали, Ариадна Александровна?

— Нет.

Голос твердый. Не будем уточнять за счет чего эта твердость. Стараюсь.

— Хорошо. Аскольд проводит вас в отдел кадров, где вас оформят на работу. В связи со

спецификой работы вы будете выезжать со мной на места преступлений, стенографировать допросы, оформлять протоколы дознания и так далее. Оружие вам не полагается, а вот занятия по самообороне лишними не будут. На занятия будете ходить в свободное от работы время. То есть с шести до семи. Приступаете с завтрашнего дня. Аскольд, проводи Ариадну Александровну к Алексею Прокопьевичу, пусть сориентирует по форме для занятий и чего там еще надо. Также проведешь краткий инструктаж где у нас здесь что. С завтрашнего дня в приемной Ариадна Александровна будет сидеть одна. Так что передай ей все дела до первого уровня секретности.

— Аскольд Сергеевич...

— Можно просто Аскольд. Вы не против, Ариадна?

— Нет, что вы.

Кстати, если он оборотень, то он на самом деле старше, чем выглядит.

— А почему Ярослав Александрович меня зовет по имени-отчеству, а вас — только по имени?

— Степень доверия.

Учитывая, что он знает меня меньше суток, это лучше, чем госпожа Бельская. А уж про Чернышеву я вообще молчу. Ассоциации только с карцером. Стоило вспомнить «Воспитанница Чернышева!» в исполнении директрисы и по коже побежали мурашки. Большие такие. Табуном.

Даа, я оглядела приемную.

— Показывайте где тут и что.

То что мы называем друг друга по имени, не значит, что уже перешли на «ты». Как он сказал? «Степень доверия»? Доверие надо заслужить и это дело обоюдное. Посмотрим.

— Сразу после возвращения от Лилечки Ивановны. Это человек, который знает все и обо всех. Она — кадровик. Не переживайте, Ариадна, я работаю на втором этаже, покажу — где и дам внутренний номер телефона. Всегда можете позвонить и уточнить что-либо.

— Аскольд, а вы давно работаете на два фронта, в смысле на двух рабочих местах?

— Три месяца.

Ого, это что же за должность секретаря, на которую три месяца не могли найти человека? В груди что-то подпрыгнуло и дыхание немного перехватило.

— Ааа, почему так долго?

— Предыдущие кандидаты не устроили Ярослава Александровича.

Упс. А я, значит, устроила? Хотя перед встречей с другими кандидатами его хотя бы не пытались убить. Вне зависимости от моего желания перед глазами встала видения тела в крови. Помотала головой. Что-то слишком часто старые ведения возвращаются. Как будто пытаются показать, что такое развитие событий все еще возможно. При определенных обстоятельствах. Надо будет еще раз шефа потрогать. Всего лишь для того, чтобы убедиться, что преждевременная кончина ему не грозит.

— Ну вот мы и дошли, Лилечка Ивановна необходимо оформить нашу новую сотрудницу.

Лилечкой оказалась женщина возраста жандарма на входе. И судя по препарированному взгляду — они родственники. Вот не может быть настолько одинаковый взгляд у совершенно посторонних людей!

— Где у нас будет работать новый сотрудник?

В голосе доброжелательность. Обманчивая такая. Как будто она решила от меня отгрызть кусочек, но еще не определилась откуда именно. Хотя меня бы устроил вариант, когда меня вообще грызть не хотят, потому что я — ядовитая. Поэтому не став изображать столб, я без приглашения уселась на стул рядом. Он же, наверняка, для этих целей тут и стоит.

— Секретарем к Ярославу Александровичу.

— Ну наконец-то!

Арктический холод немного отступил и прибавилось дружелюбия в голосе. Хотя, казалось бы, куда еще больше? И я пока не могла понять то ли мне обрадовались, то ли.... Кто его знает, вдруг из меня получится хороший завтрак? И касаться эту замечательную женщину совершенно не хотелось. Даже для собственной безопасности. ОСОБЕННО для собственной безопасности.

Вцепившись в сумочку с документами, я молчала. А что? Я читала в книгах, что у некоторых животных есть такая тактика спасения от хищников. Застыл и молчишь. Может хищник и не заметит. Правда было подозрение, что Лилечкой Ивановной это не сработает.

Стопка того, что надо было изучить и заполнить была внушительной.

— Аскольд, может я потом в приемную подойду? Когда закончу?

А то стоять рядом, как будто ему больше делать нечего.

— Ярослав Александрович, сказал проконтролировать.

Ну ладно, стой. Мне-то что. Заполняя бумаги краем глаза заметила улыбку Лилечки Ивановны. Интересно, а почему не Лилии Ивановны, а именно Лилечки? Может насчет ледяного взгляда я ошиблась, и все не так уж страшно? Насчет имени пока спрашивать не буду.

Заполнив кучу анкет, подписав кучу ознакомлений с инструкциями, и получив пару методичек, мы покинули отдел кадров практически целыми. Меня даже не понадкусили, хотя допрос провели. Кто я, откуда, когда успела познакомиться с графом Вяземским. Приходилось следить за тем, что говорю и что пишу одновременно. Хорошо хоть Аскольд изображал безмолвного стража и не добавлял вопросов.

Хотя за некоторые узкие места Лилечка Ивановна всё-таки зацепилась. Про учебное заведение соврать не получилось. Я просто ни одного другого не знала, а вот момент его «окончания» и отсутствия диплома о полном курсе обучения удалось обойти. Диплом о базовом образовании, который выдают в шестнадцать лет мне из кабинета директрисы удалось позаимствовать. Правда он был на фамилию Чернышева, поэтому Штольц оформил мне дубликат «по утере». Вопросов это вызывало больше, но это было лучше, чем его полное отсутствие.

Для объяснения ситуации вспомнила девочек, которых забирали, когда у опекунов деньги на их обучение заканчивались. Поэтому официальная версия была, такая: закончила я пансион в шестнадцать, пожила с опекунами. Но так как мачеха повторно вышла замуж, неродную дочку предыдущего мужа в доме видеть не хотела, а на пансион — денег не было. Вот и пришлось искать работу.

Надеюсь, что поверили.

Когда меня вели знакомится с инструктором по самообороне по имени Алексей Прокопьевич, я выстроила в голове образ мужчины средних лет, серьезного и немного шкафообразного. Коренастого, невысокого роста с широкими плечами. Почему-то мне казалось, что человек, который учит драться, должен выглядеть именно так.

В спортивном зале было пусто. Аскольд объяснил, что зачетная неделя сейчас прошла, а работа инструктора у Алексея Прокопьевича дополнительная. Поэтому нашли мы его в морге.

Морг! Хорошо, что мне сразу не сказали, что это одноэтажное небольшое здание во дворе — это морг! Я бы к нему на километр не подошла!

Но когда ты уже внутри — возмущаться как-то поздновато. К счастью, в зал с трупами, если они были, мы заходить не стали, а вот в лабораторию — зашли.

Пока мы бродили по этажам, я видела других сотрудников жандармерии. Кроме Лилечки Ивановны, мне встретилась только одна девушка. И работала она в лаборатории морга! Хрупкая брюнетка в белом халате, рядом с очень высоким стройным блондином. Волосы у блондина собраны в хвост, который спускался практически до лопаток, и нереально широкие плечи. Такой контраст во внешности, что я застыла. И тем более удивительным было то, когда Аскольд сказал:

— Алексей Прокопьевич, Ярослав Александрович попросил подтянуть моего сменщика по самообороне на вечерних занятиях.

Ого, это и есть шкафообразный инструктор? Брови сами собой наползли на лоб. Опять созданный в воображении образ не совпал с реальностью.

Брюнетка тихо рассмеялась.

— Леша, ты как раз сокрушался, что у меня спарринг-партнера нет. Как вас зовут?

— Ариадна.

— Меня — Милана. Я криминалист. Форма спортивная есть?

— Стандартная.

Забавно, но я ее захватила. Стандартная спортивная форма включала штаны, а сверху — юбку до колена, чтобы от пояса до колен было все прикрыто, и кофту с длинными рукавами, под которую одевалось нижнее белье. Цвет необычный — изумрудно-зеленый. Очень хотелось чего-то яркого, весеннего. Валентина Ивановна подарила ткань на прошлый день рождения, а я сама себе сшила на уроках рукоделия. Ни одни же перчатки шить!

— Не переживайте, Ариадна. Если не подойдет, мы что-нибудь придумаем.

Я благодарно посмотрела на эту хрупкую девушку.

— Ариадна, встретимся завтра в спортивном зале в шесть. Милана, покажет женскую раздевалку.

— Спасибо, Алексей Прокопьевич.

Все-таки от шкафа, нарисованного в моем воображении у него были плечи. Но все остальное... О сколько еще у меня сегодня будет открытий?

Аскольд честно показал и место, где его можно найти в случае чего, и где находится чай, кофе, печенье, столовая. Время подошло к обеду, и визит в столовую был не лишним.

Кормили вкусно и недорого. И еще раз я убедилась, что девушек здесь работало не много. Хотя никакого пренебрежительного отношения к ним, я пока не заметила. А уж когда в столовой появилась Лилечка Ивановна, мне показалась, что она знает всех и каждого. Она шла между столов с грацией королевы-матери.

— Сереженька, не забудь ко мне зайти, подписать приказ.

— Здравствуйте, Александр Борисович. Как жена? Рада, что ей уже лучше.

— Максимилиан, напоминаю про ежегодный осмотр. Справку ты так и не принес, еще неделя и мне придется поговорить об этом с Евгением Всеволодовичем.

— Вам нравится наша столовая, Ариадна?

— Очень.

Меня тоже не обделили вниманием, после чего даже те сотрудники, кто еще не заметили новенькую, перенесли свое внимание на меня. Хорошо, что я уже поела и просто пила компот. А то бы подавилась.

После обеда Аскольд честно просидел со мной в приемной. Часа два. После чего исчез. Оставив меня в гордом одиночестве. Поскольку мой начальник исчез еще раньше, и больше в этот день я его не видела.

В принципе, работа мне понравилась. И шеф — тоже.

Это выражение я услышала от коллеги Аскольда, рыжеволосого веснушчатого парня, когда в первый раз прилетела к нему за помощью.

— Что, шеф уже достал?

— Уважение, Серхо! Иначе — получишь!

— Я со всем уважением к графу! Просто он может загонять так, как нашему сержанту в армии и не снилось. Семь потов сойдет.

Как выяснилось в первую же неделю, граф Вяземский — достаточно жесткий начальник. Нет, он не орал, не кидался пресс-папье или угрозами... Просто он требовал от себя и от других полной отдачи и погружения в дело. Если дал задание — надо сделать. Или, как минимум, объяснить, что именно ты сделал для выполнения задания, озвучить что можно было сделать лучше и предложить варианты решения задания. Оказывается, озвучивать свои ошибки и признаваться, что здесь решила на «авось», а здесь — просто лень — очень неприятно. Настолько, что в следующий раз сделаешь все, чтобы не озвучивать свои косяки.

Он ровно и спокойно относился ко всем, кто приходил к нему: будь то дворник или заместитель градоправителя. Одинаково внимательно и не давая оппонентам растекаться мыслью по древу. Что-что, а вопросы задавать он явно умел.

Первым же рабочим утром он сказал:

— Ариадна Александровна, я не выношу опозданий. Если что-то случилось — лучше предупреждайте. Еще я не переношу вранья — его я прекрасно чувствую, и романов на работе. Во вне рабочего времени — вы можете делать, что угодно и с кем угодно. У себя в приемной я заигрываний не допущу.

В этот момент он как никогда напоминал Светлану Олеговну. У меня что на лбу написано, что мне нужен кавалер? Потом подойду к зеркалу, проверю.

— Я услышала вас, Ярослав Александрович. Никаких романов на работе. Никакого вранья и опозданий.

Сегодня я проверила новый маршрут. Дворами — 12 минут быстрым шагом, 17 минут — не спеша.

Аскольд видимо был хорошим оперативником, но вот порядок в делах... Стопки документов, которые надо было подшить в дело. Папки, часть из которых надо было сдать в архив, а часть — пока хранились в приемной или кабинете графа Вяземского.

У шефа было непреложное правило, если помощник уходил из приемной, на столе не должно было остаться ни одного рабочего документа, ни одного дела, ни одного черновика. Поэтому Аскольд просто скидывал все бумаги в ящик, закрытый защитой, а потом доставал оттуда нужные. Он помнил из какого дела этот документ. И это ему очень помогло, когда я названивала ему постоянно в течении первой недели.

Еще я присутствовала с шефом на допросах, конспектируя происходящее. Правда, являясь дознавателем по особо важным делам, допросы под запись он проводил нечасто. Обычно просто беседовал. Этого хватало.

Еще я составляла расписание встреч, которое, по-моему, было абсолютно бесполезным, поскольку воплощалось в жизнь только процентов на десять. Точнее из всех встреч, только десять процентов были по плану.

Еще я научилась готовить кофе, крепкий с одной ложкой сахара, и заваривать вкусный чай трех видов и не забывать брать пирожки и печенья для шефа.

Так же мне очень понравились занятия по самообороне. Несмотря на то, что под вечер почти не оставалось сил, они помогали взбодриться и почувствовать себя уверенно.

Мы с Миланой чаще всего тренировались в паре. Правда сначала была разминка, упражнения на выносливость и силу, но потом... Мне понравилось лупить боксерскую грушу руками и ногами, представляя, что это мой опекун. Никто мне здесь не говорил, что девушка не должна себя так вести и драться. Наоборот, Алексей Прокопьевич все время повторял: «Можешь ударить — бей. Не можешь? Поменяй положение тела, найди возможность и бей. Без сожаления.» Поэтому на тренировках он нас и не жалел. Но мне нравилось. Наверное, я не совсем нормальная девушка.

Кстати, касание Миланы привело только к картинке нашей первой встречи. А касание инструктора дало по голове информацией, что они, оказывается, брат с сестрой. По отцу. Мамы у них разные. Как я поняла, особо они эту информацию не озвучивали. Фамилии у них были разные, поэтому некоторые сотрудники думали, что они любовники.

Я никого не разубеждала. Уверена, что они сами прекрасно знают про слухи, которые про них ходят, но если их это устраивает — то не мне им мешать. Тем более, что вне тренировок мне было очень приятно с ними общаться, и к исходу первой недели они на пару провожали меня до дома, а потом шли к себе.

Первый выезд на место происшествия состоялся в конце второй недели работы. И запомнился мне на всю жизнь. И если бы просто запомнился...

Поработав две недели, я поняла, что мой шеф прекрасно понял, что я ему не все о себе рассказала. И я совсем не удивлюсь, если он уже знает и мое первоначальное имя, и откуда я такая взялась. Но при этом, к его чести, он ни разу не задал мне ни одного личного вопроса за пределами моих должностных обязанностей. Не показал, что он мне не доверяет. А ведь он вполне мог задать пару вопросов, на которые я вынуждена буду солгать, придерживаясь озвученной Лилии Ивановне легенды. А учитывая, что он прекрасно чувствует ложь...

Хотя я и при нашей первой встрече не лгала. Не умею, поэтому просто умалчиваю. Но видя, как он ведет допросы... Он бы меня с легкостью «расколол», как говорит Аскольд. Мог, но не стал. За что ему отдельное спасибо. Поскольку все остальные, за исключением Милены и ее брата, так и норовили задать пару личных вопросов и выяснить что-нибудь о моем прошлом и настоящем. Пока мне удавалось погасить это улыбкой и молчанием. Не знаю, как надолго моего терпения хватит.

Поэтому на обед я старалась ходить с Миленой. Если мы шли с Аскольдом, то всегда присоединялись его коллеги. Все, как один, желающие пообщаться с секретарем шефа, да и просто «симпатичной девушкой». Так, что даже спокойно поесть не получалось. Вдвоем с Миленой нам удавалось отбиться, а уж когда к нам присоединялся Алексей... Все парни в столовой обходили нас по стеночке.

Когда я обратила внимание на такое поведение еще вчера очень настырных парней, Милена мне с улыбкой рассказала, что, когда она после университета, рассорившись с отцом, пришла работать сюда криминалистом, одно время ей пришлось очень тяжело от повышенного внимания парней. Особенно от некоторых, которые слово «нет» не слышали в принципе. А она, девушка из рода Туманских, воспитывалась вежливой, тихой и покорной. Поэтому поставить на место наглых парней тогда еще не могла. Сейчас бы она любого в узел свернула и на гвоздик повесила, а тогда...

Алексей Прокопьевич показательно погонял особо наглых на обязательных тренировках. Погонял так, что из зала они выползали. Это мы занимались каждый день и после работы, а оперативники — в рабочее время два-три раза в неделю. Ребята оказались сообразительными, они уже через неделю связали два и два и определили: кто и за что достаивается повышенной нормы физической подготовки. Правда, это было еще до того, как появилась я.

— Если хочешь, я попрошу Лешу, чтобы он и тебе таким образом помог.

— Не надо. Алексей Прокопьевич и так со мной много занимается, так что в следующий раз я просто использую то, чему он меня научил. И надену кому-нибудь на голову тарелку с супом. Тем более, что он сказал, что как только я освою базовые навыки, он меня научит отбиваться подручными средствами.

— Это он умеет.

— А почему ты рассорилась с отцом?

— Из-за замужества. Сказала, что замуж пойду тогда, когда сама решу и за того, кого сама выберу. А его кандидаты меня ни капельки не интересуют.

— Знакомая ситуация.

Оказывается, у нас много общего.

Труп не производил впечатления трупа. Просто мужчина лежит на полу. Ни крови, ни мозгового вещества на стене — ничего. Картинка, которая предстала перед глазами при знакомстве с шефом — была намного более кровавой. Более того, даже визиты в морг к Милане не смогли её перекрыть. И только осознание того, что это все же видение, а не реальность помогло мне тогда не избавиться от содержимого своего желудка.

Да, эпичная бы картинка получилась... Работу мне бы точно не предложили.

Но в тот момент я была полна решимости задержать этого незнакомого человека и не допустить того, что я видела. Даже о даре пришлось рассказать. Не все, конечно. Но и того, что рассказала уже было много.

Частный дом недалеко от центра. В воздухе висят следы отслеживающе-проверочных заклинаний. Чтобы ничего не задеть, приходилось пригибаться и придерживать юбку. Шефа, казалось, это совершенно не волновало. Было такое чувство, что от его ауры даже заклинания разбегаются в разные стороны — только бы на пути не стоять.

Криминалисты, Милена и Василий Васильевич, собирали улики, запаковывали их в коробочки, пакетики, колбочки. Опечатывали магией и складывали в чемодан внушительных размеров. Кто-то из оперативников делал опись, вкладывая магические проекции в бланки осмотра места преступления. Потом можно было его открыть и еще раз все осмотреть. Подробно. Если конечно делал специалист. Или размыто и с ошибками, если это был НЕ специалист.

Милена, присев рядом с телом, пыталась что-то запихнуть в свою медицинскую

колбочку-пробирку. Что-то запикиваться не хотело. Я даже остановилась, наблюдая за этим противостоянием века, и прижав к груди большую тетрадку для стенографирования допросов. Задняя обложка была из твердого картона, поэтому было удобно стенографировать и стоя, и сидя. К тому же на бумагу было наложено заклятье памяти, так что при написании отчета, текст на бумаге воссоздавался практически с со стопроцентной четкостью.

Заклятье памяти было мечтой всех студентов всех учебных заведений, поскольку позволяло делать наиболее полные конспекты, но было достаточно трудоемким и энергии потребляло тоже много. До открытия энергосберегающих, а точнее энергонакапливающих минералов в Андалузских горах, такое себе могли позволить только очень сильные маги. Сейчас, при использовании артефактов, которые хранили энергию и отдавали ее при применении заклинаний, почти как собственный магический резерв — любой студент, но только к пятому-шестому курсу. Сложность плетения никто не отменял.

Вообще прогресс сильно шагнул вперед лет пятьдесят назад. После военных действий между империей и тогда еще единым Острикским княжеством. С чего все началось — у каждой страны свой вариант, обеляющий себя и обвиняющий противника. Как результат: империя победила и получила кусок территории с никому тогда особо не нужными горами.

Острикский князь погиб, то ли в последнем сражении, то ли отравили те, кто не смог простить поражения, но как результат: огромное княжество разбилось на три поменьше, в одном из которых мой отец и работал послом, пока не решил вернуться домой. Где и погиб.

Сейчас немного поработав в жандармерии и перепечатав, и приведя в порядок кучи дел по убийствам, ограблениям, изнасилованиям и терроризму, я уже не так сильно уверена, что мои родители погибли сами. Больше склоняюсь к версии, что им кто-то помог. Правда, ни доказательств, ни мало-мальской дополнительной информации у меня пока нет. Но это пока.

Позже в горах был найден минерал, который при определенной обработке аккумулировал энергию из окружающей среды, особенно во время гроз. Эту энергию можно было использовать и при обычных бытовых заклинаниях (например, обогрев помещения), и при боевых. Оружие, которое раньше применялось с привязкой к резерву мага, теперь не только к нему не привязывалось, но и могло быть использовано обычным человеком.

Появились новые виды артефактов, новый транспорт... Много нового.

Минерал был ценным и теперь самое крупное его месторождение принадлежало империи, что не нравилось соседям. Княжества, то по одному, то все вместе, пытались вернуть когда-то никому не нужную территорию, но увы и ах. Теперь ее отдавать никто не собирался.

— Ариадна!

Рев шефа выбил меня из наблюдений за Миланой, и я рванула за ним, учитывая, что он уже был на втором этаже, а я все еще торчала в холле.

Дождавшись меня на лестнице и окинув нечитаемым взглядом, шеф направился по коридору в кабинет, хозяин которого лежал внизу. Его взгляд почему-то зацепил и процарапал что-то внутри. И это меня слегка нервирует. Надо будет попробовать его коснуться. Не то, чтобы я ему не доверяла... Просто вдруг проснулась интуиция. И просто для спокойствия...

Да и коснуться на выезде значительно проще, чем в кабинете. Например, вылезая из служебной машины, шеф подал мне руку. Просто я была в перчатках. В следующий раз —

одевать не буду. Подумаешь руки чуть замерзнут, зато потом чувство самосохранения вместе с интуицией будут спокойно спать.

В кабинете работало не так много сотрудников. Похожий на большого медведя Михей, уже вскрыл сейф и вытирал руки, стоя у окна. Ребята говорили, что вскрыть он может даже императорскую сокровищницу, но только по приказу графа Вяземского. Это единственный человек, которого Михей уважает безгранично. И сейчас стоило только шефу зайти в комнату — от Михея последовал очень изящный поклон. Это при его-то габаритах! Я даже позавидовала. Секунд на пять.

Один парень, не знаю как зовут, стоял около сейфа, аккуратно доставая и раскладывая на стоящем рядом столе его содержимое. Еще один, Серхо, стоял у двери, в которую мы вошли. Очень наглый, но очень хороший оперативник. А главное, совсем не обидчивый. Проверено.

Дальше помню с трудом. Сначала пропал звук. Как будто уши забила ватой.

Мне показалось, что по стенам пошла волна. Как от камня, который бросили в воду. Только тут был дом и камень полетел в район сейфа, около которого работал неизвестный мне парень. Во все стороны полетели осколки металла, дерева и стекла. Взрывная волна перемолотила книжный шкаф, стоящий рядом. Стеклянные дверцы медленно разламывались на крупные куски.

Я не слышала звуки. Я только видела. Видела, как медленно-медленно двигаются люди. Ко мне оборачивается шеф, полубоком. У него оказывается очень красивый профиль, как у статуи в императорском музее, в котором я была в прошлый выходной.

Незнакомый мне блондин относительно быстро падает на пол. И над его головой вращаясь в воздухе летит кусок стекла. В меня летит. Если проследить траекторию, то в район шеи. Забавно, но нарисовать траекторию у меня время есть, а сдвинуться или повернуться... казалось я застыла как ледяная статуя. Молча смотрю.

А вот шеф — молодец, успевает выбросить руку. Как замороженная я смотрю на стекло, которое режет кожу у него на руке и во все стороны, в том числе на мое лицо, летят алые капли крови. Немного сменив траекторию, окровавленный кусок стекла проходится по мне по щеке и улетает куда-то за спину.

Звук. Что-то бьется, ругань ребят. Теперь я могу слышать.

Прижав к груди тетрадь, я так и стою, не двигаясь. Что-то происходит вокруг, но мозг это что-то не фиксирует. Я как будто выпала из реальности и прихожу в себя, заслышав хриплый голос шефа.

— Василий Васильевич, сначала осмотрите девушку.

Перевожу взгляд на коллегу Миланы. Невысокий седой доктор работает в морге последние лет тридцать. Дольше просто никто ничего не помнит. Сейчас он, усадив шефа на стул, негромко ему выговаривает.

— Ярослав Александрович, и когда это вы успели получить медицинский диплом? Не успели? Значит — не мешайте. Я врач и мне лучше знать с кого начинать осмотр.

Его внимательный взгляд прошелся по мне с ног до головы.

— У девушки — предварительно шок и царапина на щеке, у вас — распоротая рука и перебитые вены. Вы кровью можете истечь раньше, чем я ее осмотрю.

Осознание того, что сейчас произошло, пока меня не накрыло, но то, что я чудом избежала смерти — я понимаю даже в таком заторможенном состоянии. Сев рядом на

корточка снизу вверх смотрю в глаза шефа. Ярослав Александрович отвечает мне таким же прямым и открытым взглядом.

— Спасибо...

Мне кажется, что я кричу. Кажется, что сейчас все должны обернуться. Но из горла доносится тихий шёпот. Мне не страшно. Не страшно, что подумают, додумают и скажут. Сейчас я вне условностей общества. Я чуть было не умерла!

Здоровая рука Ярослава Александровича лежит на колене, и я накрываю ее своей рукой. Интуитивно. Чтобы поддержать. Без планов и мыслей.

Твою ж!!! Больно-то так! Видения нахлынули такой толпой, что я не могу сделать быстрый вывод. Не могу понять — к добру или худу. Основная цель сейчас — запомнить! Анализировать буду потом! Потом, я сказала!

Закрыв глаза, я сижу на корточках, и меня повторно за короткое время выбивает из реальности.

Три воспоминания! Три ситуации! Три! Так много никогда раньше не было! И ни одной нет упоминания меня!

Дышим, спокойно... Медленно... Еще медленнее... Еще спокойнее...

— Ариадна, вы меня слышите?

Девушка резко открывает глаза. Боль, которая в них плещется выбивает из привычного спокойствия. Бирюзовые очи потемнели, как море в штормовую погоду. Щека в крови, но кровь уже не течет. Хочется взять платок и стереть, но сначала рану должен обработать Василий Васильевич. А он пока занят.

— Ариадна, у вас сегодня отгул. Алексей, проводи прямо до двери в квартиру.

Бехерев, который неизвестно как и когда оказался на месте преступления, подтверждающее кивнул и остался стоять рядом с Ариадной.

Не так уж и редко Василию Васильевичу приходится оказывать помощь живым. Мертвым, конечно, чаще. И именно поэтому есть у него привычка — не молчать. Вот и сейчас, закрыв рану Вяземского, наложив повязку и накапав лекарства в небольшой стаканчик с водой, он говорит, говорит, говорит.

Граф Вяземский выпив горьковатое лекарство, поморщился и отступил в сторону, чтобы не мешать работе своих подчиненных. Как только что-то раскопают — доложат обязательно.

Василий Васильевич усаживает девушку на стул и начинает обработку глубокой царапины, стараясь пробиться через шоковое состояние девушки.

— Сейчас мы обработаем и все будет хорошо. Девушке не к лицу шрамы. Не переживайте — шрамов не будет. Царапина неглубокая, через пару дней, если будете мазать тем, что я вам дам, и следов не останется. К тому же вы теперь с графом Вяземским почти родственники по крови. Кровь графа попала на тот кусок стекла, что задел вас. Можно сказать — кровь смешали. Знаете, у меня есть друг, профессор из Лесьярского университета. Мы с ним переписываемся, так он мне рассказал, что в древности у оборотней была такая традиция — смешивать кровь. Смешали кровь — стали побратимами. Представляете, вы, Ариадна — побратим.

— Посестрим, наверное. Побратим — это если мужчина.

— Ну вот видите, вы уже улыбаетесь. А Ярослав Александрович абсолютно прав. Сегодня вам лучше домой и выспаться. Все же первое боевое ранение. А завтра зайдите ко

мне с утра, милочка, я вас осмотрую и если надо успокоительного накапаю. А сегодня — домой.

— До свидания.

Ариадна негромко попрощалась и в компании Алексея Прокопьевича Бехерева покинула место преступления.

Рука болела. Благодаря помощи Василия Васильевича заживление и регенерация шли с повышенной скоростью, но перебитое сухожилие на запястье заживать будет не менее двух дней. А многие обезболивающие на графа Вяземского уже не действовали, а от тех, которые действовали — очень хотелось спать. Сейчас он себе этого позволить не мог.

— Есть два варианта, — абсолютно лысый и абсолютно спокойный взрывотехник докладывал предварительные результаты проведенной работы,

— Либо это временной детонатор, например, через пять минут после открытия сейфа надо было на что-то нажать, чего-то коснуться. Не сделали — получили взрыв. Либо настройка на ауру конкретного человека. Но это мало вероятно. Взрывное устройство сработало, когда в комнату вошли вы с девушкой. И если ваше присутствие можно было хоть как-то предвидеть, то появление девушки... Хотя в этом случае надо быть уверенным, что нужный человек быстро появится на месте. Вдруг бы вы пришли через день после открытия сейфа, когда все важное мы бы уже забрали. Поэтому вариант с аурой — красивый, но более вероятен первый вариант. Установка на время.

В голове у Вяземского крутились мысли о том, что хорошо, что Вик — оборотень. Если бы с сейфом продолжал работать Михей, который его открыл, он бы не смог так быстро среагировать. И вместо небольшого ранения и контузии, сейчас бы был труп сотрудника. Но после вскрытия сейфа, его осмотром занимался Вик, а реакция у него... Оборотень, как никак. Повезло.

Повезло. За своих сотрудников Ярослав Александрович мог и закопать. В прямом смысле этого слова. Были прецеденты. Правда про это сотрудники говорили шёпотом и с чувством гордости.

Бехерев вернулся через час. Доложился и остался ждать пока закончит работу криминалист Милана Туманская. Он всегда забирал ее с места преступления, если мог. Сегодня — мог.

Глава 7

После всего того, что я видела, думала — не усну. В голове была мешанина из того, что произошло в реальности и того, что я увидела позже.

Попытка разложить мысли по полочкам сначала была неудачной. Мысли прыгали с места на место, то одна вылезала на передний план, семафоря о своей важности и нужности, то другая. Не успевала я одну мысль обдумать со всех сторон, как она скрывалась в туманных далях, спрятавшись или выставив на защиту какую-нибудь другую.

Меня чуть не убили! Это всегда так? Работа такая? Почему ребята были такие спокойные?

То, что я видела, ко мне относится? Диалогов там — минимум, моего имени — не звучало, знакомых фамилий — тоже. Ко мне это имеет отношение?

А если не имеет, какого пьяного ежика я это видела???

Это не будущее, это прошлое. Что мне с этим теперь делать?

Уйти в глухую оборону и никому ничего не говорить? А вдруг это повлияет на жизнь людей, которые за две недели хотя и не стали мне близкими, но за которых я уже переживаю!!

Забавно, за девчонок в пансионе — я не переживала. Я всегда знала, что у Ирины и Наташи есть родные, которые позаботятся о них. Прикроют, пусть не на всю жизнь, но того, что планировали сделать со мной — с ними делать точно не будут.

А тут... Взрослые опытные люди. Намного опаснее чем я и даже чем мой опекун, которого я до сих пор побаивалась... А я за них переживаю.

Зацепится за какую-то одну мысль и додумать ее до конца все не удавалось. Тогда я решила навести порядок в голове — принудительно. И отдохнуть!

Что лучше всего помогает уснуть? Правильно! Усталость!

Поэтому первым делом я сделала весь комплекс утренних упражнений, добавив упражнения, которые мне давал Алексей Бехерев. Те, которые можно было делать без партнера. Трижды.

Потом я приготовила первое и второе на два-три дня. И убрала комнату. Я отгёрла все, что можно оттереть и особенно то, что оттереть было нельзя. Если нужно- ножом можно отодрать любую грязь.

Тело устало. Голове стало немного легче. Мысли ворочались огромными камнями в голове. Поэтому я приняла душ и легла спать.

До четырех утра спала как младенец. В четыре утра сработал внутренний будильник, потому что я итак проспала уже больше десяти часов. Организм сказал — хватит.

Поворочавшись пол часа и обнаружив, что я могу уже спокойно думать — я умылась, позавтракала, покалякала, задумавшись, на листочке, посмотрела на пружинки, цветочки, стрелочки, которые нарисовала и пришла к определенным выводам.

Первое. Придется признаваться. Я уже рассказывала шефу про свой дар крови при знакомстве... До сих пор не могу понять, как меня пробило на такую откровенность... Теперь придется рассказывать все, ну или почти все... про отчима и причину побега из пансиона говорить не хотелось, и я планировала обойти эту тему, по возможности.

Второе. Шеф вчера меня спас. Он сильно рисковал, если бы стеклом ему перерезало кисть — никто бы не смог ее регенерировать или пришить обратно. Не настолько у нас еще развита наука. К тому-же все три видения имели к нему непосредственное отношение. Поэтому он может знать то, чего не знаю я. И принять решения, которые я точно принять не могу.

В голове всплыло то, что он назвал меня просто по имени — Ариадна. Значит какой-то уровень доверия я заработала и, надеюсь, то что я ему сообщу, доверие только усилит, а не разрушит. Это третье.

Все-таки намного проще жить, когда решение уже принято!

На работу я пришла рано. Раньше, чем обычно. Убедившись, что шефа на месте нет, я решила быстренько сбежать к Василию Васильевичу на осмотр. Все-же обещала вчера, хотя и в полубессознательном состоянии. А обещания я привыкла выполнять.

Поздоровалась с Миланой, сегодня ее тоже принесло на работу пораньше. Она рассказала, что вчера на месте взрыва, они работали еще три часа. Вик, тот парень, что стоял около сейфа, провел ночь в больнице, но этим утром она его уже видела. Оказалось, что он оборотень. Чистокровный. Поэтому ночь в больнице для сломанной руки, пары треснувших

ребер и контузии — для него более чем достаточно. Так что теперь он на боевом посту и сегодня в обед опять будет сыпать комплиментами и звать на свидание Людочку, которая стоит в столовой на раздаче.

А я-то пыталась вспомнить, где его видела!

Выслушав предписание больше отдыхать и меньше нервничать, я поблагодарила криминалистов и вернулась в приемную.

Шеф сегодня задерживался, поэтому я принялась дальше разбирать безразмерный ящик стола. Чтобы подшить некоторые документы пришлось даже из архива запрашивать дела. Это сколько же Аскольд их копил? Со дня основания управления?

Погрузившись в работу, я даже не сразу поняла, что в приемной я больше не одна. Появление этого человека я точно не ожидала.

В приемную вплыла, другое слово сюда просто не подходит, Лилия Ивановна. Это тот человек, который пошел работать в кадровую службу по зову сердца. Она знала все и обо всех. Ее знания, касающиеся жизни, особенно личной, любого сотрудника управления, намного превышали тот объем сухой информации, который содержался в личном деле каждого.

Она знала о детях, родителях, братьях и сестрах, кто где, и с кем живет, как эти кто-то выглядят, с которыми живут. И я совершенно не понимала, как эта информация умещается у нее в голове. Так как она производила впечатление доброй бабушки, то многие, особенно молодые сотрудники, называли ее Лилечка Ивановна.

— Добрый день, Ариадночка.

— Добрый день, Лилия Ивановна. Ярослав Александровича пока нет. Ему что-то передать?

— Спасибо, Ариадночка. Я знаю, что его нет. Я к тебе. Скажи, пожалуйста, а это правда, что Алексей Прокопьевич тебя до дома провожает?

— Ээ, правда.

На лице стараюсь удержать равнодушное выражение, но очень хочется спросить: а какое ваше дело в общем-то? Действительно, провожает. И один, и с Миланой. Меня прямо заинтересовала тема разговора. Это-то тут при чем?

— И вчера провожал?

— Да, — пауза, — Ему Ярослав Александрович такое указание дал.

— Деточка, я понимаю, что ты молода и на мир смотришь по-другому...

Теперь Лилия Ивановна взяла паузу и переключила взгляд в вариант «добрая бабушка». Если бы в сказке про Красную шапочку, бабушка так смотрела на волка, то он бы не только ее не съел, а стал бы вегетарианцем и жаловался бы за чашкой чая ей о всех проблемах и сложностях в своей жизни.

Но я пока не понимала, к чему все идет. Дальше-то что?

— Ты же знаешь, что он уже давно живет с Миланой Туманской?

— Да.

Ну знаю, а при чем здесь я?

Видимо скрыть удивление на лице не удалось.

— Деточка, ты же не хочешь стать третьей лишней или разбить такую красивую устоявшуюся пару? Они давно вместе, поженится могут в любой момент.

Сверхъестественных усилий потребовало удержание лица в застывшем положении.

Боюсь даже подумать, какое у меня там сейчас выражение. Главное не дергаться, пока не приду в себя.

Это они о моем моральном облике заботятся? Или Меланином, чтобы без мужа не осталась? Или ее брата, поскольку даже такой прожженный специалист как Лилечка Ивановна не знает, что они брат с сестрой?

За стакан воды схватилась как за спасение. Смех удалось сдержать, и даже вполне спокойно объяснить Лилии Ивановне, что между нами только дружба, что я уважаю личные границы и Алексея, и Миланы, и вообще о замужестве думаю в последнюю очередь.

— Спасибо за заботу, но со своей личной жизнью я разберусь сама.

Оказывается, она у меня есть — личная жизнь. Я тут мужика из семьи уважу.

Когда наш кадровик вышла, от смеха меня уже ничто не могло удержать.

Даже еще один стакан воды, который кто-то налил из графина, стоявшего у меня на столе и поставил у меня перед носом.

— Все в порядке, Ариадна?

Похоже у шефа это самый часто повторяемый вопрос за последние сутки.

— Да, — смех еще пытался прорваться, — нам надо поговорить, Ярослав Александрович.

— Согласен. Успокойтесь — заходите.

Так, теперь надо переключиться. Разговор будет очень серьезным. И значимым. Для меня.

Взяла поднос, заварила черный чай с мелиссой в маленьком заварном чайнике. Поставила сахар, вазочку с печеньем и кипяток. Две кружки из тонкостенного фарфора. Все-таки повторяющиеся рутинные действия успокаивают.

Шеф смотрел в окно, он даже не повернулся, когда я поставила поднос на стол и стала выставлять печенье и блюда.

— Ярослав Александрович, хотите чаю?

Шеф молча сел. Я налила чаю в кружки и, под внимательным сканирующим взглядом, отпила глоток.

— Ярослав Александрович, вы помните то, что я вам рассказывала про свои способности?

— Магию крови рода?

— Да.

— Иногда вы видите то, что относится к вашей жизни в прошлом, или ближайшем будущем.

— Да. Вы абсолютно правы.

— Вы это видите постоянно в режиме нон-стоп? Тяжело, наверное, посещать скопления людей.

— Нет, что вы. Все не так уж страшно. Во-первых, не все люди в мире связаны со мной. Большая часть не знает о моем существовании и наши судьбы не пересекаются ни в одной точке времени или пространства. Во-вторых, для того чтобы что-то увидеть, мне необходимо коснуться обнаженной кожи человека. Поэтому обычно в пансионе я носила перчатки. Не всегда, информация, которая косвенно касается тебя — приятна. Иногда хочется не знать, как два года назад человек, который сейчас является твоим другом высказывался о тебе

нелицеприятно. Тогда вы не были близко знакомы, она сорвалась, наговорила много, о чем потом жалела, но сейчас... Лучше бы я об этом не знала... Если бы не увидела этот разговор, мне было бы легче...

Шеф молчал, попивая чай, видимо решил дать мне выговориться. В воздухе повисла жирная такая пауза.

— Было бы легче?

— Легче. За два года, прошедших со дня открытия дара, я привыкла жить с ним. Но вчера случилось то, что заставила меня почувствовать себя как в первые дни после обретения дара. Честно говоря, я опять не понимаю дар это или проклятье? И что мне с этим делать.

— Что вы собираетесь с этим делать?

— Скажите, шеф, — я впервые перешла с вежливого «Ярослав Александрович» на «шеф», как называла его за глаза. Правда поняла это уже после того, как сказала. Потом извинюсь, если что. — Это правда, что за последнее время на вас трижды покушались?

— Три раза вместе с тем, когда мы познакомились?

— Нет. Вместе с тем — четыре.

— Интересно, — шеф внимательно и задумчиво изучал печеньку, выданную мне в столовой, как будто на ней что-то написано. Тоже перевела взгляд на блюдце — нет там надписей, это точно!

Потом он посмотрел на меня. Глаза у него потемнели почти до черного, и на уровне царапающих кожу ощущений я почувствовала какую-то волну. Волну чего-то холодного и пробирающего до костей. Как будто оказалось посреди поля в мокрой одежде и на пронизывающем ветру. Вцепившись с чашку с горячим чаем, ждала ответа.

— Правда. Только я знаю о трех. Расскажите.

— Сначала, я бы хотела сказать Вам спасибо. Вы спасли мне жизнь, потому что этот кусок стекла летел мне в горло. Я это видела и понимала, что жить мне осталось недолго как никогда ясно.

Рука дёрнулась, и я бессознательно провела по небольшому шрамику на щеке. Я не оборотень, но Василий Васильевич сказал, что за неделю заживет. Особенно, если на ночь буду мазать той штукой что он мне дал. И следа не останется.

— Я была немного не в себе и, наверное, нарушила определенные правила этикета, когда дотронулась до вас, но тогда я просто хотела вас поддержать. Извините, если это вас задело.

— Не задело. Я понимал, что ты в шоковом состоянии. И вела ты себя вполне адекватно. У меня бывалые оперативники в обморок падали.

— Спасибо. Так вот, коснувшись вас, я впервые увидела эпизоды, которые ко мне не имеют никакого отношения. Я потом долго думала об этом. Точно не имеют. Но не могу исключать, что это просто мое богатое воображение, не имеющее никакого отношения к реальности.

Я вновь посмотрела в потемневшие глаза. Тяжелая аура все еще висела в воздухе, но уже не пугала. Краем сознания я ее фиксировала, но принизывающего льда не было.

— Первое покушение: на вас недалеко от управления, я узнала лицо, бросился мужчина с ножом. Одет он был странно, да и улыбка у него была за гранью нормального. Он выглядел как сумасшедший. Было?

— Было. После этого мы зафиксировали появление нового наркотического вещества с

магической составляющей. И накрыли целую сеть подпольных курилен.

— Второе покушение. Я не знаю, где это было. Я просто видела вас раздетым по пояс, — блиин, но краснеть то я тут точно не планировала! — в каком-то медицинском кабинете. Темноволосый мужчина в белом халате обрабатывал Вам рану на правом плече и сказал: «Я не для того шел в медицинский, чтобы штопать тебя после каждого ранения. Что я матери скажу?»

— Даже так... — шеф постучал пальцами по столу, как будто наигрывая какую-то мелодию на клавишах, — Вы видите ситуацию с диалогами и действующими лицами?

— Да. Сначала приходит сигнал о важности видения. Если моей жизни опасность угрожает именно сейчас или в ближайшее время, я застываю на месте, — я поморщилась. — Иногда с этим потом возникают проблемы. Потом я обычно могу сесть и спокойно, не спеша просмотреть весь жизненный отрывок.

— Вы сказали, что видели три покушения. Пока вы описываете все очень реалистично. Но третьего нападения или даже его возможности я не припомню.

— Третье покушение: вы на приеме. Большой светлый зал. К вам подошёл блондин в возрасте, и вы вдвоем взяли по бокалу у подошедшего к вам слуги. Вы разговаривали о каком-то виконте, прибывшем с иностранным посольством. Из своего бокала вы не отпили ни глотка. Так и продолжали держать его в руках. К вам подошёл слуга, вас вызвали к императору, вы поставили бокал и ушли.

— Думаете в бокале был яд?

— Я не думаю, я знаю. Ну или не совсем я, но знаю. До того, как подойти к вам, слуга растворил в одном из бокалов что-то, принесенное с собой. И шел он целенаправленно к вам, избегая других гостей и повернув бокалы так, чтобы вы взяли именно этот, ближайший к вам.

— Вы сможете описать слугу? Внешность?

— Смогу.

— Что-нибудь отличало это видение от ваших более ранних?

— Да, обычно я вижу ситуацию стоя чуть позади или за спиной того, чье это воспоминание. Последнее воспоминание я видела с необычного ракурса. Как будто немного сверху. Без привязки к конкретному человеку. Я испугалась.

— Испугались?

Что ж у него за дурацкая привычка переспрашивать последнее слово??

— Да, испугалась. Я всегда боялась лишней раз касаться людей, по причинам, которые озвучила ранее. Только если есть какие-то подозрения. А теперь...

— А теперь?

— Я теперь я боюсь, что вовремя не коснусь и не смогу предупредить. Четвертое покушение — при нашей встрече, пятое — вчера.

— Вы думаете покушались на меня?

— Не знаю. Может взрывное устройство сработало на другие факторы, а то, что вы вошли в комнату в этот момент — случайность. После четырех предыдущих случаев. Если бы я вчера коснулась Миланы или вас, возможно я бы увидела взрыв, и никто бы не пострадал...

— Никто итак не пострадал. Все живы, а это — главное. Вы можете письменно мне описать все свои видения? Вспомнить диалоги? Возможно там было что-то, что заинтересует меня.

— Могу.

— Тогда я освобождаю вас от работы, пока вы все не напишите. Можно воспользоваться моим столом и кабинетом, чтобы вас не отвлекали. Мне нужно сейчас вас покинуть.

— Хорошо, Ярослав Александрович. Я буду у себя на месте.

Проводив шефа взглядом, стала собирать все обратно на поднос. Видения — видениями, а посуду после чаепития мыть надо.

Никогда не думала, что дотошно фиксировать все подробности и детали — так сложно! Вдруг я упустила что-то на мой взгляд не важное, а для шефа — это будет ключ к отгадке.

Особенно сложно оказалось в подробностях описать то видение, которое у меня было, когда я встретила шефа. Решила, что кровавые подробности описывать не буду, а вот помещение, напавших людей, вид за окном — все как заказывали.

Шеф вернулся через три часа. Передав ему заполненные аккуратным почерком пять листов, я развернулась к выходу из кабинета, когда услышала:

— Интересно, а дар у вас переходит со стороны отца или матери? Графа Чернышева или графини Бельской?

Те секунды пока я поворачивалась к нему лицом, мой мозг просчитывал варианты развития событий. Но утыкался в паническую атаку со стороны всего остального организма и в итоге застыл, как мороженное в морозилке.

— Вы знаете?

— Я — знаю. Больше практически никто. Вы решили сбежать от опекуна? Могу я узнать почему?

— Вместе со своим внебрачным сыном и его матерью, которых он выдает за семью погибшего брата, они хотели меня...

В груди опять сжался жесткий ком и перекрыло дыхание

— Они хотели меня скомпрометировать, жениться, присвоить мое наследство, и после рождения первого ребенка — избавиться от меня.

— Думаю, спрашивать откуда у вас это информация, бессмысленно. Увидели?

— Увидела. Не за один раз.

— К сожалению, это не может являться доказательством в суде, но вы все же запишите мне все, что вы видели с подробностями: место, если узнали, во что были одеты говорившие, фразы диалогов... Даже вид за окном. Хорошо?

— Хорошо.

— Кстати, Ариадна, а почему вы никому раньше не рассказывали про свой дар?

— Хотела. Несколько раз. Понимаете, раньше, когда я хотела кому-то что-то рассказать о даре, когда я дотрагивалась до этого человека, то я видела, как происходит что-то плохое. Я чувствовала, как я тону или задыхаюсь отравленная чем-то. Или на моих руках в крови умирает тот, кому я это хотела рассказать. Когда я коснулась вас, когда вы ставили мороженное, то я не увидела гибели ни вас, ни себя. Это что-то до значит.

— Понятно. А это вам, Ариадна.

Шеф протянул мне тонкую папку по виду похожую на ту, в которых у нас хранятся дела.

— Что это?

— Прочитайте, изучите и добавьте то, что считаете нужным. Эта папка будет храниться у меня в кабинете, а не в кадрах.

На папке надпись: «Чернышева (Бельская) Ариадна Александровна»

Слов нет... Одни междометья и предлоги направления...

Первым делом я решила изучить папку. В ней было прописано и где родилась, и где училась, и что принадлежит семье Чернышевых (думала, это закрытая информация) и даже в каком состоянии сейчас эта собственность. И хотя по отчету неведомого мне аналитика прибыль фирмы приносили меньше, чем при моих родителях, разорение моему наследству — не грозило.

Опекун жил с прибылью с этих предприятий, а так как продать, заложить, подарить, проиграть он их не мог, то в рабочем состоянии он их поддерживал. Как оказалось, он был неплохим управляющим. Или нанял неплохих управляющих. Поскольку ему шли все деньги за исключением тех, что тратились на мое проживание, обеспечение одеждой и необходимыми вещами.

Была копия моего аттестата о неполном среднем образовании, которое мне выдали в шестнадцать. Была копия заявления на смену фамилии, которое я подписала недавно. Но самое интересное, что было в папке — это краткая справка по моим родителям. Родились, воспитывались, учились, служили... Я узнала, что мама закончила пансион с золотой медалью и императорской похвальной грамотой. А также, что отец был автором нескольких научных работ.

Для себя я тут же выписала их на бумагу и пообещала себе найти их в книжном или в библиотеке.

Зарплату нам выдавали раз в две недели и первую зарплату я недавно получила. Теперь я точно знаю, что на нее куплю. На память.

Просмотрев дело, я поняла, что добавлять-то пока и нечего. Если только собственноручно записанные диалоги моих родственников, приведшие меня к побегу из пансиона.

Писать про себя оказалось сложнее. Иногда к горлу подступали так и невыплаканные до конца слезы. Иногда — злость. Заглянувший ненадолго Аскольд впечатлился моим выражением лица и решил меня порадовать.

— Я слышал, ты любишь цветы?

— От кого слышал?

Не помню, чтобы я озвучивала свою любовь или не любовь к цветам вслух, поэтому очень удивилась такому предположению.

— Все девушки любят цветы!

— Гениальное предположение...

— Подожди, сейчас все будет!

Проводив взглядом хлопнувшую дверь, вернулась к описанию своих видений. Про то, что делала поле побега — решила не писать. Меня же не просили?

Цветы Аскольд принес, но не букет. Горшок. Знакомый такой горшок из видения.

— Где взял?

— Девочки из бухгалтерии подарили.

— Тебе?

— Нет, тебе. Предлагают завтра в обед познакомиться. У них обед на час раньше.

— Спасибо за цветок. Я постараюсь.

Вот и обживаюсь на работе. Даже цветок теперь есть.

Глава 8

С тремя девочками из бухгалтерии я познакомилась. Правда девочкой можно было назвать только одну из них, Анечку. Две остальные — серьезные замужние дамы. Что ж женщин в управлении мало, но постепенно я перезнакомлюсь со всеми.

Шрамик, как Василий Васильевич и обещал, покинул нас бесследно. Милана приболела, а Алексей Прокопьевич после занятий провожал меня домой. У нас троих нашлась замечательная общая тема для разговоров. Милана, как и я, очень любит рисовать. И в прошлый выходной мы втроем ходили в императорский художественный музей. Потом сидели в кафе и пили какао с блинчиками. Планировали и в эти выходные, но промокшие на месте преступления ноги, привели Милану к простуде.

Лилия Ивановна с воспитательными беседами больше не появлялась.

Работа вернулась в стандартное русло. Я наконец-то разобрала полностью верхний ящик в столе! Тот самый, с защитой.

От Штольца никаких сообщений не прилетало, а это значит, что Венюков на него не выходил. Или вышел, но ничего не узнал.

Аскольд забегал каждый день. Если раньше его в приемную и калачом было не заманить, он начал забегать с завидным постоянством. Раньше он предпочитал объяснять мне все по телефону, ну или я к нему бегала, в крайнем случае. Сейчас, когда надо было систематизировать только текущую работу, и поэтому вопросов к нему, в общем не было его наоборот стало тянуть в приемную, как будто здесь медом намазано.

Милана даже считала, что он за мной ухаживает. Я особого ухаживания не заметила. Пока ухажёров в моем рабочем графике не было, и пока я без них спокойно обходилась.

Стоило привыкнуть к спокойному рабочему графику, как шеф решил расширить мои рабочие обязанности.

Сначала все было как обычно: с утра я отдала письма. К части писем прилагалась краткая справка из нашего архива: кто, судим или нет, где работает, где и с кем живет. Копировальный артефакт в приемной шефа стоял последней модели, иначе я замучилась бы все переписывать. Официальные бумаги тоже были распределены по направлениям и срочности. На отдельных карточках были запросы от отделов. Часть документов лежала на подпись. При необходимости к ним тоже прилагались справки, напечатанные мной или тем, кто готовил документ.

Кстати печатную машинку я освоила неплохо. Хотя печатать, практически не глядя на клавиатуру — еще не могла.

Шеф работал спокойно до обеда. Два раза к нему приходили посетители, и в этот момент я забирала проработанные им бумаги. На обед ушла вовремя, а вот после обеда...

— Ариадна, у вас сегодня есть планы на вечер?

Сказано это было сухо и по деловому. На романтику не тянуло никак.

— Занятие по самообороне и все.

— Сегодня занятие пропустите. Вы мне нужны в другом месте. В пятницу сможете уйти домой пораньше.

Ого, а это — неплохо. Смогу Милану навестить, а то по темноте возвращаться домой не хочется, а напрягать ее брата — очень неудобно. Он итак для меня много делает.

— Уберите документ. Возьмите вещи. Сегодня вы на рабочее место не вернетесь.

Любопытство просто полезло из всех щелей. Быстро собрав свои вещи под внимательным взглядом шефа, я приготовилась к... чему-то.

Закрыв кабинет, мы пошли к подземному переходу в соседнее здание. Надземный

переход тоже был, но там надо было одеваться и пересекать проезжую часть очень оживленной улицы. Мне еще ни разу не приходилось пользоваться этим переходом. Да и в соседнем здании я еще ни разу не была, так что любопытство просто рвалось изнутри.

Вот чего я точно не ожидала, что мы придем в ...ателье?

Светлая комната с двумя большими окнами. Там, где окон не было, ровными рядами стояли вешалки с одеждой. Мужская и женская. Каждодневная и праздничная. Летняя и зимняя. Два закрытых шкафа, огромное зеркало во весь рост. Около одного из окон стоит швейная машинка и огромный раскроечный стол. Рядом стоит манекен, на котором висит мужской пиджак с высоким воротом. Не дошитый.

Нас встретила сухонькая женщина невысокого роста. Темные волосы уложены в аккуратный пучок. Кожа рук, лица и шеи гладкая, волосы хорошо и естественно покрашены. Возраст женщины можно определить только по глазам. А так благодаря стройной фигурке и со спины, я бы подумала, что она моя ровесница. Впервые мне встретила женщина с настолько трудно определяемым возрастом.

— Маргарита Константиновна, девушку зовут Ариадна, её надо подготовить к семи часам.

— Мероприятие? Форма одежды?

— Званый ужин. Не официальный, но возможно присутствие наследника престола.

— Роль девушки?

— Моя спутница. Приличная девушка из приличной семьи. Единственное условие — отсутствие перчаток.

— Но ваша светлость! Без перчаток девушка будет выглядеть как дама полусвета. Это уже не вписывается в задачу «приличная девушка из приличной семьи».

Ярослав Александрович задумался, что-то просчитывая у себя в голове.

— Нужно что бы пальцы у девушки были открыты и полностью свободны.

Маргарита Константиновна совершенно очевидно облегченно выдохнула.

— Ну так бы и сказали, ваша светлость. Есть длинные перчатки с кольцом на среднем пальце. Ладонь и пальцы открыты, а дальше выше локтя — закрыто. Правда это считается достаточно экстравагантным нарядом.

— Моя спутница и не может быть обычной. Даже лучше, если она будет слегка экстравагантной. Добавьте этот пункт в техническое задание. И добавьте соответствующего вида прическу. В пять проинформируйте меня о цвете платья девушки, а пока я ее оставляю.

От сверкнувшего взгляда Маргариты Константиновны мне стало страшновато. Что-то мне подсказывает, что экстравагантно я буду выглядеть по максимуму.

Так как шампунем, затемняющим волосы, я давно не пользовалась, сейчас мои волосы приобрели родной яркий рыже-алый цвет. На улице уже всю светило весеннее солнышко и поэтому веснушки проступали, не смотря на специальный крем, которым я пользовалась.

— Распусти волосы, деточка. Грех прятать такие волосы в этом безликом пучке.

— Это не пучок...

Почему-то меня это задело. Я собирала волосы в хвост, а потом концы волос просовывала под заколку. Получался такой не очень длинный, закругленный хвост. По плечи, а не по талию. Иногда я заплетала волосы в косу, но редко. Это была моя любимая прическа в пансионе, поэтому я как бы отрезала от себя прошлое, поменяв прическу. Правда,

отрезать волосы — не решилась. Жалко.

Сняв большую заколку и кучу маленьких, которые удерживали боковые пряди, я потрясла головой. Все же волосы устают от заколок. Поставив меня перед зеркалом, Маргарита Константиновна принесла несколько вечерних платьев. Правда они были либо синие, либо зеленые. Поприкладывая ко мне несколько вариантов, и не удовлетворившись результатом, она принесла еще несколько платьев. Объединяло их одно — они были разных оттенков изумрудно-зеленого.

— Все, хватит изображать манекен! Иди переодевайся.

Оказалась кабинка для переодевания отделялась от комнаты тканевой занавеской. В глаза не бросалась, поэтому я даже не сразу поняла, что это такое.

Первое платье было... А это точно платье? Или такой специфический халат?? Да я в нем из помещения не выйду, не то что на прием!

— Экстравагантненько...

— Не то слово, — согласилась я, — но в этом платье, я отсюда не выйду, хоть увольняйте...

— Согласна. Если бы надо было даму нетяжелого поведения изобразить...

— Кого?

— А, не слушай меня, деточка. Устала, заговариваюсь. Нам из тебя надо сделать приличную девушку, да еще и такую, чтобы органично с графом Вяземским смотрелась. Иначе — не поверят. Переоденься-ка в вот это платье.

Это платье мне понравилось больше. Насыщенный глубокий малахитовый цвет, длинный рукав, юбка в пол. Нижняя юбка атласная. А сверху слой легкой органзы, расшитый цветами и бусинками, которые выглядят как капельки росы на листочках. Пожалуй, мне даже идет.

Уже этот яркий контраст моих волос и платья давал яркий акцент, но Маргарита Константиновна не собиралась на этом останавливаться. Задумчиво обойдя меня по кругу, как елку на новый год, она потрогала волосы, зачем-то выложила несколько прядей с двух сторон от лица, достав их из-за спины.

— Отпорем рукава... Сюда добавим бархатную вставочку, а сюда — кружева... Вот здесь прихватим, а если волосы оставить распущенными и только здесь немного заколоть...

Маргарита Константиновна вся погрузилась в придумывание моего образа. Мешать я не хотела, сбивать с рабочего настроения — тоже. Сама знаю, как тяжело иногда потом возвращаться к потерянной мысли. Хотя дозваться человека в таком состоянии иногда бывает тяжело.

Дождавшись более-менее осмысленного взгляда, тихо спросила:

— А мы успеем?

— Конечно, успеем! Снимай платье! Лица, Лица, ты где?

В комнату вошла пухлая невысокая женщина с очень добрыми глазами. У нее прямо солнечные лучики от глаз разбегались.

— Сейчас девушка переоденется, сделай ей прическу и немного загримируй. Его сиятельство дал задание: «приличная девушка из приличной семьи». Волосы мне распущенные нужны. Забирай, пока я с платьем работаю.

— Как тебя зовут?

А голос такой мягкий, как будто меня по голове погладили. Я уже почти не помню голос матери, да и лицо — уже не очень. Хотя уверена, что, если увижу ее изображения —

узнаю. Голос хуже сохранился в памяти, но почему-то мне кажется, что он очень должен быть похож на этот: теплый как молоко с медом, ласковый, как летний ветер, приятный, как мамин поцелуй на ночь...

— Меня зовут Ариадна.

— А меня — Светлолика, можно Лика. Необычное у тебя имя...

— У вас тоже — не простое.

— Девочки, хватит болтать! Мне нужно платье!

Переодевалась я быстро. Если бы вздумала засесть время — это бы был рекорд в моей жизни.

Прическу и небольшой грим, Лика наносила мне в соседней комнате. Посадив в кресло перед зеркалом, она сначала вымыла мне голову, нанесла что-то на волосы, потом нанесла что-то на лицо, потом опять смыла с волос, что там было, потом опять занялась лицом...

В общем, когда я пришла в себя, волосы были уложены так, что казалось все эти волны и локоны — это не результат многочасового труда, а просто естественное состояние моих волос. Ага, так и поверила...

Первый раз в жизни мои длинные волосы мне не мешались, а вызывали восхищение. А уж что она сделала с моим лицом...

Во-первых, веснушек почти не было видно. Во-вторых, глаза у меня были на пол-лица. Они просто светились, привлекая внимание. Губы не выделялись яркой помадой, нежный персиковый оттенок и блеск для губ.

— Лика, вы — волшебница!

— Волшебник может работать только с хорошим исходным материалом. Ариадна, ты очень красивая девочка. Тебе просто надо иногда это показывать.

— Иногда?

— Пока не привыкнешь.

— Лика! Вы, где? Вернитесь немедленно!

Голос Маргариты Константиновны было сложно не услышать. Что ж, пора возвращаться к тому, во что теперь превратилось мое сегодняшнее платье. Боюсь представить, что значит «экстравагантно» в ее понимании и исполнении...

Уфф, вроде нормально. Ну, длина спереди чуть выше щиколоток и спереди видно носки туфелек. Кстати надо спросить, может у них тут и туфли есть, а то мои рабочие черные, конечно, не плохие, но на парадные — не тянут.

Ну, рукава по локоть, но из такого тонкого кружева, что не понятно, они больше открывают или закрывают. По лифу тоже раскрылось кружево. И цвет его... я даже взяла прядь своих волос и поднесла к кружеву — один в один!

А если еще учесть перчатки... Распущенные волосы, которые тоже смотрятся достаточно вызывающе. Каждое изменение в образе по отдельности — внимания не привлекают, но все вместе....

— Красотка!

Две женщины переглянулись и ... ударили по рукам! Я думала, это чисто мужская привычка, и я просто не ожидала такого поведения от двух степенных, во всяком случае, точно старше меня, женщин.

— Подожди, сейчас тебе туфли подберем и может еще что-нибудь... А потом отдохнешь на диванчике, пока граф Вяземский не подойдет.

— Не будем портить шедевр. Платье и прическа — идеальны. Добавлять что-то еще — портить совершенство. Большое спасибо.

Пусть это и их работа, но работу можно выполнять по-разному. Они ее делали с душой.

Ожидая шефа на диванчике, я должна была расслабиться. Ага, сейчас!

Я догадывалась для чего шефу нужна именно моя компания, не думаю, что из-за моей «неземной» красоты, которая появилась благодаря волшебным рукам двух замечательных женщин. Ну и немного магии. Я чувствовала, что и у Маргариты Константиновны, и у Лики — она есть. Так быстро переделать платье практически кардинально, так уложить мои волосы, которые каждую расческу считали серьезным противником. Часто они там застревали. Намертво.

Я, без сомнения, очень красивая сегодня, но шефу наверняка нужен мой дар. Кстати на Маргарите Константиновне и Лике он не сработал. Не было опасностей в ближайшем будущем, да и в прошлом мы не пересекались даже через знакомых. Не скажу, что расстроилась...

Я так глубоко погрузилась в знания, умения и навыки, впихиваемые в нас на уроках этикета, что просто проворонила появление Ярослава Александровича Вяземского. Графа из древнего и престижного рода, немного высокомерного, но идеально ведущего себя в обществе. Моих познаний в этикете вполне хватало это оценить.

Взгляд, которым, он меня окинул...

— Вы прекрасно выглядите, Ариадна. Маргарита, Лика — вы сегодня просто волшебницы. Теперь я заберу вашу подопечную, нам еще надо поговорить.

К платью мне вдали... Плащ? Накидку? Расшитая бисером, утепленная, с капюшоном. Жалко нельзя было натянуть еще одну пару перчаток, на этот раз — теплых.

Разговор происходил на заднем сиденье служебного автомобиля, отгороженном от водителя, да и от всех вокруг «пологом молчания».

— Ярослав Александрович, вы думаете, я справлюсь?

— Вы — графиня, Ариадна. По матери или по отцу — не важно. Особенно учитывая, что в вашем случае и по отцу, и по матери. И пансион вам дал очень хорошее воспитание. К тому же сегодня вам надо по возможности молчать, не озвучивать никакую личную информацию, касаться тех, кого я попрошу и рассказывать мне, если вы увидите хоть что-то.

— Прямо сразу рассказывать? При всем столпотворении? Не думаю, что вам понравится, если я выйду на середину, встану как ребенок на стульчик и начну все рассказывать в качестве стихотворения для Деда Мороза.

Граф усмехнулся.

— Идея, конечно интересная, но попробуем решить этот вопрос по-другому. Я рад, что вы обратили внимание на этот факт. Держите.

И он протянул мне веер с рисунком в каком-то растительном стиле. Нежно-розовые цветы, зеленые лепестки, иногда прописанные всего несколькими легкими движениями. Тот, кто его разрисовывал — несомненный талант.

— При нажатии на этот камень в ручке, включается артефакт от подслушивания. Он создает небольшую закрытую зону, поэтому в этот момент я буду наклоняться к вам, а вы, прикрыв веером рот, чтобы по губам нельзя было ничего прочесть, будете мне рассказывать, что увидели.

— Вы часто посещаете званый ужин с дамами?

Брови шефа поднялись на лоб, и он стал похож на удивленного осьминога из детской книжки. Моей любимой книжки, которую мне не разрешили брать в пансион.

— Нет.

— Значит я в любом случае буду привлекать внимание, вне зависимости от того, что буду делать и что буду говорить?

— Скорее всего. Для всех — мы недавно познакомились, и я рассматриваю вас на роль своей невесты.

— Вашей репутации не повредит моя роль восторженной дурочки?

— Не повредит. Даже поможет. К тому же — мою репутацию сложно испортить.

Глава 9

Прием баронесса Ревельская проводила в честь годовщины свадьбы с бароном Ревельским. А так как почетным гостем на свадьбе когда-то был его императорское величество Павел IV (правда на тот момент он был еще высочеством), а сын баронессы служил в личной гвардии Александра Павловича, наследника престола, то появление наследника престола было вполне ожидаемым.

Когда мы подъехали к ярко освещённому дому на одной из центральных улиц, я не удивилась. Уже по платью было понятно, что прием должен быть масштабным и многочисленным. Такого количества огней я еще нигде не видела и очень хотелось все внимательно осмотреть.

Боже! Я же графиня, я не могу пялиться вокруг как деревенская простушка! Восторги тут уже пришлось спрятать куда-нибудь поглубже. Ооочень глубоко.

Ари, вспомни, что ты на работе. Шикарное платье, обувь и прическа — это твоя униформа. Драгоценности — тоже. Точнее — драгоценности особенно.

Как мне объяснил шеф, на этом замечательном комплекте из изящного колье, сережек и браслета наложена защита как на банковский сейф. И вся это защита настроена на сохранение меня любимой от всевозможных бед. Сережки влияют на мою запоминаемость. То есть через полчаса после общения со мной, человек уже с трудом вспомнит какого цвета у меня глаза или форма губ. Общее впечатление в памяти сохранится: симпатичная — не очень, глупенькая — умненькая, понравилась или нет, но вот описать мою внешность кому-то третьему будет затруднительно. Без специальной работы менталистов.

Ментальные маги не просто редкость в нашем мире, они работают только на госслужбе и под жестким контролем. Любые влияния на ментальном уровне ограничены строгими рамками. Вряд ли кто-то будет обращаться в Центральное управление жандармерии, чтобы вспомнить случайно встреченную на приеме девушку. Даже если и обратятся — их прошение попадет на стол шефу.

Было опасение встретить своих «замечательных» родственников, но до дня рождения мне оставалось меньше двух недель, а там я буду уже относительно свободна от их влияния. Да и отходить от графа Вяземского на этом приеме я не планировала. К тому же шеф мне обещал, что Венюковы ко мне даже близко не подойдут в любом случае. И я ему верила.

Колье должно было обеспечить мою физическую защиту, по утверждению выдавшего мне его специалиста, оно выдержит небольшой взрыв рядом. Точнее прикроет меня так, что я от этого взрыва не пострадаю.

Браслет — куча маячков, которые должны работать на любой высоте, на любой глубине и сигнализировать, если вдруг я буду в жуткой панике. В этом случае он должен выдать

сигнал опасности на браслеты прикрывающих нас сотрудников.

Эта информация меня почему-то не успокоила, а наоборот взбудоражила. Это от чего нас надо прикрывать на обычном светском приеме?

Из машины я выплывала, облокотившись на руку шефа. Вход в дом. Швейцары настолько важные, как будто лично прислуживают императору. Или он им. Передав им выданную Маргаритой Константиновной накидку, посмотрела в боковое зеркало.

А что? Неплохо! На меня смотрела девушка с огненно-рыжими волосами. Похоже амулету сегодня не повезло. Уж по волосам меня точно все запомнят.

Я выглядела как... не я. Я привыкла и в пансионе, и на работе к неяркой одежде, незаметному поведению, а в пансионе — еще и к темным волосам. Сейчас я сверкала так, что можно было спички зажигать, как об огонь. Яркие волосы, яркое платье и яркий мужчина за моей спиной.

Костюм почти черного цвета, но не траурно-мрачного, а антрацитового. Как уголь. С легким блеском. Причем костюм смотрелся на шефе очень органично. Сейчас за моей спиной стоял не просто чиновник жандармерии, за мной стоял граф Вяземский. Ярослав Александрович. Эффектный мужчина, который сегодня однозначно привлечет целую волну женского внимания. Я впервые почувствовала какую-то особую мужскую ауру. Именно мужскую. Надежную.

— Вы готовы, Ариадна?

— С вами, куда угодно, ваша светлость. — сказано абсолютно спокойно, без всяких заигрывающих ноток. Было чувство, что мы в логово врага идем.

— Хорошо, графиня.

Под руку с шефом мы вошли в зал, и церемониймейстер громко объявил:

— Граф Вяземский со спутницей.

Ни во одном месте не екнуло, что здесь меня объявили не графиней Чернышевой или Бельской, а всего-навсего спутницей графа Вяземского. Так безопаснее. Меньше знают, меньше желающих попробовать меня на зуб. Я же всего-навсего спутница, такой вариант «+1». Не важный и не опасный элемент. Сегодня — один, завтра другой. Не стоит и запоминать. И я постараюсь подольше казаться такой «не опасной» и «не известной».

Барон и баронесса Ревельские стояли недалеко от входа, чтобы все пришедшие на прием гости имели возможность поприветствовать хозяев.

Поклон со стороны графа, реверанс — с моей.

— Ваша светлость, я очень рада, что вы все же нашли время посетить наш прием. В последнее время вас так редко можно встретить на различных мероприятиях.

Баронесса Ревельская светилась как новогодняя елка

— Много работы на благо империи, ваш муж не даст соврать. Мы часто пересекаемся с ним на совещаниях во дворце.

— Что вы, мой муж ненавидит дома говорить о работе. Поэтому я больше о его работе узнаю от других, чем от него самого. Может представите свою спутницу?

— Ариадна Бельская.

— Оу, из тех самых Бельских?

— Возможно.

— Вы просто как мой муж! Когда я у него что-то спрашиваю, он говорит: «Дорогая, это государственная тайна».

— У вас очень мудрый муж.

«Мудрый муж» все это время стоял рядом и молчал. В общем, как и я. Только я еще при этом улыбалась, а он — нет.

— Милое дитя, вам здесь нравится?

— Прием великолепен, баронесса. Я очень рада, что у меня есть возможность посетить его.

Хорошо, что мы были не единственными гостями на этом празднике жизни. Граф повел меня к фуршетным столам в следующий зал, попутно высматривая кого-то. К нам подходили, здоровались, что-то спрашивали. Пока мне удавалось просто улыбаться, просто здороваться и просто выражать восхищение окружающей действительностью.

Кстати, первым, кого я увидела в фуршетном зале, был Аскольд в темно-синем костюме и с бокалом шампанского в руке.

Как оказалось, веер — это очень удобная вещь. Например, чтобы скрыть улыбку. А она нагло пролезала на спокойное лицо, стоило мне выхватить Аскольда взглядом. Не могу сказать, что он смотрелся чужеродно на светском рауте, просто... я постоянно чувствовала его взгляд. То, что его роль — держатся рядом было написано самым крупным шрифтом у него на лбу. Не хватало еще таблички над головой «ОХРАНА». Расстояние между нами было всегда одинаковое, как по линейке, стоило мне или графу сдвинуться на полметра в сторону, Аскольд тут же повторял наш маневр.

Поэтому мне, в свою очередь, пришлось изображать, что я совершенно не знаю этого молодого человека, который просто сверлил меня взглядом.

Надо будет ему потом намекнуть, что такое пристальное внимание привлекает к объекту охраны дополнительные сложности. Одна из таких сложностей в виде молодого человека, чем-то напоминающего шефа, двигалась к нам прямо от входа. Если бы он шел аккуратно от группы к группе — я бы не заметила, но один раз его пытались приостановить и им это удалось на пол минуты, не больше. Шефу и этого хватило, чтобы заметить и дать короткую характеристику.

Наклонившись ко мне, он негромко сказал:

— Мой двоюродный брат, граф Вяземский-Рюмин. Очень любит ухаживать за девушками. Не женат.

— Ваше сиятельство, это вы сейчас за него беспокоитесь или за меня?

— А мне надо начать беспокоиться?

— За меня — нет.

Улыбка. Молчание. Тем более, что молодой человек как раз практически приблизился к нам. Одетый по последней моде, спортивного телосложения, волосы темные, слегка вьющиеся. Синие глаза, видимо это у них семейное.

Эффектный мужской экземпляр. Вспомнилась Юлианна. Она бы такой экземпляр точно не упустила.

— Добрый вечер, братец. Не ожидал тебя увидеть на сегодняшнем мероприятии.

— Добрый вечер, Виктор. Зато твое появление вполне предсказуемо.

— Не представишь мне свою очаровательную спутницу?

— Ариадна, познакомьтесь, это мой двоюродный брат Виктор, граф Вяземский-Рюмин.

— Приятно познакомится, ваша светлость.

— Мне тоже очень приятно, Ариадна. Мой брат так редко появляется с девушками на официальных мероприятиях, что это привлекает повышенное внимание его родственников.

— Считаете, я не могу привлечь внимание сама по себе?

— Какая очаровательная леди, Ярослав! Вы правы, вы можете привлечь внимание и сами по себе. Разрешите вас пригласить на танец? Мой брат сейчас опять начнет решать рабочие вопросы, а я готов сделать все, чтобы такой милой девушке не было скучно.

— Ваша светлость?

В интонацию я попыталась вложить вопрос: лучше постоять рядом или не мешать? Виктор прав, мы здесь работаем, но вот всем остальным знать об этом необязательно. Будет странно, если девушка пришла на прием с одним кавалером, а первый танец танцует с другим. Да и время проводит тоже.

— Виктор, не торопись. Первый танец все равно — мой. А второй... Если леди согласна...

Так, мне дают карт-бланш. Стало даже интересно, покажет ли что-то мой дар. И не боится ли шеф, что я узнаю что-то семейное?

Первый танец — не за горами.

— Ариадна?

Шеф протянул мне руку.

— С удовольствием, ваша светлость.

Ладони соединились. Дыхание перехватило. Пришло видение. По внутреннему измерителю неприятностей, видение — нейтральное. Поэтому отложила его просмотр на более поздний срок. У меня сейчас здесь танец! Первый!

Мы двинулись в центр зала. Ну не совсем в центр, а — нет. В центр. Шеф целенаправленно вел меня туда, где уже стояли хозяева вечера. Чем ближе к хозяевам — тем высокопоставленнее гости.

Кстати, я до этого совершенно не задумывалась насколько же родовитый у меня шеф.

И сейчас — не буду. Так спокойнее.

Нас в пансионе учили танцам. Правда в связи с отсутствием мальчиков тренировались мы все же друг с другом. Сейчас мне предстояло танцевать свой первый взрослый танец. С потрясающим партнером.

Во всяком случае, я прямо кожей чувствовала всеобщее внимание, которое он к себе притягивал. Я — так, довеском. Мужчины смотрели равнодушно или с легким любопытством, женщины же... Стоп, Милана же говорила, что граф Вяземский — один из самых завидных женихов в столице. Тем более, что свой холостяцкий статус он поддерживает уже достаточно долгое время. Несколько лет уж точно.

Просто раньше, когда на него женщины в таких количествах не заглядывались — мой мозг это не фиксировал. Ну, шеф, как шеф. Мужчина? Так большая часть начальников — мужчины. Красивый? Красивый. Ну, так я — то в него влюбляться не собираюсь! Мне достаточно того, что он справедливый, спокойный и требовательный начальник. Да, требовательный, а что? У всех свои недостатки.

Зато он мне жизнь спас, и, если сейчас надо изобразить его спутницу-однодневку — изобразю. Моей репутации, после побега из пансиона и от опекуна, вообще все равно. Да и замуж я в ближайшие пару лет не собираюсь, а когда соберусь — про этот вечер уже точно все забудут.

Да и не любовницу же я здесь изображаю, а просто спутницу! Поэтому — выкидываем

дурацкие мысли из головы и танцевать!

Музыка подхватила. Или шеф подхватил. Я как-то очень быстро перестала нервничать, что это мой первый взрослый танец. Особенно когда поняла, что музыкальная композиция — одна из моих любимых. Хотелось отключиться полностью и просто плыть под музыку, и жесткий захват мужских рук не мешал и не стеснял.

Как же оказывается мое тело соскучилось по танцам! Все же просто физические нагрузки не компенсировали легкости, нежности и эйфории, которая захлестывает тебя, когда ты танцуешь.

Тело еще заканчивало последний поворот под музыку, а в мозг ворвалось видение, которое я пыталась отложить на более поздний просмотр. Расслабилась...

«Кабинет. Мужской. Без цветов на подоконниках, статуэток на полках и в шкафу. Но при этом возникает такое чувство высокой ценности. Я не специалист по мебели, но она, похоже, из шоссийского дуба. Судя по изумрудно-зеленым прожилкам на бежевой древесине, поверхность которой любовно залакирована так, чтобы была видна структура дерева.

Я стою за плечом у шефа, который держит бокал с вином. Второй бокал держит мужчина, чье изображение можно найти где угодно. А особенно на бумажных деньгах крупного номинала.

Так вот ты какой, император Павел IV...

А шеф с тобой спокойно вино пьет... Интересно...

— Вот теперь я готов выслушать ту очередную гадость, которую ты мне сейчас сообщишь, — император отпил из бокала, сел в одно из кресел, стоящих с трех сторон от небольшого туалетного столика и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Ваше величество, обнаруженная террористическая ячейка на этот раз состоит из благополучных детей очень благополучных родителей. Почти все — с наследными титулами. Молодые люди настроены на то, что убийство государственных чиновников позволит им диктовать свою волю вам.

— Интересно, — император задумчиво помахал ножкой бокала, — интересно, но очень не вовремя...

— Большая часть из тех, с кем мы успели поработать — идеалисты. Они верят, что конкретно эти чиновники мешают империи процветать. Но так как, вы их не снимаете с постов, убийство они считают единственным способом вас заставить и донести до вас свое недовольство текущей ситуацией.

— То есть прийти и высказать — им храбрости не хватает, а убить человека, который возможно с твоим отцом по одним коридорам ходит — вполне, вполне... Ярослав Александрович, не мне тебе объяснять, что за спиной таких идеалистов обычно стоят циники. Прожжённые холодные циники, которые чего-то хотят: смены власти, в виде большей власти для себя, больше денег и опять таки — больше власти.

— Понимаю, ваше величество. У меня есть несколько ниточек.

— Каких?

— Некоторые ниточки выходят в ваше достаточно близкое окружение и в окружение наследника. Без доказательств я бы не хотел озвучивать полный список.

— Я знаю о твоей честности, неподкупности и очень светлой голове. Кого ты подозреваешь?

— Ваше величество. Я бы не хотел...

— А я бы хотел до окончания расследования ограничить свое общение с данными людьми. Причем по абсолютно нейтральным поводам.

— Граф Ридигер, князь Чесский...

— Дядя опять забыл, во что ему обходятся такие игры?

— Возможно.

Ну и что мне теперь делать с этой информацией???

Обычно просмотр видения длится пять-семь секунд, но в это время я застываю памятником самой себе. Поэтому иногда оттягиваю просмотр как могу. Но в этот раз видение меня настигло, по окончанию танца, движения, поэтому, когда я пришла в себя...

Я стояла почти уткнувшись носом в грудь шефа прямо посередине бального зала. Пиджак расстегнут, на шее — зеленый платок в цвет моего платья.

Шелковая прохлада этого платка чувствовалась кожей. Все-таки лбом я в него уткнулась.

— Вы, в порядке, Ариадна?

— В полном.

— Не лгите, — мягким, не свойственным ему голосом, сказал шеф. Ах, да, он же ложь чувствует...

— В полном порядке буду через минуту.

Я встряхнула головой и улыбнулась максимально открыто и ярко. Освещение зала, конечно не перекрыла, но я старалась. Спросила:

— Надеюсь, ваш брат не входит в число подозреваемых? Тех, кого я должна сегодня коснуться.

Легкий мужской смешок.

— Меня интересует мужчина в темно-зеленом костюме, с которым я буду разговаривать, когда вы с Виктором вернетесь с танца.

В темно-зеленом, так в темно-зеленом.

Танец с Виктором прошел в теплой и непринужденной обстановке. Танцевал он лучше, чем я (сказывается опыт), но я хотя бы не отдала ему ноги. Мои 49 килограммов веса, даже сконцентрированные в точке приложения одной моей ноги, все равно не смогли бы ему что-то отдалить. Виктор был почти на голову выше шефа, и на полторы — меня.

Небольшое видение, которое я получила при контакте, удалось просмотреть в те секунды, когда мы стояли опять почти в центре зала до начала композиции. Что ж, кто предупрежден — тот вооружен.

Может потому, что композиция мне не очень понравилась, может потому что партнер слишком много разговаривал, но такого удовольствия от танца, как в первый раз, я не получила. У меня вообще было ощущение, что я попала на допрос, но не в качестве секретаря, а в качестве подозреваемого. Знать бы еще — подозреваемого в чем?

— Ариадна, вы давно знакомы с моим братом?

Наивный взгляд у меня никогда не получался. Актриса из меня — так себе, поэтому просто удивление во взгляде: «А что собственно?»

— Просто я раньше вас рядом с ним не видел. Да и вообще, не видел.

— Вы уверены? На таких приемах сложно познакомиться со всеми девушками в зале.

Хотя для тебя, я думаю, это не проблема, а просто задачка на скорость, если верить видению.

— Такую красивую девушку я бы точно заметил.

— Вы абсолютно правы. С его сиятельством, мы познакомились недавно.

— А как познакомились, если не секрет?

— Не секрет. Я упала ему на руки.

О, такое удивление на мужском лице дорогого стоит. Сдержаться не смогла. Негромко рассмеялась и вовремя убрала пятку от ноги родственника шефа. Еле вывернулась.

— Дар богов?

— В смысле, я упала ему на руки, как дарованные богом скрижали с заповедями?

— Что-то в этом роде.

— Скользкий лед.

Опять бровь поползла удивленно вверх, но на этот раз свою ногу из-под моего каблука он убрал самостоятельно.

— Как жаль, что брат успел познакомиться с вами раньше. С вами так приятно общаться.

Делаю вид, что поверила. Еще надо пару раз ресничками безголово похлопать. Похоже для Виктора флиртовать с девушкой, как дышать. Особенно, если эта девушка пришла с его двоюродным братом.

— У нас с вами еще будет возможность пообщаться.

Надеюсь моя улыбка больше похожа на завлекательно-флиртующую, чем на акулье-хищническую. Неет, после того, что я увидела, держаться теперь от тебя буду как можно дальше.

Где там моя цель, мужчина в темно-зеленом?

Стоит справа от шефа. Неудобная дислокация. Виктор как раз получается между нами, а мне нужно быть как можно ближе...

— Ай! Виктор, я, по-моему, не очень удачно на ногу наступила. Можете меня взять под левую руку, мне так будет удобнее... и нагрузка на ногу — меньше...

И глазками похлопать. Пока он не вписал меня в список своих побед, такая небольшая просьба не должна его нервировать.

Молодец! И я, и он.

Между мной и седовласым мужчиной в темно-зеленом костюме теперь никого нет. А мы приближаемся.

Все-таки не зря на занятия по самообороне ходила! Алексей Прокопьевич, спасибо за навыки! Классический маневр уклонения и окружающие видят, как, слегка прихрамывающая на одну ногу, девушка падает, но в последний момент удерживается за руку седовласого импозантного мужчины в темно-зеленом костюме.

— Большое спасибо! Вы мне так помогли!

Боже, боже, боже, только не сейчас... откладываем видение... Откладываем, я сказала!

Внутренний неприятности-метр говорит о том, что информация безопасная. То есть прямо сейчас ничто не взорвется и метеорит резко не прилетит, а значит просмотр терпит до достаточно спокойного места.

— Ариадна, давайте осмотрим вашу ногу. Виктор, я сам справлюсь.

В принципе на шефе висеть даже удобнее. Виктор настолько высокий, что я чувствую себя лилипутом, а тут — вполне нормально. Опираясь на руку, покидаем зал. В принципе подошла первая попавшаяся комната. Дверь открыта, свет горит. Гостиная. Две девушки у зеркала то ли поправляют видимые только им недостатки во внешности, то ли просто

болтают.

— Добрый вечер, госпожа Мирская, госпожа Тоцкая. Девушки, среди вас есть целители?

— Добрый вечер, ваша светлость. У нас с Миррой совершенно другие способности.

О, а они знакомы. Интересно, он всех девушек в зале знает или нам так повезло?

— Вы не могли бы позвать целителя? Ариадна подвернула ногу.

Девушек сдуло мгновенно, точнее одна вроде задержалась сначала, но вторая ее быстренько вытащила за дверь.

Ну и замечательно! Теперь надо активировать артефакт от прослушивания. Зря я что ли веер с собой весь вечер таскаю?

— Вы что-то увидели, Ариадна, — утверждает, а не спрашивает шеф.

— Да, ваша светлость. — Даже спорить не буду. Ибо, глупо спорить с очевидным.

— Ярослав. Предлагаю во внеурочное время перейти на общение по именам.

— Хорошо, Ярослав Александрович, но пока мы на работе. К тому же, это становится традицией.

— Что именно?

— Я падаю вам на руки на глазах у кучи народа то на улице, то в зале. С этим надо что-то делать.

— Прямо сейчас? Не уходите от разговора.

— Ярослав Александрович, вы знаете, что ваш брат ведет список девушек, которых он «покорил», особенно выделяя тех, кого он отбил у вас?

— Не знал, но догадывался. Мой брат очень азартен. Поэтому я вас и предупреждал. Не думаю, что он сам сказал вам об этом.

— Вы правы. Увидела его за столом, заполняющим список. Он вписывал туда имя некоей Эстель Брамс.

— Забавно, а почему вы решили, что это имя относится ко мне?

— Потому что ее имя уже было написано в колонке с вашим именем, да и фраза «Вот братец и еще одна моя, а не твоя» — о многом сказала.

— Эстель, она же Анна, — восходящая звезда императорского театра. Интересно, с чего он решил, что я ей увлекся? Если решил отбить?

— Это вопрос не ко мне. Но видимо у него были на это причины.

— Это вы видели, когда танцевали с Виктором. А что насчет графа Ридигера?

— Мужчины в темно-зеленом? Там еще веселее. Я увидела его сидящим за столом в кабинете, в который в практически ворвалась эффектная блондинка. Судя по всему — его дочь. Она хотела за вас замуж.

Пересказ разговора занял какое-то время. Эпизод так и стоял перед глазами.

— Она сказала: «Но папа, я хочу замуж именно за него.» Он ее убеждал, что так как ей на скачках удалось привлечь внимание наследника, то у нее есть все шансы на титул императрицы в будущем. Что надо немного подождать и сосредоточиться на наследнике, а вы...

Тут я замолчала, поскольку не знала, как еще это сказать...

— Что я?

Внимательно посмотрев на пол в попытках найти там подсказку, выдохнула:

— А вас она может взять в качестве любовника, если уж ей так хочется...

Смотреть в глаза шефу было страшно. Его тут в общем-то уже поделили и пристроили.

Для любого человека это звучит унижительно, а уж для такого мужчины как мой шеф...

Закусив губу, все же рискнула посмотреть в бирюзовые глаза Ярослава Александровича Вяземского.

— Это все?

— Нет. Девушка настаивала на вашей кандидатуре. Дословно: «Я хочу в мужья Ярослава! Граф Вяземский очень хороший кандидат в мужья. Богат, близок к императору, красив...». Еще она сказала, что, если отец не придумает, как заставить вас сделать ей предложение, она сделает все, чтобы вы ее скомпрометировали, и что публичный скандал ее не пугает.

— Спасибо, Ариадна. Не думал, что интерес ко мне со стороны графа связан именно с этим.

— Не только с этим. Было еще видение, но его я не понимаю, поэтому лучше расскажу дословно.

«Опять кабинет мужчины в темно-зеленом костюме. Стою за его плечом. На этот раз он одет в мундир. На груди несколько орденов и вообще вид достаточно парадный. Перед ним на стуле мужчина. Лысоватый. Все время вытирает лоб платком. За время короткого разговора — раз пять.

Мужчина протягивает сидящему за столом белый конверт.

— Здесь все. Я надеюсь, что решение по моему делу сдвинется в нужном направлении.

— Конечно.

Мужчина за столом открывает конверт и оценив толщину пачки денег внутри, берет ручку.

— Вот документ. Передайте моему секретарю, он зарегистрирует и поставит печать.

— А возможно рассмотреть еще один вопрос? За отдельную плату?

Удивленно приподнятая бровь. Почему-то теперь я вижу его лицо. Со мной редко такое бывает.

— Граф Вяземский в последнее время сильно вмешивается. Возможно ли как-то решить этот вопрос? Может его можно как-то отвлечь?

— Аркадий Яковлевич, ну у вас и аппетиты...

— Я понимаю, что это может очень дорого стоить...

— До свидания, Аркадий Яковлевич.

— До свидания, ваша светлость.

Лысоватый толстяк двигается задом, небольшими шагами, выходя в дверь — спиной. Стоит ему покинуть кабинет, как в него входит молодой человек. Судя по всему — коллега-секретарь. В руках блокнот и ручка, на лице — готовность к любым заданиям.

— Организуй мне встречу со Нифлером. Где обычно. С Вяземским действительно надо что-то делать.»

После «лечения ноги» шеф был спокоен и молчалив. Судя по всему имя Нифлер ему о чем-то сказала, но меня он в это не посвящал. Просто переспросил, точно ли я услышала имя, после чего отвел меня в зал, попросил Виктора составить мне компанию и исчез.

Мужчины в темно-зеленом тоже не наблюдались к нашему возвращению в зал, зато Аскольд был в зоне видимости. Пока шеф решал какие-то рабочие вопросы, я отказала в танцах Виктору и еще двоим незнакомым мне, но очень настойчивым поклонникам. У меня

был повод! Нога вроде ныла, а может не ныла... Но знать им об этом было не обязательно.

Медом им что ли около меня намазано? Или это сегодня развлечение такое: пригласить на танец девушку одного из самых известных следователей столицы?

Свалив все на больную ногу, теперь я могла стоять, улыбаться и молчать. Виктор в попытках поухаживать принес мне пирожное на фарфоровом блюде, и готов был кормить с ложечки, если б ему кто позволил, конечно.

Вяземский появился внезапно. Со спины. Я даже вздрогнула, когда почувствовала, что меня прижала к себе мужская рука. Хорошо хоть удалось удержать вбитые за два месяца занятий на тренировках рефлексы и не перекинуть через себя наглеца, положившего руку мне на талию. Представляю, как бы это смотрелось... То я к нему на руки падаю, то его роняю...

Прикрывшись веером, я негромко спросила:

— Зачем?

Граф наклонился к моему уху так, что со стороны мы смотрелись наверняка достаточно фривольно и практически шепнул:

— Надо. Подыграйте.

Да без проблем! Поулыбаться я итак могу. Главное не врезать в случае чего.

— Только предупреждайте в следующий раз, ваша светлость, — на этот раз я привстала на носочки и начала шептать все это ему на ухо. Как же хорошо, что у него рост не два метра! Если бы пришлось подпрыгивать — вряд ли это сошло бы за заигрывание.

— Я чуть на вас сейчас прием не опробовала. Бехерев был бы конечно в восторге... Граф и у моих ног, перекинутый захватом от бедра...

Его смех вполне вписался в легенду о флирте.

Хорошо, что я успела перекусить, пироженками, принесенными Виктором. После наших перешептываний с шефом, Виктор отчалил в неизвестном направлении. Ан, нет, в известном. К очень симпатичной брюнетке, метрах в пяти от нас.

Несмотря на то, что я больше не танцевала, ноги начинали гудеть. Все-таки зря я переобулась в туфли, выданные к платью. Они конечно красивые, но ноги от них ноют... Когда я уже подумывала, как уговорить шефа отсюда уйти, или хотя бы меня отпустить, как ситуация заиграла новыми красками.

К тому моменту, когда я готова была даже на похищение, лишь бы вернуться в родную теплую постельку, появилась она — девушка из моего видения, которая до жути хотела замуж за шефа. Ее привел папочка.

Что ж, очень эффектная девушка в нежно розовом платье. Голубые глаза, светлые волосы. Уложенные волнами и кудряшками. Диадема, серьги и кольцо сверкали почти также, как и люстра в зале приемов. Куколка, которая производила впечатление чего-то легкого и благоухающего. Рядом с отцом она смотрелась еще нежнее, чем, когда залетела к нему в кабинет с боевыми планами покорения завязатого холостяка.

Интересно, как отреагирует шеф? Почему-то мысль о том, что он не против такой жены, покорила и где-то засадила. В левой пятке. Похоже на мозоль от новых туфель.

— Элеонора Ридигер, — представил мне шеф девушку.

— Моя спутница — Ариадна.

Похоже шеф специально не озвучивает мою фамилию лишний раз.

— Приятно познакомится.

Вежливо улыбаюсь. Девушка препарирует меня взглядом. Просто улыбнулась, но даже стандартной фразы о том, как ей приятно не произнесла. Зато забросала шефа вопросами о неизвестном мне мероприятии, на которое их обоих пригласили в следующем месяце. Шеф — молодец, держит оборону и все время пытается вовлечь в разговор отца Элеоноры.

Жаль, что нельзя напрямую спросить кто такой Нифлер. Больно имя интересное. Не похоже ни на выходца из Каганата, ни на оборотня из Шоссии, да и на жителя княжеств тоже не похоже...

— Не подадите мне бокал?

Это она мне? Серьезно? Она этим хотела меня задеть? Типа, знай свое место где-то рядом с обслуживающим персоналом?

А я не отношу себя к обслуживающему персоналу, а вот узнать пару твоих тайн будет не лишним. Интуиция мне подсказывает, что что-нибудь интересное я увижу. Не просто нашептывает, а прямо-таки вопит. Поэтому, подать тебе бокал — да с удовольствием!

Передавая бокал коснулась пальцами. Ничего себе меня пробило! Прикрывшись веером, прижалась к плечу шефа. Пусть прикрывает, пока я тут работаю в поте лица, между прочим.

Ого! Дыхание перехватило, воздуха не хватало катастрофически! До этого самым непристойным видением было развлечения воспитателя и конюха в подсобке пансионата! Но там хоть темно было! А тут... Не уверена, что смогу это шефу описать...

Я почувствовала, как краснею... При моих рыжих волосах красный цвет распространяется мгновенно... Хорошо, хоть какой-то рискованной молодой человек увел Элеонору на танец, потому что та картинка что стояла у меня перед глазами... Мне очень хотелось ее развидеть...

— Ваша светлость, я бы хотела пройтись... Носик попудрить...

— Ариадна, вас проводить?

— Спасибо, ваша светлость, но лучше я сама...

Мне бы только в дамскую комнату и проверить эти пыточные инструменты по незнанию именуемые туфлями...

Найдя на первом этаже пустую комнату, нырнула внутрь. Свет зажигать не стала. И даже более того, спряталась за ширмой, которая отгораживала часть диванчика. То, что я сейчас собираюсь делать — воспитанные девушки при свидетелях точно не делают. А я девушка воспитанная, как никак!

Как же хорошо! Я сосредоточено натирала и мяла стопу пальцами. Конечно, сначала больно, но потом становится легче. Боже, еще чуть-чуть, хорошо то как...

Голоса? Мужские? Таак, свидетели мне явно не нужны. Аккуратненько сдвинулась за ширму и туфли схватила, чтоб не торчали. Только бы верхний свет не врубили.

Ан нет. Боковое бра.

— А вдруг меня заденет?

— Не заденет. Мы же все просчитывали. К тому же на наследнике столько защитных артефактов висит, что его точно не заденет. Ты главное бросай и сразу уходи...

— Но, а вдруг... — голос очень молодой и сильно напуганный.

— Слушай, мы это уже сто раз обсуждали, — голос усталый, но уверенный — Твоя задача — отвлечь внимание, а вот когда Вяземский рванет на помощь... Тут уже моя забота, так что хватит трусить! Сам же вызвался.

— А вдруг Вяземский сегодня без кольца... Не сработает же...

— С кольцом... я видел... зря что ли настраивали... Давай рысью. Наследник скоро

прибудет...

Сижу тихо, изображая стеночку. Ну или шкафчик... Один собеседник точно вышел, а второй? Вслушиваюсь на грани напряжения... Главное — не спугнуть, главное — не спугнуть... Иначе потом — никого не найдешь и ничего не докажешь...

Аккуратно выглядываю из-за ширмы. Пусто. С туфлями в руках иду к двери. Вдруг они прямо здесь стоят? Загнанная в угол крыса очень опасна и проверять насколько — почему-то не хочется.

В коридоре бродят гости, но под дверью никого нет. Бросаю туфли на пол и сосредоточенно на них смотрю. Большой соблазн пойти босиком, но нет... Я итак сегодня достаточно экстравагантно себя вела, а вечер еще не окончен... Может отгул на завтра попросить?

Но хочешь или нет, а в туфли влезать придется.

Все, влезла. Желание убивать — уже есть. Особенно тех, из-за кого я в этих пыточных приспособлениях проведу лишние полчаса. Нападение на наследника у нас здесь тут? Это еще не самое страшное на сегодня. Это вы с девушкой в новых туфлях не общались!

Пошла искать шефа!

Шеф нашелся легко и быстро. Место дислокации он не менял, правда сейчас рядом с ним пристроилось это розовое безе, Элеонора Ридигер. Еще чуть-чуть, и она на нем просто повиснет!

Неет, виснуть на шефе сегодня позволено лишь мне.

Что я и делаю.

— Ваша светлость... — главное не перемудрить с придыханием.

Не скажешь же прямо — надо поговорить, а у вас тут толпа народа. Надо увести быстро, но при этом не выбиться из роли. Таак, глазки немного вниз, веером обмахиваемся, будто здесь пустыня. И при этом продолжаем висеть на левой руке.

— Ваша светлость, здесь так жарко, а вы обещали показать мне сад...

Ой, это я махнула, мы до него выбираться долго будем.

— Ну или хотя бы балкон...

Да, вот такая я нетерпеливая дамочка. Мне мой кавалер нужен сейчас, немедленно и в гордом одиночестве. Краем глаза вижу презрительно-высокомерное выражение лица блондинки. У неё тут основную цель куда-то уводят, а она ничего сказать не может! Да, нагло вешаюсь, но когда объявят о прибытии наследника, я его уж точно никуда не выведу... Будет поздно

— Конечно, Ариадна. Господа, вы нас извините?

Все-таки хорошо, что у меня шеф такой умный... С умными работать намного легче.

— Что случилось. Ариадна? Вы что-то увидели, что потребовалось меня так срочно уводить?

— Услышала.

Нажимаю кнопку на веере, включаю защиту и продолжаю.

— Слышала разговор. Во время визита наследника сегодня, ему планируют подбросить бомбу. При этом они уверены, что артефакты, укрепленные на нем, защитят его полностью. Но следующая бомба настроена на вас. Точнее на какое-то ваше кольцо. Сказали, что на него настраивали.

— Узнать сможешь?

— Я их не видела, только слышала, но по голосам... Смогу. Голоса достаточно

молодые.

Вяземский окинул меня задумчивым взглядом и начал быстро снимать с пальцев все кольца.

— Подставляй руки.

На мои ладошки упало не менее шести-семи колец. Мамочки, даже если опустить тот факт, что не все из них артефакты, одни камни стоят, наверное, больше, чем все, что у меня на данный момент есть.

— Спрячь пока у себя.

Пока я ссыпала это все в маленькую сумочку, закрепленную на поясе, шеф выглянул в зал и особым образом махнул рукой. Через секунды рядом были Аскольд и дядя Миша, начальник оперативников. Вообще-то он Михаил Иванович Лернер, и уважением пользуется не меньше шефа, но ребята за глаза зовут его дядя Миша.

— Аскольд, забираешь Ариадну. Находите комнату как можно дальше от парадного входа. И сидите там до моего прихода. Никого не впускать. За неё отвечаешь головой. Михаил Иванович, сколько до прибытия его высочества?

— 15 минут.

— Нам хватит. Код красный.

Глава 10

Аскольд быстро провел меня в пустующую комнату. Похоже, это что-то вроде музыкальной гостиной.

Интересно, а где личные комнаты хозяев? Неприятно же, если посторонние будут заходить, трогать вещи, сидеть на кроватях, креслах и пуфиках... Нашествие кучи малознакомых лиц, даже на три-четыре часа приема не радовало. Нее, это как-то не мое.

Примерила на себя ситуацию, прием, толпу народа — мне бы не понравилось. Хотя личные комнаты я бы в этом случае просто закрыла. И замок амбарный повесила. Во избежание, так сказать.

Аскольд застыл в дверях, пытаюсь одновременно и меня держать в зоне видимости, и контролировать коридор, в котором было не так много людей.

Я, в свою очередь, не могла просто усидеть на месте. Точнее я попыталась. Хватило меня на пару минут, потом я прошлась по комнате бездумно разглядывая все вокруг и наконец-то остановилась около окна. Парадный вход отсюда виден не был, но определенное оживление наблюдалось.

Время текло медленно, вязко. Что там происходит? Успели? Не успели? Пострадал кто-нибудь? А шеф? Это же его убить хотят, в первую очередь. Поймала себя на мысли, что бездумно верчу в руках сумочку с кольцами.

Даже про туфли забыла! Хотя еще 15 минут назад (ого всего пятнадцать!) это казалось нереальным.

Мне казалось, что я на ощупь уже изучила все кольца, прощупывая их через тонкую ткань, когда до нас донеслось эхо взрыва. Стекла в окнах слегка завибрировали, а Аскольд, готовый рвануть вниз по лестнице, прикусил нижнюю губу, оставшись на месте и вцепившись в ручку двери с такой силой, что она раскрошилась.

Люди побежали вниз к выходу. Мы остались на месте.

Чувство неизвестности сжало меня изнутри когтистой лапой. Да я бы и сама рванула вниз, но не могу! У меня в руках взрыватель, а где сама бомба — да Бог ее знает...

Шеф сказал — ждать, значит ждем.

От неизвестности спасли наши коллеги, которые сосредоточенным видом методично прочесывали помещения второго этажа. К этому моменту я и сама уже стояла рядом с Аскольдом, выглядывая из-за его плеча в коридор, в надежде увидеть тех, кто поднимется по центральной лестнице.

— Что случилось?

— Кто-нибудь пострадал?

Оказывается, мы с Аскольдом умеем говорить одновременно. Получилось не очень понятно, но русоволосый Матвей, который, видимо, руководил осмотром второго этажа, нас как-то понял.

— Взрывное устройство удалось накрыть вакуумной сферой. Никто не пострадал, не считая двух окон и того, что некоторые гости не смогли закрыться от осколков. Александр Павлович — не пострадал.

— А Ярослав Александрович?

— Он лично взял какого-то хмыря, обвешанного артефактами как новогоднее дерево — конфетами. Сбежать хотел, гаденьш. Почти успел. Просочился сквозь охрану наследника, как нож сквозь масло. Его высочество сейчас проводит воспитательную работу. А мы ищем взрывные устройства.

— Матвей, можешь присмотреть за Ариадной, пока я спущусь к графу?

— Ты какое задание от его светлости получил?

Аскольд тяжело вздохнул, расставаясь с проблесками любопытства и беспокойства.

— Сидеть до прихода его светлости. Никого не впускать. Отвечать головой за Ариадну.

— Вот и сиди. Его светлость очень не любит, когда его приказы не выполняются, даже из-за благородных мотивов. Голову открутит и скажет, что так и было.

— Нашу комнату осматривать будете?

— Сказано все — значит все!

Пока ребята артефактами проверяли малейшие колебания магического фона, я стояла посередине комнаты сжимая в руках сумочку. Интересно. Чисто теоретически, я на эмоциях прорвать достаточно плотную ткань сумочки смогу или она сегодня выдержит мои поползновения? Все-таки мне ее вместе с платьем Маргарите Константиновне сдавать. Рано или поздно.

Закончив осмотр, ребята окинули меня заинтересованными взглядами (ну да я не хожу с макияжем и в вечернем платье на работу!), и пошли дальше. Специально смутить не хотели, но чувствую в столовую вместе с Миланой, но без ее брата, я пока ходить не буду. Ребята хорошие, а вежливо отказывать у меня пока не всегда получается... Обижать не хочется, но и встречаться с кем-то я тоже пока не планирую. Не до этого мне пока...

Зато после проверки комнаты из меня как будто какой-то стержень вынули. Я немного сдулась. Совсем немного. Самую копелюшечку. И эмоции, бурлившие вулканом, поуспокоились и ушли в режим экономии. Вспомнила про туфли. В конце концов, лучше сидеть, чем стоять. Особенно когда желание разуться и пройтись босиком усиленно пытается забить здравый смысл. Пока безуспешно.

Ну не совсем безуспешно.

Усевшись на небольшой кушетке, под прикрытием подола, я аккуратно сняла туфли и поставила ноги в чулках прямо на круглый пушистый ковер, край которого как раз заходил под ножки кушетки.

День был тяжелым, и когда он закончиться — пока было непонятно. Поэтому я попыталась расслабиться. Все равно меня из комнаты никуда не выпустят сейчас. Да и пока шеф не прикажет — тоже. А ему сейчас явно не до меня. Так что расслабились — и ждем.

Конечно пока я в искусстве ожидания — любитель, но что-то мне подсказывает, что до профессиональной лиги мне не так много и осталось. Еще пару вечеров от шефа — и я ожидательный профессионал. Или ждущий профессионал. Или профессионал в искусстве ожидания. О, хорошо звучит! Остановимся на последнем варианте.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметила поднявшийся в коридоре шум, и к визиту тех, кто спустя мгновение вошёл в дверь музыкальной гостиной, я оказалась не готова. Совсем.

Шеф вошел первым, быстро нашел меня взглядом, им же он меня ощупал, и подал руку, предлагая подняться. Разыскать туфли, которые каким-то волшебным образом успели закатиться под кушетку, я не успела. Поскольку в комнату зашел Александр Павлович собственной персоной. Ковыряться под кушеткой, ища туфли, пока наследник империи стоит и ждет...

В общем, первая в моей жизни встреча с наследником престола запомнится тем, что я стояла босиком, чувствуя мягкость ковра через тонкую сетку чулок. Теперь это точно воспоминание на всю жизнь...

Наследник был одет в темно-синие брюки, белую рубашку без вышивки и жилет. Темно-русые волосы лежали аккуратно, как будто их только что уложили. Наследник выглядел так, как будто он то ли заехал на сегодняшнее мероприятие случайно, то ли хотел продемонстрировать неофициальность визита. Хотя возможно пиджак он просто снял раньше. В конце концов на первом этаже вылетело несколько стекол. Лучше совсем без пиджака, чем в побелке и стекле.

Тем более, что выглядел Александр Павлович потрясающе, намного лучше, чем на фотографиях в газетах и на открытках с фотографиями с мероприятий, которые наши девочки вешали на стену над кроватью. У некоторых над кроватью был целая выставка: «Его высочество Александр Павлович присутствует при спуске на воду линкора «Цесаревич Александр», «Его величество Павел IV и его высочество Александр Павлович на параде и честь годовщины в Стельской битве» и т. д.

Из-за отсутствия туфель и соответственно каблуков рядом с шефом я казалась маленькой. По плечо или чуть выше. А наследник выше шефа...

— Наконец-то я вижу графа Вяземского со спутницей. Как зовут вас, милая девушка?

— Ариадна, ваше высочество.

Реверанс и взгляд в пол. Я итак до этого взглядом практически от пяток до макушки будущего императора добежала, осматривая его на предмет повреждений. Преподаватель по этикету упала бы в обморок...

— И все?

— Милая девушка — из рода Бельских. Графиня.

Ярослав Александрович решил поддержать молчащую меня. Потрясённая всей этой ситуацией, находясь так близко к наследнику престола, я только сейчас начала осознавать, насколько мой шеф близок к руководству империи. То как он держался: свободно, без подхалимажа и даже... Дружески! Вот это слово!

— Оу, я думал из этого рода по прямой линии наследования уже никого нет.

— Есть я.

— Ярослав Александрович проинформировал меня о вашей помощи в расследовании.

Благодаря вам сегодня пострадало намного меньше людей, чем могло бы.

— Спасибо, ваше высочество.

Тут я решила поднять глаза. И пусть взгляд остановился где-то в районе груди с мимолетными пробежками до лица Александра Павловича, но все же это было намного смелее, чем изучать носки его ботинок, на один из которых прилип небольшой осколок битого стекла.

— Разрешите поцеловать вашу руку в благодарность за все то, что вы сделали сегодня и делаете каждый день на благо империи?

Твою мать, я не хочу, не хочу, не хочу! Наследнику не отказывают в такой малости! Это же обычная вежливость! Ну почему у меня сегодня такие перчатки! Мне не нужны тайны императорского двора и наследника! Ну прямо от слова совсем.

Как в тумане протягиваю руку. Внутри все сжалось от ожидания больших, прямо-таки императорских неприятностей.

Не уверена, что я хочу, чтобы в прошлом, настоящем или будущем наши судьбы пересекались! Дико страшно, от того, что может выплыть при прикосновении. А особенно от того, что наследник может знать, что я знаю что-то, не предназначенное к распространению.

Ничего нет! Фухх, свобода!

Когда граф Вяземский зашел в музыкальную гостиную и убедился, что с девушкой все в порядке, в груди сам ослаб и распустился какой-то огромный тугой узел, который казалось мешал дышать. Правда, его наличие Ярослав Александрович смог ощутить только после того, как от него не осталось и следа. Для него самого оказалось открытием, что он волнуется за эту храбрую девочку, которая сегодня очень помогла.

Без ее видений и хорошего слуха, а также везения, сегодня были бы жертвы. Жаль в качестве доказательств эти видения нельзя использовать, но теперь он хотя бы знает где искать... Да и картина в голове начала уже складываться. А за девушку он волнуется так же, как и за любого своего сотрудника при исполнении.

Убедив себя в этом, граф Вяземский все же решил, что девушку надо отправить домой. Здесь они все равно еще минимум часа три будут работать, а она не эксперт, не оперативник, да и опросы свидетелей вести не умеет. Вот завтра...

Завтра он возьмёт ее с собой и на допросы, и на обыски... Все же ему нужен секретарь для фиксирования всего происходящего. И пусть Аскольд в бытность свою секретарем больше времени проводил в приемной кабинета, сейчас ситуация поменялась... Теперь надо, чтобы она всегда была рядом. Вдруг надо будет кого-нибудь проверить?

— Аскольд, твоя задача на сегодня не поменялась. Это Ариадна. Доставишь до дома, можешь взять мою служебную машину. Проводишь до двери. Полный цикл охраны. Маячки поставь. Завтра утром — встретишь и проводишь на работу.

— Не надо завтра утром... Я сама доберусь... Мне пятнадцать минут дворами...

— В следующий раз — сама доберешься, а завтра тебя проводит Аскольд. Заодно и дорогу посмотрит и запахи проверит...

— А может не надо...

Девушка казалась немного напугана тем коконом безопасности, который создавал граф. Это немного остудило голову Вяземского. Но свои распоряжения он не отменил.

Бесконечно длинный день для графа Вяземского заканчивался в императорском дворце, где он планировал заночевать. У него были покои, выделенные специально для такого случая, когда добираться до дома уже нет сил. Да и бесполезно, учитывая, что с утра Император вызвал его с докладом.

Сейчас молодой мужчина с кружкой горячего напитка сидел в кресле перед камином в покоях графа Вяземского. Он уже успел переодеться и выгрести из волос осколки стекла, которые, не смотря на огромное количество защит и щитов, все-таки туда попали. Александр Павлович в домашнем костюме (темно-синие мягкие брюки и бежевая рубашка) пил кофе, внимательно наблюдая за движениями язычков огня. Камин носил декоративную функцию и на отопление никак не влиял, но граф Вяземский всегда давал распоряжение его затопить, когда ночевал во дворце.

В этот раз он вышел из душа, вытирая свои длинные темные волосы.

— Давно ждешь?

— Нет. Я тут похозяйничал и приказал принести кофе и что-нибудь перекусить. Не возражаешь?

— Учитывая, что это твой дворец — конечно, нет. К тому же есть — хочется.

Налив кофе и завернув в тонкую лепешку все, что было на тарелке с нарезкой, включая лежащую отдельно зелень, Ярослав Александрович устроился в соседнем кресле.

— Что-нибудь нашли?

— Нового ничего. Ребята еще работают.

— Ты знаешь, это даже как-то обидно, что на наследника престола покушаются для того, чтоб в итоге взорвать какого-то чиновника! Все-таки, согласишься, ты даже не начальник внутренней или внешней разведки, а просто следователь по особо важным делам и заместитель начальника главного управления имперской жандармерии! Даже не начальник. Куда катиться мир?

— Давно тебя не пробивало на философию. Неужели леди Жизель отказала тебе сегодня в своем внимании?

— Да, зря я тебя расхваливал, с информацией у тебя беда. Леди Жизель получила отставку с хорошими отступными еще на прошлой неделе и отбыла на родину. Сейчас я в поиске.

— Ну Алекс, ты выбирай: либо я террористов ловлю, либо запоминаю имена и порядок бесконечной череды твоих любовниц. Скоро я начну считать, что идея твоей матери тебя женить — не настолько уж и плохая.

— Не пойдет, я ей сказал, что готов жениться только после тебя.

— Ты хочешь сказать, что именно поэтому моя мама в последнее время активизировалась в этом направлении? Ну, Алекс, такой подставы я от тебя не ожидал...

— Ярый, я знаю твою стойкость к чарам женского пола. К тому же ты просто обязан охранять императора и его наследника. Ты и охраняешь.

Александр Павлович посмотрел на друга и соорудил себе такой же перекус.

— Хорошо еще, что у остальных правителей дочек подходящего возраста — нет, и что моя мама решила ограничиться территорией империи.

— У Кагана их много.

— Шутишь? Я бы конечно не против двух-трех жен по их традициям, но мама и жители империи меня, боюсь не поддержат.

— Не поддержат. Признавайся, зачем пришел?

— Пообщаться с другом?

— Алекс, доклад для императора ты будешь слушать завтра вместе с ним, а то, что известно на нынешний момент, ты итак знаешь. Был рядом все время. Надеюсь ребята к утру еще что-нибудь интересное раскопают. Твою любовницу мы обсудили. Планы на будущее — тоже. Я слишком хорошо тебя знаю, поэтому не поверю, что ты просто забежал кофе попить и перекусить. Что случилось?

— Что ты знаешь про родовой дар Бельских?

— Немного. Слышал что-то, но без подробностей.

— Я по возвращению во дворец зашел книгу родов посмотреть.

— И что?

— Дар крови: они видят прошлое, настоящее или будущее, которое относится либо лично к ним, либо близким по крови людям.

— Только по крови?

— Да. Причем дар передается не всем в роду. А в последнее время там рождаются только девочки. Причем уже несколько поколений. Муж предыдущей графини Бельской, как, впрочем, и ее отец когда-то, взял ее фамилию, а вот мужья ее дочерей на это не пошли. Поэтому увидев девушку, которую ты представил, как графиню Бельскую, я удивился.

— Графиней Бельской была ее мать, по отцу она Чернышева.

— Где ты откопал это чудо с даром, передающимся по основной ветви?

— А почему ты думаешь, что она из основной ветви?

— Блокиратор сработал.

— Блокиратор?

— Девочка должна была увидеть что-то, связанное с ней, ее родом и со мной, или моим родом. Но не увидела.

— Уверен?

— Ярослав! Я и сам хороший артефактора, хоть это и не афишируется. И все свои артефакты настраивал или создавал сам. Конечно, я уверен! К тому же волосы...

— А что — волосы?

— Мама несколько раз вспоминала графиню Бельскую. У них в роду рыже-алый цвет волос сохраняется с рождения до самой смерти. Без седины. Все женщины завидовали: никаких магических красок для волос не надо, ничего. Мама даже сначала думала, что это какое-то заклинание или артефакт... Оказалось так проявляется дар рода, показывая на наследника, а точнее — наследницу, у которого он есть.

— Не знал...

Кофе закончился. Да и заряда бодрости от него надолго уже не хватало.

— Так, где ты ее нашел? В каком пансионе?

— На улице. Она в меня врезалась, сейчас работает у меня секретарем.

— Секретарем? Графиня?

— Да, там длинная история. Давай отложим ее на завтра.

— Завтра уже наступило.

Оба мужчины посмотрели на часы, висящие над камином.

— Тогда — на послезавтра. Могу сказать одно: сейчас ей уже ничего не грозит, а я привык и не хочу искать нового секретаря.

Домой я попала поздно. В коридоре меня и Аскольда встретила Светлана Олеговна. Не удивлюсь, если она меня специально ждала, все же раньше я так поздно не задерживалась. И тут я такая в вечернем платье и с Аскольдом, который не дал мне войти в комнату, пока ее сначала просто не осмотрел, а потом еще и артефактом каким-то проверил. Вспомнила, что ему же шеф еще сказал охранку поставить. Значит это теперь надолго...

Все это время я в бальном платье стояла в коридоре, куда решили выйти одновременно все мои соседи, за исключением медсестры. Видимо она была на дежурстве. Хорошо, что сегодня на приеме никто серьезно не пострадал, но и осколки стекла ни к чему хорошему не приводят, поэтому работы в центральной больнице сейчас порядочно. Да и если она не в больнице, наверное, сейчас отсыпается. Это нужнее, чем спонтанное собрание проживающего здесь коллектива, назначенного на полдвенадцатого вечера.

— Добрый вечер, милочка. А что ваш поклонник делает?

— Это — не поклонник, это — коллега.

Если я расскажу хотя бы половину моих приключений сегодня, и возможных прогнозов от моего шефа на будущее, то не удивлюсь, если Светлана Олеговна тут же решит, что такая «проблемная» квартирантка ей не нужна. А у меня тут еще месяц оплачен, да и не готова я пока новое место проживания искать. Поэтому уходим в глухую несознанку.

— Ему скоро зачет по охранке сдавать, вот он и тренируется. У нас была выездная тренировка в костюмах, переодеться не успела. Надо все завтра в исходном состоянии сдать, а ответственные за костюмерную уже давно дома.

Я не привыкла жаловаться на свои проблемы. И сейчас я не жалуясь, а объясняю, почему я в таком шикарном одеянии, учитывая, что завтра на работу побегу стандартной серой мышкой.

— Поздно, опасно девушке одной возвращаться.

— Вот Аскольд Сергеевич меня и провожает.

Аскольд Сергеевич с серьезным лицом вышел из комнаты. Прослушек — нет, вредоносных плетений и артефактов — тоже.

При этих словах Аскольд прямо взглядом светлил Светлану Олеговну. Значит что-то нашел, но раньше завтрашнего утра на работе я об этом не узнаю.

— А, тогда понятно, — женщина дождалась пока Аскольд скроется за входной дверью на этаж. Я скрыться в комнате не успела. — Вам еще записка от известного вам человека.

Ого, Алексей Владимирович написал записку. Что случилось? Опекун проявился и мне пора на работу добираться короткими перебежками?

Светлана Олеговна передала мне магически опечатанную записку. Это означает, что открыть может только тот, кому она предназначена. Домовладелица видимо ожидала, что я сейчас ее открою, и тогда можно попытаться узнать, что там написано. Все же она очень любопытная... Может даже и комнаты начала сдавать потому, что так жизнь более насыщенная. Вокруг проявляется столько жизненных историй... Театр для одного зрителя.

Раньше бы я так и сделала, и вскрыла бы записку в максимально короткие сроки. Но после почти трех месяцев работы в жандармерии... Все-таки прав Василий Васильевич, профессиональная деформация — она заразная. Что же с моей подозрительностью лет через десять будет? Лучше в комнате читаю.

— Спокойной ночи, Светлана Олеговна. Мне завтра рано утром на работу.

В записке было немного:

«Предлагаю встретится завтра в шесть вечера в кафе напротив Вашей работы. У меня есть новая информация. Это важно.

Штольц.»

Насыщенный день. Надо не забыть завтра к Маргарите Константиновне забежать! Ой, а верхнюю одежду я у нее оставила, так что в любом случае придется в этой шикарной накидке на работу идти. Хорошо, что утром меня должен Аскольд проводить. Все же мне так спокойней будет.

На утро новой информации по покушению не поступило. Императору граф Вяземский докладывал все, как есть, включая свои подозрения и планируемые действия по данному направлению. Получив «добро» на проведение операции с ловлей «на живца», где роль живца Вяземский собирался исполнить собственноручно, граф был просто бескомпромиссно отконвоирован в кабинет Александра Павловича, причем лично наследником. На самом докладе наследник почти не присутствовал, появившись в самом конце.

— Ты мне обещал рассказать про девушку.

— Может завтра?

— Завтра ты будешь весь в своей операции. А отец и твои люди меня к тебе не подпустят, пока ты работаешь «живцом».

— Опекун пытался и до сих пор пытается присвоить себе ее имущество. Для чего даже распланировал подвергнуть ее насилию, если не получится охмурить, и женить на своем внебрачном сыне, которого выдает за племянника. Девушка сумела этого избежать. Официально доказать я ничего не могу. Ни документов, ни свидетельских показаний.

— Она может?

— Она тоже не может. Её дар к делу не пришьёшь.

Мужчины понятливо переглянулись.

— Однако я могу устроить этому уроду веселую жизнь. Ребята уже собрали информацию по его контактам. Часть из них я перекрыл. Также подстраховался, чтобы он не успел нанести большой урон ее имуществу, ни за оставшийся месяц, ни за два года пока у нее не наступит полное совершеннолетие. Управляющего она сможет поменять уже после 18 лет. Хочу попросить Владислава заняться ее делами.

— Ты знаешь, похоже я погорячился, когда сказал своей матушке, что женюсь после тебя... Надо быстро искать другую причину...

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что, просто ты слишком близко принял к сердцу дела своего очень симпатичного секретаря...

— Александр Павлович, я всегда помогаю своим сотрудникам: кому-то с оформлением документов, кому-то с выплатой за дом...

— Ярый, по всем остальным я прекрасно помню. Сам подписывал документы «за многолетнюю службу...». Здесь это не подходит. Да и управляющего рода Вяземских, ты еще никогда и никуда не подключал.

Посмотрев на абсолютно спокойное лицо старого друга, Александр Павлович решил сменить тему.

— Кукловода нашел?

— Пока только подозрения. Доказательной базы — маловато. Хорошо прячется и подчищает концы. Сегодня утром нашли труп секретаря графа Ридигера.

— Думаешь он? Официальная версия?

— Выглядит как ограбление. Кто-то очень усиленно подкидывает нам эту идею. Но я думаю, мальчишка просто слишком много знал и видел.

— Доказательства есть?

— Косвенные. Граф отмахнется от них как от тополиного пуха летом. Поэтому я и собираюсь сделать то, о чем доложил его величеству.

На следующее утро стоило мне высунуть нос на улицу, как Аскольд меня там уже ждал. А я специально хотела прошмыгнуть на работу пораньше, чтобы вернуть выданную во временное пользование одежду и вернуть свою. Сложнее всего было с обувью. Все же сейчас не лето. А весна. По ночам еще холодно и утром в легких туфельках (это было единственное, что я нашла) было холодновато. Влезть в высоко каблучные пыточные изделия, в которых я проходила весь предыдущий вечер — было выше моих сил.

Сопровождение Аскольда я быстро оценила сразу по двум плюсам. Во-первых, он мне рассказал, что ему вчера не понравилось при проверке моей комнаты.

— Я все проверил. Прослушки, негативно заряженных артефактов или просто какой-то магической плесени — нет. Но есть сигналка на мужчин, которая кстати сработала на мое появление у тебя в комнате. Ну как сработала... Попыталась... Я ее заблокировал.

— Спасибо. Меня квартирная хозяйка сразу предупредила, чтобы я мужчин к себе не водила, но при этом на мое слово и мое благоразумие она видимо не рассчитывала...

— Не расстраивайся, Ариадна. Это достаточно распространенная практика. Блок я поставил на полгода, через полгода сможешь сама либо заблокировать, либо снять.

— Научишь?

— Без проблем. Хочешь сегодня после работы?

— Сегодня у меня занятие по самообороне с Бехеревым.

Тут я немного слукавила, потому что сегодня собиралась отпроситься на встречу со Штольцем. Не зря же он хотел меня видеть...

— А завтра?

— Завтра подойдет.

— Тогда встретимся на полигоне.

— А у нас есть полигон?

И тут выяснилось, что да, есть. В здании морга. Видимо, чтобы особо неудачливых тренирующих далеко не перемещать.

Все-таки, хорошо, что меня провожал Аскольд. Поскольку без него подземный переход в здание, где работала Маргарита Константиновна, я бы искала еще долго. С первого раз я дорогу не запомнила. Потому что торопилась, да и просто потерялась в куче эмоций. Особенно по сторонам не смотрела, поэтому по какой именно лестнице спускаться к переходу, учитывая. Что они абсолютно одинаково выглядящие, не запомнила. Без Аскольда, я бы тоже Маргариту Константиновну нашла. Раза с третьего.

Поблагодарила, вернула платье и влезла в свои любимые полусапожки. Никогда не

думала, что для счастья надо так мало!

Шеф был на совещании во дворце и вернуться должен был не раньше обеда, но это не значит, что на свое рабочее место я могу опаздывать. Быстро, но от души поблагодарив двух замечательных волшебниц, обеспечивших мне уверенность в своей внешности предыдущим вечером, я вернулась на работу. Аскольд, под предлогом помощи мне и продолжения охраны (шеф же приказ еще не отменил) пытался зависнуть в приемной. Но я его отправила в его отдел. Кто же будет на меня покушаться в приемной заместителя главного управления имперской жандармерии? Только полный псих, а нестабильное эмоциональное состояние посетителей отслеживается еще на входе людьми и артефактами. Для них там даже специальная комната ожидания есть: в спокойных тонах, минимумом мебели и бронированным окном.

Чтобы выставить горящего мне помочь Аскольда с моего рабочего места, пришлось применить секретное оружие в виде веника. Я ему сказала, что, если он не уйдет — будет мне помогать в уборке приемной и кабинета шефа.

Уборка так напугала Аскольда, что он испарился мгновенно, даже не обратив внимание, что сегодня уборщицы уже убирались. И веник мне понадобился бы только для того, чтобы его этим веником огреть.

На обеде Милана выпытывала из меня подробности вечера. Не знала, что она так умеет. Я вспомнила даже те подробности, которые, как мне казалось, совершенно не запомнила. Ан нет! Заметила, запомнила, могу рассказать.

Про покушение и расследование рассказывать нельзя было, а вот кто подходил, какие цвета, платья, аксессуары в моде, в чем были одеты графиня Завойская и ее дочка, как себя вели Ревельские... По моим, не всегда понятным, объяснениям, она пыталась узнать знакомых, родственников и друзей. Как-никак, до ссоры с семьей, у нее было много подруг в обществе. Ее вывозили на приёмы и даже представляли наследнику. Особенно ее заинтересовал Виктор. Похоже раньше они где-то пересекались. Милана виртуозно уходила от моих вопросов на эту тему.

Не пойму почему, таким умненьким домашним девушкам так нравятся такие откровенные бабники? Хотя и очень обаятельные. Этого у него не отнять.

После обеда шеф собрал совещание. Добавил дополнительные уровни защиты от прослушивания и совершенно официально посадил Аскольда в приемной. Именно Аскольд должен был приглашать тех или иных сотрудников в кабинет к графу Вяземскому. А я не должна была покидать приемную ни на минуту. Даже по естественным надобностям мне было разрешено уходить, только когда в приемной сидел Аскольд.

Что-то явно организовывалось и затевалось. Но меня не подключали. Обижаться я и не подумала. Во-первых, судя по записке Штольца, у меня и своих секретов навалом, во-вторых, если Ярослав Александрович посчитает необходимым меня подключить — он это сделает, как вчера с балом, и в-третьих, меньше знаешь — меньше проболтаешься.

Глава 11

Как не странно, несмотря на подготовку чего-то и суматоху, вечером меня даже не задержали на работе. Предупредив Бехерева, что не смогу присутствовать на занятии, я направилась в кафе на встречу с семейным нотариусом. Интересно, он на встречу придет в своем реальном виде или возрастном образе?

Зайдя в это светлое кафе, в котором мы как-то были с Миланой и ее братом, я

оглядывала посетителей. Кафе было на углу дома и две стены были сделаны как огромные окна, которые начинались в метре от пола и простирались почти до потолка. Стойка для заказов, как и вход в кухню, были в правом от входа углу.

Штольц занял столик в дальнем углу, но около окна, и помахал мне рукой. Сегодня он был в своем реальном виде: красивый мужчина лет тридцати. Сейчас, натренировавшись на наших оперативниках, часть из которых имела в роду оборотней, я обратила внимание на то, что слово «спортзал» он знает не понаслышке. И движения у него какие-то, не могу пока объяснить... Но не как у обычного человека... Ладно, я ему верю, а все остальное меня не касается.

— Добрый вечер, Алексей Владимирович. Что-то случилось?

— Добрый вечер, Ариадна Александровна. Присаживайтесь. Я рискнул вам заказать облепиховый чай и мясной пирог. Вы же сразу после работы?

— Да. Спасибо большое.

— Когда Светлана Олеговна сказала, что вы работаете в центральном управлении жандармерии, меня это очень удивило.

— Я тоже сильно удивилась, когда пришла устраиваться на работу в первый день и увидел это.

Я махнула рукой в сторону здания жандармерии, которое было видно через огромное окно, за моей спиной.

— Теперь понятно. Я хотел вас предупредить, что ко мне приходили сотрудники жандармерии. Они предъявили все необходимые документы. Я подтвердил вашу личность. Но не рассказывал об изменении фамилии.

В это время принесли чай и мясной пирог. Порции здесь были немаленькие. Сомневаюсь, что после этого мне еще захочется ужинать.

— Не переживайте, Алексей Владимирович. В личном деле у меня этого не записано, и я не думаю, что к вам еще раз придут.

Шеф о моей настоящей фамилии в курсе, и о ситуации — тоже, так что вряд ли пошлет кого-то по второму разу. Видимо стандартная проверка. Хотя, как они на него вышли? Ой, он же мне копию диплома выписывал и заверял. Хорошо хоть в пансион проверять не рванули.

— Приходил ваш опекун. О том, что я поверенный вашей семьи, он прекрасно знал.

— И?

А вот здесь было страшновато, потому что было абсолютно непонятно, что от него ожидать... Ничего хорошего — это точно.

Мужчина задумался.

— Разговор был странный. Конечно, он интересовался: не выходили ли вы на контакт, и, особенно, его волновал вопрос родового поместья.

— Зачем оно ему? Как я поняла, после того, как меня отправили в пансион, поместье законсервировали, и там сейчас никто не живет. Возможно, даже сторожа нет.

— Сторожа может и нет, но я навел справки. Ваш опекун неоднократно обыскивал поместье и даже приглашал, скажем так, специалиста по сейфам.

— Они нашли что-нибудь?

— Мне кажется, что нет. Ваш отец был потрясающим артефактором, не удивлюсь, если защита поместья заведена на вашу кровь. После достижения вами 18 лет, вы сможете окончательно перекрыть опекуну вход в поместье, поэтому он торопится найти именно

сейчас... чтобы он там не искал.

Что же такое важное он ищет там не первый год и не может найти? Связано ли это как-то с гибелью моих родителей? Или это два разных фактора?

— Ариадна Александровна, я предлагаю, нам с вами в ближайшие выходные съездить в ваше поместье.

— А почему вы не хотите дождаться, когда мне исполнится 18?

— Во-первых, в день вашего рождения я подам иск в суд о признании вас полностью самостоятельной, и о том, что опекун вам не нужен. У вас есть работа, есть жилье, поэтому суд встанет на вашу сторону. Но при этом мне придется раскрыть и вашу новую фамилию, и, возможно, место пребывания. Вам надо будет до рассмотрения всех апелляций (а они обязательно будут) быть очень осторожной, чтобы не попасть в ту ловушку, которой вы счастливо избежали. Возможно опекун постарается сделать все, чтобы вас признали не совсем психически или физически здоровой. В моей практике были такие случаи. Официально — попытка ограбления. Молодой человек чудом выжил и потом долго лечился. Мы его отстояли, но это было не легко.

По коже стадами побежали мурашки. Вспомнились тела в морге и описания мест преступления, которые я перепечатывала и переводила с языка невнятных закорючек на ровный понятный текст. Быть главной героиней такого документа — очень не хотелось.

— Поэтому я предлагаю на это время нанять вам охранника, который будет вас везде сопровождать.

— Я лучше попрошу коллег провожать и встречать меня у дома.

— Да, очень удачно, что вы работаете именно в жандармерии.

Да уж куда удачнее, если все будет очень плохо, я точно знаю к какому специалисту попаду — к Василию Васильевичу. Можно сказать — по блату...

— А во-вторых?

— Во-вторых?

— Вы сказали «во-первых», значит есть и «во-вторых».

— Во-вторых, я узнал, что ваш опекун ждет очень хорошего медвежатника, то есть специалиста по сейфам. Через неделю тот будет в городе, и мы можем просто опоздать.

Поездку назначили на субботу. Штольц обещал утром зайти за мной.

Конечно, в его более взрослом варианте мы больше похожи на отца и дочь, но его взрослый вариант Венюков уже видел, и мог описать. Если он нанял кого-то следить за нотариусом — он сразу поймет, что нотариус куда-то направился, а так... Молодой человек вышел из многоквартирного дома, где живет нотариус и пошел по своим делам. Мало-ли там у престарелого нотариуса соседей? А может родственник соседей? А может в гости пришел?

Встретились мы кафе на соседней от моего проживания улице. Из окон Светланы Олеговны его не видно, а дальше... Дальше ничего интересного не происходит. Подумаешь, пара куда-то едет. Может цветы в окрестностях столицы собирать. Кого это волнует?

Билеты Штольц купил в первый класс. В первом классе были отдельные закрытые купе с общим коридором и дверьми. Была даже дверь, которая открывалась изнутри и позволяла выйти из купе прямо на перрон, минуя общий коридор и проводника. То есть садились через общий коридор, предъявляя билеты, а выходили — по желанию....

Во втором классе расположение мест и перегородок было почти такое же, как и в

первом, только без дверей. Их не было ни в общий коридор, ни на улицу. Зато было больше сидячих мест и большой общий столик в каждом огороженном на шесть мест купе. В первом классе столики были индивидуальные и прикреплялись к боковым стенкам. В вагоне второго класса, пройдя от двери до двери по общему коридору, можно было увидеть всех, путешествующих в вагоне. В третьем классе перегородок не было, сиденья были простые, деревянные и, в принципе, видно было всех пассажиров уже от двери.

— Мне как-то неудобно, что я разоряю вас на первый класс...

— Во-первых, Ариадна, вашей семье я должен намного больше, чем просто деньги. Ваш отец спас когда-то меня и мою семью. Во-вторых, первый класс в нашей ситуации — это самый лучший выход. Соседи — редкость. Мы с вами вообще вдвоем. Мы не привлекаем внимания. Да и слежку за нами вести сложнее. Даже если сейчас кто-то едет в поезде с нами — он вынужден будет на каждой станции выглядывать, проверяя, вышли мы или нет. Это облегчит работу моему коллеге, которого я просил за этим присмотреть. К тому же билеты я купил до ближайшего крупного города. А это еще три станции и 40 минут пути. Так что расслабьтесь. Вы когда-нибудь катались на поездах?

— В детстве, с отцом до соседнего города. Алексей Владимирович, я выяснила, что мама была талантливым артефактором и нашла две научные книги отца на эту тему. Вы не знаете над чем они работали незадолго до смерти?

— Ваш отец, да и ваша матушка никогда не рассказывали о своей работе до того, как полностью ее доделывали. Ваша мама шутила, что дураку полработы не показывают, а умному — тем более. Замучаешься потом патент оформлять. Но за несколько месяцев до гибели ваш отец был в экспедиции в Андалузских горах. Он работал с тем, что привез оттуда.

Привез из Андалузских гор... Основная ценность гор — это конечно минерал, который может накапливать и сохранять магическую энергию, в том числе переводя ее из электрической в магическую. Но основные открытия сделаны уже 50 лет назад. Наш милый старичок-преподаватель по «Природным и физическим процессам» в пансионе был уверен, что все самые интересные открытия на данном поприще уже сделаны и сейчас мы можем только расширять применение данного минерала, но что-то новое уже вряд ли кто-то изобретет.

Смотря в окно на поля, рощи и обязательную лесополосу вдоль дороги я думала о поместье. Что там моему отчиму нужно, что он с таким маниакальным упорством пытается найти и вскрыть семейный сейф? Тем более, что в отличии от стандартного расположения: рабочий кабинет в стене, сейф в нашей семье находится в полу и в спальне. Зачарован на кровь. Я знаю, о чем говорю, потому что отец в детстве провел ритуал, чтобы я могла его открыть. Правда я пообещала, что без папы или мамы этого делать не буду.

Простите, мои родные, я собираюсь нарушить данное обещание.

На нашей остановке стоянка была ровно пять минут. Недалеко был какой-то военный гарнизон и, поэтому неудивительно, что из поезда вышло несколько военных. Взяв вещи, благо кроме небольшой сумки с деньгами, документами, булочками и водой, у меня ничего не было, мы, открыв замок на двери, но не саму дверь, ждали пока раздастся сигнал, что поезд сейчас тронется. После этого у нас было несколько секунд, чтобы покинуть купе.

Сердце билось так громко, что отдавалось в ушах. Руки немного дрожали, но лучше слегка перестраховаться, чем сделать недостаточно. Безопасность она такая... Требуется повышенной безопасности.

— Пошли! — резкий, но негромкий окрик Штольца.

Дверь на распашку. Я выскакиваю первой, тут же проскакивая на пару шагов вперед, чтобы не мешать ему, потому что поезд уже трогается, а ему еще надо захлопнуть за нами дверь.

— Вперед, Ариадна, не останавливаемся, нам надо уйти с перрона.

Да без проблем! По ближайшему спуску я слетела вниз, даже не оглядываясь по сторонам за что и поплатилась, врезавшись во что-то. Хорошо хоть не в бетонный столб!

Ой, не в что-то, а в кого-то. Мамочки, вот повезло-то как...

Первое, что я увидела, подняв глаза — это то, что разумные существа точно не пострадали. Да и никто из присутствующих не пострадал. В противном случае мне бы не улыбались такой открытой и обезоруживающей улыбкой.

Блондин, коротко-стриженный, сероглазый, на полторы головы выше меня, в военной форме. Выражение лица — как будто я его долгожданная родственница, которая привезла ему пирожки и пару миллионов унов в придачу.

— Каких красивых девушек, оказывается можно встретить, возвращаясь из увольнительной.

Потом улыбка резко померкла и даже стала какой-то кисловатой. Мой спутник, который появился за моей спиной, явно не тянул на долгожданного родственника.

— Штолец! Вот почему, стоит встретить красивую девушку, как рядом портишь всю жизнь ты?

— И тебе, добрый день, Влад. Ариадна, познакомься — Владислав Вельский. Лейтенант Вельский.

— Добрый день, лейтенант.

— А мне девушку представить не хочешь?

— Перебьешься. Ариадна — моя двоюродная сестра, и я обещал тете Марте уберечь ее от знакомства с такими бравыми парнями, как ты.

— Тетя Марта?

— Сестра тети Клавды, которая отлупила тебя когда-то мокрым полотенцем.

— Ну вот такие подробности понравившейся мне девушке мог бы и не сообщать... Что привело вас в это самое скучное место из всех возможных самых скучных мест?

— Я обещал Ариадне, показать святой ключ, что находится тут недалеко.

— Тот который недалеко от поместья Чернышевых?

— Именно.

— За нами прислали легкую летнюю коляску. Можем подвезти.

Штолец посмотрел на меня.

— Ариадна?

Мне давали право выбора.

— Я не против.

Нашим попутчиком был сослуживец Влада, Серж со сложной фамилией Ваффентраген. Меня пытались развеселить, обаять, но под строгим присмотром Штольца. Видно было, что они с Владом постоянно дружески подтрунивают друг над другом, не переходя грани, когда шутки становятся обидными. Похоже они знают друг друга давно. Интересно, что их связывает? Они же настолько разные как лед и пламень!

— Кстати, соберетесь гулять вокруг ключа, будьте аккуратнее. Местные считают, что в

поместье графа Чернышева живет приведение.

— Приведение? Ничего себе у вас тут байки у костра...

— Почти реальная история, — Влад сделал кристально честные глаза. — Серж подтвердит!

Молчаливый Серж улыбнулся и сказал:

— Имперские маги проверили поместье. Там ничего нет.

— А зачем имперские маги проверяли поместье?

Вот что-то не припомню, чтобы опекун об этом говорил, а без его разрешения... Даже если была чрезвычайная ситуация, его все равно должны были поставить в известность.

— В прошлом году был у нас тут один беглый каторжник. Полстраны прошел, избегая поимки. А так как статьи у него серьезные, когда пришла информация, что его видели в этих краях — гарнизон подняли для проверки территории.

— Наше начальство решило, что это неплохие учения на слаженность работы подразделений. — Серж говорил редко, спокойно, но интересно.

— Учения были классные. Наши следопыты действительно нашли след, и он привел к поместью Чернышевых. И тут выяснилось, что поместье не просто законсервировано, на нем такая защита стоит, что наши маги не справились. Можно было, конечно, все взорвать, но боюсь после этого мы бы тренировались на учениях где-нибудь во льдах.

— Вполне возможно.

— Вы отступили?

Штольцу тоже было интересно.

— Мы — да, а вот имперские маги, которых вызвали из столицы — нет. Проинформировали и нынешнего владельца, но он отказался ехать, сказал, что полностью доверяет официальным лицам.

То есть ему было лень ехать! А тут может быть маньяк какой скрывался и в доме уже куча трупов?

— И?

Влад сделал паузу, но долго выдержать ее не смог.

— Вскрыли защиту, нашли этого разыскиваемого... В дом он проникнуть не смог, спрятался в гостевом летнем домике. Там его и нашли под кроватью — абсолютно невменяемого. Уверенного, что его преследуют призраки убитых им людей, которые хотят разорвать его на части. Он все руки и лицо себе ногтями разодрал... Говорят на каторгу его не вернули. Лечат.

— А что сказали маги?

— Ничего. После того, как этого беглого забрали, они опечатали поместье обратно и уехали.

— Ну если там такая хорошая защита, значит нам не грозит даже попасть на территорию. Нас все равно только святой ключ интересует. Говорят, там все облагородили: поставили купальню, вывели ручей для питья воды, а главное, что это вода помогает при застоях магии.

Говоря все это, Алексей Владимирович смотрел на меня. Во взгляде читался вопрос: «Не передумаешь?»

— Ключ посетить надо обязательно! Я обещала подруге про него рассказать.

Не передумаю. Тем более, что мне кажется, я знаю, что там за привидение живет...

Нас высадили около дорожки, ведущей к ключу. Попрошались мы вежливо, обещая друг другу при встрече пересечься в столице. Штольц клятвенно пообещал передать привет каким-то родственникам и знакомым. Я улыбалась. В принципе, улыбка не была натужной и выжатой из глубины души. Мне понравились эти два офицера. С ними было легко общаться, а постоянно делающий попытки флиртовать Влад, осаживался Штольцем. Правда у меня возникло такое впечатление, что Влад флиртует из спортивного интереса и, как-то несерьезно, что ли... Как будто у него такая маска — баловня девушек. Или роль. И он ее профессионально отрабатывает. Появился соблазн немного подыграть, но взглянув на Штольца, я передумала. Не хотелось бы ему осложнить жизнь.

Кстати, легкое касание никаких намеков на пересечение в ближайшем будущем или прошлом не дало.

По дорожке мы шли не спеша. Надо ж ведь хотя бы посмотреть на этот ключ, прежде чем идти к поместью? Если кто узнает, что мы здесь были, опишу этот деревянный домик с купальней, к задней стенке которой прибиты вешалки, на которых висят различные коврики. Хочешь пей, хочешь купайся. Принимать воду можно было внутрь и снаружи.

Ключ бил прямо из стены оврага, собираясь внизу в обложенной камнями чаше, и дальше вода текла в купальню. Странно. То, что называли ключом — больше было похоже на водопад. А также странно было то, что я совсем ничего не помнила про этот ключ, а ведь мы с родителями прожили здесь почти год после возвращения из Вельдского княжества.

Хотя... Если вспомнить то время... После того как я осознала гибель родителей, из моей памяти пропали целые недели и даже месяцы. Я просто не помнила, что я в это время делала. Как будто память по каким-то причинам решила просто ампутировать болезненные воспоминания, с чем бы они не были связаны. Возможно где-то там и была информация про ключ. Хотя вариант, что я была ребенком, и мне такие вещи были просто не интересны, тоже вполне имеет место быть.

Народу не было от слова совсем, поэтому быстро пробежавшись и осмотрев все, мы готовы были двинуться к конечной цели нашего сегодняшнего путешествия. Все осмотрели, водичку попили. Сначала пришлось вернуться на основную дорогу и, пройдя минут десять вдоль нее, свернуть на заросшую грунтовой, которая спускалась достаточно резко вниз и терялась в тени деревьев.

Границу поместья первым обнаружил Штольц. Прозрачная, но непреодолимая стена. Он в нее уперся и не смог сдвинуться с места. Я не сразу это обнаружила, потому что продолжала ему рассказывать, что, где находится на территории поместья, и услышав «Ариадна!» повернулась и обнаружила, что я уже успела достаточно далеко от него отойти.

— Подождите, Алексей Владимирович!

Я вернулась, легко пересекла ту границу, которая не пускала его.

— Попробуем тогда другим путем. Дайте руку.

Держа Штольца за руку, мы легко преодолели невидимую грань, которая начиналась в нескольких сотнях метрах от забора.

— Интересно, а как сюда попадает ваш опекун?

— Венюков? Думаю ему отдали ключ. Официально он должен следить за поместьем. А он в свою очередь может провести с собой хоть полк солдат. Рилли не может противодействовать ключу.

— Рилли?

— Давайте дойдем до дома, и я все объясню. Отец принес Рилли откуда-то еще когда я была маленькой. Они с мамой называли ее семейным защитным духом. Она усиливала защиту посольства, пока мы жили там, потом папа забрал ее с собой. Мне кажется, именно она никого сюда не пускает, но убедиться в этом мы сможем, только когда дойдем до дома. Ее видно только в темноте, а сейчас середина дня. В доме наверняка есть темные помещения — сможем пообщаться.

Подходя к дому, я чувствовала, как меня захлестывают эмоции, воспоминания о счастливых днях здесь. Качели, на которых папа меня качал, пока мама сидела на этой облезлой лавочке, которая тогда такой не была, читала книжку, зачитывая отцу особо понравившиеся фразы... Вот там среди деревьев находится беседка, в которой летними днями и вечерами мы обедали и играли в настольные игры. Или я рисовала, а отец корректировал текст книги, подчеркивая зелеными чернилами спорные моменты, чтобы посоветоваться с мамой потом, если вдруг сейчас ее не было рядом.

Я помню их спор, похоже единственное, что можно расценить как семейную ссору. Папа хотел поставить маму в соавторы в свою книгу, а она говорила, что общество еще не готово к этому и не потерпит женщину-автора. Но ее имя все-таки появилось на титульном листе. Он посвятил эту книгу ей.

Странно, что я всего этого не помнила... Совсем... До этого момента...

Подойдя к дому, я поняла, что очень хочу и одновременно очень боюсь открыть дверь. Хочу, потому что кажется, что стоит открыть дверь и я опять вернусь в беззаботное детство. Боюсь, потому что не уверена, что ко мне вернуться только приятные воспоминания.

Так я и застыла на крыльце, положив руку на ручку двери. Не знаю, сколько бы еще я так стояла, если бы стоящий рядом Штольц не положил свою руку сверху на мою и не нажал.

Дверь медленно и бесшумно отворилась...

Запах. В эти комнаты не входили несколько лет, а пахнет свежестью, как будто только что прошла гроза. Вещи не потеряли цвет. Они были такими же яркими как во времена моего детства. Даже цветы в горшках не засохли. Для них просто остановилось время.

Единственное, что выделялось — это форменный бардак. Что-то искали, вытаскивая вещи из шкафов и, конечно же «совершенно случайно» забыв положить обратно. Следы предыдущих визитов опекуна в мое родовое гнездо.

— Здравствуй, Рилли!

Лицо обдул свежий морской ветер, а в дальнем углу холла появился светящийся силуэт. «Здравствуй».

— Я тебя слышу! А почему я тебя слышу? Алексей Владимирович, а вы что слышите?

— Стрекотание кузнечиков, шум прибоя...

«Ты сейчас старший член рода. Раньше меня слышал твой отец, сейчас — ты».

— Рилли, хорошая моя, как же я по тебе соскучилась!

Рилли нельзя было обнять или потрогать, но она воспринимала эмоции как касания. И сейчас своими эмоциями я ее крепко обнимала, а по мне пробежали десятки мягких лапок...

— Как же хорошо! Как же безопасно!

— Ариадна, я не уверен, что мы намного опередили вашего опекуна. У нас не так много времени, как хотелось бы... К сожалению.

— Рилли, покажи нам, пожалуйста, семейные тайники. Надеюсь, опекун ничего не

нашел...

«Кроме неприятностей — ничего».

Тихий смех в голове показал, что Рилли все еще та проказница. На стене появились следы маленьких лапок, которые побежали в библиотеку. Следы появлялись на стене и исчезали, стоило нам пройти мимо.

Ого, да тут искали с чувством, с толком, с расстановкой. Книги были свалены кучами на полу. Пустые, голые, неприкаянные полки. Один из шкафов лежал на боку, и если бы не стопка книг, на которую он упал...

— Что здесь произошло?

«Хотели взломать стену и на них совершенно случайно упал шкаф».

— Совершенно случайно упал шкаф? С книгами?

«Нее, на тот момент они уже все достали, но одному лысому ежику показалась, что в стене тайник»

— А где на самом деле тайник?

«В потолке, конечно!»

Ну да, конечно, где же еще делать тайники...

— А как его открыть?

«Свет включи».

— Свет?

Выключатель был около двери и свет я включила. Днем. Но ничего не изменилось.

— Рилли?

«Защита на крови».

— Алексей Владимирович, у вас нож есть?

— Перочинный.

— Доставайте.

«Лучше иголкой».

Правильно! Брошка!

Все-таки проколоть палец проще чем его порезать. Тем более, что что-то мне подсказывает, что это не в последний раз.

Капля крови впиталась в выключатель, оставив его таким же белым, каким он и был, но в углу, где стоял шкаф с какими-то пробирками, вдруг с потолка начал спускаться кусок потолка. В первый раз такое вижу! И судя по удивлению Штольца — не я одна!

Медленно бесшумно сейф остановился на высоте моей груди. Опять кровь. Много документов, несколько тетрадей написанных от руки. Штолец проглядел быстро документы, пока я прижимала к себе тетради. Мне даже казалось, что они все еще пахнут мамой...

— Ариадна, на вскидку здесь патенты на некоторые изобретения, которые сейчас широко используются и деньги с них идут на отдельный счет. Я, конечно, все подробно изучу, но у меня такое подозрение, что эти бумаги стоят больше, чем вся ваша недвижимость вместе взятая, включая склад в порту.

— Вау...

— Похоже, вы очень богатая невеста...

По плечам пробежал морозец.

«Твой спутник прав — времени все меньше. Я чувствую ключ в районе станции».

— Алексей Владимирович, похоже у нас гости. Сейчас они на станции. Рилли, убери этот сейф. Нам надо посмотреть тот, что в спальне и бежать, пока «гости» не добрались.

На второй этаж мы рванули намного быстрее, чем пришли сюда. Эмоции боли и печали от воспоминаний попытались нахлынуть, но страх встретиться с «любящими родственниками» пересилил, включив дополнительную энергетическую и, подозреваю, магическую подпитку. Потом мне будет хотеться спать. Очень хотеться. Но это будет потом.

В сейфе в спальне тоже были документы и несколько шкатулок. Не рассматривая ничего, мы покидали это все в сумку, закрыли сейф и побежали к задней двери.

— Если я правильно помню, там был выход к калитке, ведущей в лес. А в лесу тропинка, по которой можно было дойти до станции. Просто она, наверное, заросла. Я плохо помню дорогу от станции, но от поместья могу найти. Напрямик.

«Жаль, что ты уходишь».

Грусть в голосе Рилли резануло по сердцу. У меня от семьи и детства осталось не так много. Можно сказать, почти ничего... Не хочу терять последнее!

— Рилли, система консервации поместья будет работать без тебя?

«И защита тоже. Я ее просто усиливаю, особенно тайники».

— Тогда я забираю тебя с собой. Ты же семейный дух, а вся семья — это сейчас я. Пойдешь со мной?

Вместо ответа меня опять обдуло морским бризом, только на этот раз практически сшибая с ног. А на запястье появилась разноцветная татуировка: ящерица, вцепившаяся в свой хвост. Без сомненья — это «да».

Громкий мужской смех потревожил тишину дома.

— Да, Ариадна, я вижу вы настоящая наследница Бельских-Чернышевых, хватка у вас железная. Но территорию поместья нам нужно покинуть. Гости будут скоро?

«Двадцать минут».

— Двадцать минут.

— Нам надо скрыться в лесу. Идите, я вас догоню, только следы подчищу.

Рилли фыркнула.

«Я что по-вашему, не знаю откуда ящерики берутся? Уже подчистила».

— Рилли позаботилась об этом. Так что просто уходим.

— Ваш семейный дух — просто волшебница. У нее родственников нет? Я бы на работу взял.

Рилли еще раз довольно фыркнула и пробежала круг победы по моему запястью. Потом вернулась на свое место и опять изобразила безмолвную татуировку.

А мы двинулись через сад к калитке в лес.

Что же, свои познания в местной географии я явно преувеличила. Да и тропинка до станции заросла напрочь. Подозреваю, что с тех пор как меня отвезли в пансион, здесь никто не жил и тем более не ходил. За столько лет и обычные дороги зарастают и разрушаются, а тут — тропинка!

Пришлось обходить поместье, держа забор в зоне видимости, и дальше идти по дороге, прячась в лесу при малейших признаках движения со стороны поместья. Вода и бутерброды, которые я положила в свою сумку утром — пригодились. Мы спустились в лес где-то на половине дороги и, сидя на поваленном дереве, спокойно перекусили.

«Ключ покидает поместье».

— Похоже мои родственники покидают поместье.

— Быстро они, однако. Может нашли вскрытые сейфы?

Рилли опять фыркнула.

«Они их не найдут, даже если там поселятся на полгода, а вот еще пару шкафов и одна люстра вполне могли упасть...»

— Хочешь сказать, что, несмотря на то, что ты теперь не защищаешь поместье, у тебя там остались еще ловушки?

Штольц, понимая, что я общаюсь не с ним, очень внимательно на меня посмотрел. У него в глазах просто плясали демонята.

«У меня было много времени, а еще больше — желания» — ответила Рилли, не пожелавшая делиться со мной подробностями.

— Думаю, там осталось еще много сюрпризов...

— Похоже, мне очень повезло, что я поехал в поместье с вами, а не один, как первоначально собирался.

Голос у Штольца был смеющимся, но лицо он при этом пытался держать серьезным. Получалось не очень...

«Еще бы!» и Рилли удовлетворенно завозилась у меня на руке. Было такое впечатление, что мне по запястью бегают что-то мягкое и теплое. Щекотно!

— Предлагаю подождать, пока они проедут. Не хотелось бы встречаться с ними на станции. Если они приехали поездом, то уедут на поезде в три часа, если своим транспортом, то еще раньше.

— Давайте посмотрим. Машину Никки я в любом случае узнаю...

Ждать нам долго не пришлось. Две машины промчались мимо нас, но разглядеть «любимых родственников» я успела.

— Думаю, мы спокойно успеем и на трехчасовой поезд.

Штольц тоже проводил их взглядом.

Шли мы не спеша. До поезда была еще уйма времени. Купив билеты, перекусили в местном кафе, находящимся метрах в пятисот от вокзала. Само здание вокзала состояло из двух комнат: зала ожидания (мест на десять) и кассы, а также проходной комнаты, где стоял горшок с огромным растением с большими листьями, покрытыми не слабым таким слоем пыли. Сначала я даже решила, что цветок искусственный. В этой проходной комнате это было единственное яркое пятно.

Вокзал находился на окраине маленького городка. Сам городок состоял из трех улиц, одного кафе и трех магазинов и станции под названием «Поместье». Хотя учитывая, что сам город, а точнее поселок назывался Станционным — у тех, кто придумывал названия видимо с фантазией было не очень... Прямо таки богатство выбора: Поселок — Станционный, станция — Поместье. Не удивительно, что моя детская память не посчитала данную информацию важной.

Еда в кафе была вкусной и какой-то домашней... Дочка хозяина, лет 14, которая обслуживала нас, улыбалась так искренне, как будто мы ее любимые родственники, хотя на самом деле она видит нас в первый и, возможно, последний раз в жизни.

До подхода поезда мы еще зашли в один из местных магазинчиков. Теперь мне точно нужна сумка побольше и некоторые мелочи. Все же цены здесь были меньше, чем в столице.

Загрузившись в купе первого класса, мы принялись сортировать бумаги. Деловые документы или то, что так выглядело — забрал Штольц. Мне достались письма, дневники, какие-то непонятные чертежи и схемы. И я была твердо намерена с ними разобраться!

В процессе разбора бумаг опять сработал мой дар. Причем я уже прикасалась к Штольцу и раньше, но эта сцена и это воспоминание почему-то вылезли только сейчас.

«Отцовский кабинет в посольстве. Я помню его отлично. Иногда папа разрешал мне там порисовать, пока он работал с бумагами.

Штолец — моложе чем сейчас, но ненамного. И еще мужчина с характерной для Вельдского княжества внешностью: худощавый, почти белые длинные волосы, собраны в хвост, голубые глаза. Внимание почему-то привлекают очень изящные руки. Пальцы как у музыканта, и держит он в этих руках какую-то коробку, которую ему только что передал мой отец.

— Александр, вы очень рискуете возвращаясь.

— Оставаясь в Вельданском княжестве, я рискую еще больше.

— Здесь вы под защитой, как дипломат.

— Хотите сказать, за всю историю дипломатов ни разу не убивали? В каганате лет двадцать назад вырезали все посольство, включая женщин и детей.

— Ну вы сравнили каганат и княжество! Здесь мы более цивилизованы.

— Мне надо напоминать насколько большая мощь сейчас стоит на кону? Вы уверены, что искушение не будет слишком большим для некоторых?

— Это мощь слишком опасна в любых руках.»

— Ариадна, вы в порядке???

Судя по волнению в голосе — это не первая попытка Штолца меня дозваться.

— В порядке... Задумалась просто. Скажите, Александр Владимирович, вы знаете почему мой отец оставил службу дипломата и уехал из Вельдского княжества?

Первое, что сделал Штолец после этих моих слов — это то ли проверил, то ли поставил полог. Причем сделал он это без готового амулета, как это делает большинство, а прямо живую. Зачем тратить ценную магическую энергию, да еще и свою собственную, если есть такая хорошая штука — как заряженный артефакт. Так спокойно своей энергией разбрасываются немногие. Ого, а он оказывается сильный маг.

— Ариадна, вы знаете, что ваша матушка была прекрасным артефактором?

— Да. В детстве об этом не задумываешься, но кое-что в памяти сохранилось.

— Ваш отец выпустил несколько научных монографий. Он был теоретиком и дипломатом. Наукой занимался в свободное время. Ваша матушка была практиком до мозга костей и, хотя это не афишировалось, но многие его выкладки и открытия базировались на ее практических экспериментах. Об этом знали немногие, но похоже и тех, кто знал — было слишком много.

Штолец задумался глядя в окно. Похоже он сейчас для себя решал какую часть информации безопасно мне раскрыть.

— Вы думаете я буду болтать об этом направо и налево?

— Нет, я думаю, что если некоторые заинтересованные стороны поймут, что вы знаете больше, чем в детстве, то решат убрать свидетеля просто чтобы подстраховаться.

— Но вы-то до сих пор живы... А информацией, похоже, владеете...

— Для них я — мертв. У меня есть даже могила на кладбище.

— И давно? Простите, что я спрашиваю, но вы первый из моих знакомых, кто так спокойно говорит, что у него есть могила...

— Официально я погиб через неделю после ваших родителей.

Теперь наступила моя очередь смотреть в окно. Было тяжело осознать тот факт, что кто-то так спокойно говорит о собственной смерти. Пусть и фиктивной, но все же...

— Я обещал вашему отцу оберегать вас, защитить от банкротства, минимально привлекая внимание к вашей жизни и, если бы не такая ошибка с опекуном — так бы и было... Ваш отец доверял Венюкову, иначе никогда бы не вписал его кандидатуру в условия завещания, но тогда это была достаточно безопасная кандидатура.

— Безопасная?

— Не известная, не приближенная ни к кому, и не замешанная ни в чем.

Штольц стал аккуратно собирать бумаги. Но мне казалось, что одновременно с этим он просто укладывает мысли по полочкам. Не думаю, что он готовил речь из ста пунктов с описанием ситуации...

— Ваши родители проводили исследование минерала магерита, добываемого в Андалузских горах. Ваш отец считал, что можно многократно увеличить мощность и энергоемкость получаемых артефактов. К тому же он работал над передачей сигналов на дальние расстояния с использованием того же магерита. Однако однажды из сейфа пропала часть бумаг графа по данному вопросу. Тот, кто их взял — не представлял первоначальную ценность этих бумаг. Их скопировали и вернули. Знали бы — скопировали сразу или забрали бы все бумаги, а так у вашего отца возникло чувство, что их взяли на пробу. Посмотреть. К тому же, граф вернулся чуть раньше из экспедиции и успел понять, что бумаги исчезли из сейфа.

— А что там было?

— Схема взрывного устройства с временным таймером. Такие вещи стали появляться спустя всего пару лет после гибели вашей семьи, значит кто-то все же сумел с ними разобраться.

Мне сразу вспомнился взрыв, пережитый мной, и то, что там был таймер на время. Неужели это изобретение моего отца?

— Что еще им удалось украсть?

— Ничего, хотя они очень старались. Тогда же начались попытки похитить вашего отца. Вы не помните, но была также попытка вашего похищения, после чего ваша семья и вернулась на родину.

— Но это не помогло...

— Почему же? Помогло. Вы живы, а сейчас у нас есть бумаги, которые помогут вас обезопасить и, возможно прольют свет на события восьмилетней давности.

Даа, да он — оптимист! Если только это не закопает меня еще глубже. Похоже с этой информацией придется идти к Вяземскому. Может не сразу... Но если взрывные устройства делаются по схеме разработанной моим отцом... Значит как-то они к этим людям попали? К тем, кто лишил меня родителей? А теперь пытается убить моих сослуживцев!

Желание как можно скорее разобраться с бумагами — только возросло. Я уже прикинула, к кому я могу подойти за консультацией. Эксперты у нас тоже — не лаптем щи хлебают, может помогут разобраться. Правда сразу я все документы показывать не хотела — мало ли что. А к Вяземскому лучше иди уже с какими-то выводами, а не просто — поболтать.

Я внимательно осматривала бумаги, черновики, наброски — все сейчас было очень ценным.

Шурша бумагами мы подъезжали к столице. Разделить — разделили.

— Ариадна, может я лучше заберу бумаги в контору? У меня очень хороший сейф.

— А у меня хороший специалист по тайникам. Рилли, поможешь?

«Помочь — помогу. Но только помочь. Основную работу тебе придется делать».

Даа, похоже в ближайшее время мне грозят многочисленные практические занятия по магии... И обычными бытовыми заклинаниями я тут не обойдусь...

Жаль, что у меня только один выходной в неделю. После такого отдыха, еще бы отдохнуть...

Хотя, что я жалуясь? У меня он хотя бы постоянный, как у административного работника. У оперативников — выходные плавающие. И часто выпадают на рабочие дни недели. Вот у всех, например, праздники — а ребята дежурят. Или сменная работа. Дежурства — сутками.

Просто после такого насыщенного выходного хочется спать, спать и спать... Но некогда. Штолец не стал светится в своем молодом облике и провожать меня до двери. Но он планировал подождать в кафе напротив, пока я не мигну ему два раза светом, что все хорошо.

Уставшая, но довольная я кстати наконец встретила свою неуловимую соседку, которая постоянно на дежурстве. В прошлый раз я ей обещала отсыпать бодрящего чая, а она мне обещала дать успокоительных капель. Не факт, что они мне нужны, но в хозяйстве даже яд пригодится. Моя няня так говорила.

Добравшись до комнаты, я включила и выключила свет. Два раза. После чего при выключенном свете (так лучше видно) пронаблюдала, как знакомый силуэт расплатился и покинул кафе.

Мамочки! А мне еще тайник делать!

«Начнем?»

— Только после ужина и душа.

Хотелось бы еще отдохнуть, но похоже отдых — недостижимая мечта. Во всяком случае сегодня.

Кстати, создавать тайник оказалось весело! Особенно учитывая, что то, что показывала мне Рилли было абсолютно не похоже ни на бытовую магию, которой нас давали в пансионе, ни на основы: умение ее просто видеть и навыки медитации, ни на прописанные в учебниках для магов.

Да, я взяла пару книг у Миланы. И даже их прочитала. В принципе именно это являлось одной из причин, почему она сбежала из дома. Не то, что я взяла у нее книги почитать, естественно.

Отец Миланы разрешил ей поступить в университет на целительский и проучиться только первый курс в расчете на удачное замужество. Милане, а точнее ее отцу, после зимней сессии сделали предложение. Только не один из студентов, а его отец. А когда Милана отказалась выходить замуж... Не сразу отказалась, сначала пыталась оттянуть до конца обучения... Не получилось.

В-общем, учиться она осталась, а вот с отцом рассорилась напрочь. Тогда в ее жизни и появился брат, под видом жениха, чтобы девушку оставили в покое. Да и курс обучения он ей тоже оплатил. На круглые пятерки целительского и на императорскую стипендию она смогла выйти только на четвертом курсе. Могла бы попробовать получить лицензию,

открыть свой кабинет, вести платный прием, но решила быть рядом с братом/ женихом/ любовником. У кого на что фантазии хватало.

Именно она дала мне пару учебников по потокам, по концентрации и простейшим заклинаниям.

Навыки медитации мне очень пригодились, поскольку Рилли работала с потоками абсолютно не так как в книге! Она учила меня вязать! То, как надо было переплетать потоки, постоянно держа концентрацию и не позволяя «пережимать» энергию — было что-то с чем-то. Иначе практически готовая стенка просто распускалась, как носок с которым решил поиграть котенок!

И пусть дно будущего сейфа показала она, хотя мне пришлось вкладывать силы и потом повторно ужинать после этого, стенки и верх мне пришлось «вязать» самой!

Получалось корявенько, но получалось! Коряво в прямом смысле. Одна из стенок получилась выше, чем другая, из-за чего крышу перекосило, а передней дверке было далеко до прямоугольника. Но я это сделала!

Не сильно что-то придумывая, я решила сделать небольшое дополнительное отделение в шкафу. Небольшое, потому что кроме бумаг мне в нем все равно пока хранить было нечего.

Отложив в сумку схему взрывного устройства (завтра покажу ее Соломону Яковлевичу, главному эксперту), спать я легла за полночь.

Ничего, завтра, а точнее уже сегодня, я немного дальше продвинусь в понимании кто и за что лишил меня родителей!

Глава 12

Утром я оценила то, что спать легла не вчера. Вставать было тяжело. Очень.

Если быть точной, то я чудом не проспала, потому что прилегла на пять минуточек и проснулась... В общем, в это утро я поставила рекорд по умыванию, одеванию и завтраку. Точнее завтракала я уже по дороге быстро пересекая дворы.

На последнем повороте к работе меня резануло чьим-то взглядом. Этому человеку я точно не нравилась, а Рилли тут же меня чем-то накрыла, вроде тончайшего, как паутинка, щита. Кто-то знакомый? Остановилась, дожевывая свой бутерброд. Оглянулась. Нет, никого из знакомых не видно. Наверное, показалось...

На свое рабочее место я влетела за пять минут до начала рабочего дня. Ладно, к Самуилу Яковлевичу, нашему эксперту забегу чуть позже. Удивительно, но шеф сегодня был на месте с самого утра. Еще более удивительно, что на десять часов он назначил общее совещание и все утро я сидела и обзванивала (если возможно), или бегала и приглашала (если невозможно) половину управления.

Почему удивительно? Шеф ненавидит общие совещания. Он считает их пустой тратой времени и предпочитает собирать людей по какой-то конкретной теме, узким кругом. А тут... Видимо где-то в императорском зоопарке сдохло что-то редкое и крупногабаритное... Или графа Вяземского подменили, пока я посещала родное гнездо. А что? Тоже рабочий такой вариант.

Самое странное, что собрание заняло 15 минут и люди выходили с этого совещания в легком недоумении, но никто не возмущался. Настроение шефа говорило о том, что нарываться сегодня точно не стоит. Им еще повезло, всего-навсего легкое недоумение, потому что мое недоумение было не легким, а таким тяжелым и удушающе подозрительным.

За 15 минут до совещания шеф вызвал Аскольда Зотова. За пять минут до совещания непривычно злой и невменяемый Аскольд выскочил от графа, хлопнув дверью так, что я

думала, что начнет отваливаться штукатурка с потолка. И это на глазах у половины управления, собравшихся на совещание!

Моя попытка догнать Аскольда, выяснить, что случилось и успокоить его — успехом не увенчалась. Он испарился из коридора быстрее, чем я в него выскочила!

Ладно, найду его после обеда.

После непонятного совещания шеф вышел спокойный как айсберг. Казалось, что он готов заморозить взглядом. Точно подменили...

— Ариадна, вы сегодня пришли на работу без сопровождения сотрудников управления.

— Эээ... Да я обычно все время так хожу...

— Вызовите ко мне Бехерева. Он теперь будет вас сопровождать и на работу, и с работы.

— Ваша светлость, не стоит...

— Мне лучше знать!

Таким жестким я его никогда не видела. Кажется, только пальцем коснись — порежешься.

— Ближайшие две недели вы не покидаете город ни при каких обстоятельствах. Выходных у вас тоже пока не будет. Вы будете дежурить в управлении по выходным.

Удивление было не просто написано на моем лице, оно было там написано, подчеркнуто, выделено жирным шрифтом и красным цветом...

Шеф был не похож сам на себя!

Что тут произошло, пока мы вскрывали сейфы в поместье???

Бехерев воспринял поручение от шефа абсолютно спокойно. Во всяком случае, выходя из кабинета в ответ на мою слегка виноватую улыбку, он ответил:

— Не принимай близко к сердцу. Мне не сложно. Теперь мы с Миланой будем заходить за тобой по утрам и провожать вечером.

— Надеюсь хоть по магазинам со мной ходить не будете...

— Нам тоже нужно покупать продукты, так что ничего страшного в этом не вижу.

— Спасибо, Алексей Прокопьевич.

— Можно просто Алексей. К тому же Милана будет рада. У нее не так много подруг осталось. Зато сразу стало видно, что их у нее и было немного. Знакомых — весь высший свет, а подруг... А вы можете быть хорошим другом, Ариадна.

Почему-то это простая фраза заставила меня покраснеть до кончиков ушей. Все-таки я не привыкла, когда меня хвалят, да еще и от души...

Оказывается, противостоять критике намного проще — выражение лица повысокомернее и все, а когда тебя хвалят... Да еще от души... Я теряюсь.

На обеде удалось узнать, что шеф отчитал Аскольда за какой-то прокол по работе, а тот обиделся, поскольку считает, что это было не заслужено. Разговаривать со всеми Аскольд отказывается. «Не ваше дело» — сегодня это его коронная фраза.

Все равно попробую поговорить с ним чуть позже.

А пока, взять схемы и к экспертам!

На мое счастье, Самуил Яковлевич был в лаборатории. В принципе он уже давно не выезжал на места преступлений. Его дело было из кусочков, собранных на месте преступления, сложить общую подробную и яркую картину. И в этом ему не было равных.

— Добрый день, Самуил Яковлевич. Вы можете кое-что посмотреть?

— Не гарантирую, что быстро, но... Что у тебя?

— Схема. Мне нужно знать... Те последние взрывы... Они по этой схеме сделаны или нет?

— А почему не обратишься к оперативникам? Это дело ведь у них.

— Эта схема попала ко мне не совсем обычным путем. Если моя теория подтвердится, пойду к ребятам или Ярославу Александровичу. А если нет, то зачем их зря отвлекать? Тем более, что у них там сейчас что-то важное. Их даже от обязательных тренировок освободили... И домой они уходят поздно вечером... Что их зря дергать.

— Ладно, егоза. Давай свою схему. Много не обещаю, но провести сравнительный анализ по недавним случаям — смогу. В архив не полезу!

— И за это спасибо, Самуил Яковлевич. Испеку на выходных пирожки, обязательно вас угощу!

— Беги уже, скорее я тебя пирожками от моей Софочки угощу. Она у меня мастерица!

— Ой, а меня граф в выходной дежурить поставил... Ну ничего, через выходные принесу. Тем более, что у меня там день рождения будет.

— День рождение — это хороший праздник. А сейчас беги. Посмотрю я твою схему, посмотрю...

День для Ярослава Александровича Вяземского был сложным. Требовалось не только разыграть все как по нотам, но и обеспечить наибольшую аудиторию и количество свидетелей. Точнее где-то оно должно быть максимальным, а где-то — минимальным. Вроде удалось.

Из управления шла утечка, но откуда именно — пока не удавалось установить. Слишком много людей было в курсе той информации, которая оказалась доступна заговорщикам: его передвижения, визиты Александра Павловича, встречи с информаторами... Была сделана попытка сузить количество подозреваемых лиц, но пока не получалось.

Ярослав прямо чувствовал, как утекает время, а он ничего не может сделать. Это выводило из себя. В детстве за взрывной характер его лучший друг звал его Ярым. Ушло много времени и сил, чтобы натренировать в себе умение переходить в состояние абсолютного спокойствия в любой ситуации. Но иногда Ярый все же взрывался и тогда...

Пока удавалось сдерживаться.

В итоге, хотя Вяземский и не любил привлекать к своим операциям много людей, пришлось запускать в работу оба плана, и надеяться, что анализ произведен верно, и эта «охота» даст результат.

Определенную реакцию он, конечно ждал, правда не сразу в первые два-три дня, но к концу недели — точно. Вот чего Ярослав Александрович Вяземский никак не ожидал, так это того, что за пол часа до конца рабочего дня в его кабинет аккуратно постучится Ариадна.

— Ваша светлость... То есть, Ярослав Александрович, можно к вам по почти личному вопросу...

— Почти личному? Интересная формулировка.

Вяземский отложил бумаги, в которых делал пометки карандашом и сел, показывая, что он весь во внимании. После бала, ее знакомства с наследником, он подозревал, что она подойдет к нему с «личными» или, как она выразилась, «почти личными» вопросами. Девушки все же достаточно предсказуемы. Царапнуло, думал, что она — другая.

— Я вас слушаю, Ариадна.

— Помните тот день, когда нас с вами задело взрывом на месте происшествия? Вы тогда меня спасли, а руку потом лечить пришлось?

Это точно не тот вопрос, что он от нее ожидал! Другая. Точно другая. Не понятно, что в этом вопросе — личное, но явно не то, о чем он первоначально подумал. Ого, оказывается она может удивлять!

— Помню.

— Данное взрывное устройство сделано по схеме моего отца.

— Что?

Ярослав думал, что он хорошо держит лицо, но тут... Похоже удивления сдержать не смог.

— Ваш отец погиб, насколько я знаю.

— Да. Погиб, когда мне было десять лет. Вместе с мамой. В прошлые выходные мне удалось получить доступ к его рабочим документам. Кое-что показалось мне знакомым, и я отнесла это сегодня Самуилу Яковлевичу...

Девушка положила на стол несколько листов из большой чертежной тетради. Такие тетради студенты использовали для зарисовки потоков. Пододвинув к себе бумаги Вяземский их просмотрел, после чего перевел взгляд на замолчавшую девушку. Ариадна видимо собиралась то ли с мыслями, то ли с силами. Видно было, что она нервничает. Но она не врала. Ни словом.

— Самуил Яковлевич подтвердил, что взрывное устройство с отсроченным таймером сделано именно по этой схеме.

— Кто имел доступ к этим бумагам?

— Никто. Мой отчим пытался их найти, но не смог.

— Вы уверены?

— Уверена.

Девушка смотрела в глаза Вяземскому прямо и без малейших сомнений, потирая при этом запястье.

— Я так же знаю, что когда отец служил в дипломатической миссии в Вельдском княжестве, то часть его документов была скопирована кем-то. Возможно именно эта часть. Расследование службой безопасности велось, поэтому... Может у них что-нибудь осталось?

— Откуда у вас эта информация?

— Это не моя тайна, и пока раскрытие этой информации угрожает одному из немногих близких мне людей — я воздержусь.

— А если сокрытие этой информации будет угрожать вам?

— Ярослав Александрович, давайте решать проблемы по мере их поступления.

Вяземский забрал со стола документы, положил их в ящик стола, который по крепости мог поспорить с сейфом, поправил рукав модного пиджака, фасон которого только вошел в моду и его отваживались носить пока немногие.

— Пошли побеседуем с Самуилом Яковлевичем. Пока он не ушел. Вдруг еще какие подробности узнаем.

И взяв за руку оторопевшую от такой реакции девушку, граф Вяземский двинулся в лабораторию, не забыв наложить на приемную дополнительный магический замок.

Правда далеко они не ушли. Ариадна дернулась, притормозив в коридоре. Девушка застыла, глубоко задышав и прикрыв глаза, как будто ей не хватало воздуха.

О том, что сейчас у девушки видение, Вяземский догадался сразу. И скорее всего, оно было связано с ним, потому что активизировалось именно после того как он взял ее за руку. Ее тоненькие пальчики просто потерялись в его руке. Девушка сделала глубокий вдох и покачнулась. Вяземский тут же подхватил ее, опасаясь, что она может упасть.

Со стороны это, наверное, выглядело так, как будто он ее обнимает, но сейчас ему было на это абсолютно наплевать. Его больше волновало состояние Ариадны. Ведь он никогда не задумывался о том, что она чувствует, когда получает эти видения? Может ей больно? Или может родовая магия берет что-то от здоровья, от эмоций? Такое тоже ведь может быть?

Надо поговорить с Александром, может он чего интересного нашел, когда изучал род Бельских. Ставить в известность кого-то еще о способностях девушки, Вяземский не хотел.

— Не ходите на открытие. Вас там убьют.

Ариадна пришла в себя и отпрянула от графа. Ну как отпрянула, попыталась. Придерживая ее за талию, Вяземский не торопился ее отпускать. Сцена знакомства в памяти всплыла автоматически. Ее предупреждение и то что дал осмотр места смерти информатора — тоже.

Наконец, у Вяземского появились силы, чтобы отпустить девушку, хотя желания отпускать не было, да и волнение о ее самочувствии никуда не делось, он ее отпустил, продолжая аккуратно придерживать под руку.

— Ариадна, с вами все в порядке?

Помня, что он легко отличает ложь она ответила:

— Будет через пару минут. — и повторила — Не ходите туда!

— Я не могу. Я должен там быть.

Вяземский даже не спросил на какое открытие. Потому что прекрасно знал, о чем речь. Сейчас его передвижения были ограничены: дом, работа, императорский дворец. Напасть на него можно было только в этих трех точках или на пути его передвижения из одной точки в другую.

Почему-то заговорщики очень торопились, как будто убить его к какому-то числу — было для них гораздо важнее, чем убить его вообще. Однако, все эти три точки очень хорошо охранялись, включая особняк городской Вяземских. Да и при передвижениях из точек «Управление» в точку «Дом» или «Дворец» его сейчас охраняли как императорскую особу. Поэтому торжественное открытие нового крыла городской императорской больницы, где он должен был представлять императорскую семью, был для заговорщиков хорошей и, возможно единственной, возможностью добраться до него.

На торжественно приеме в честь этого события должны присутствовать императрица с наследником, и охраны там будет в разы больше. А здесь: утро, куча обычного рядового народа среди которых легко спрятаться... На это и был расчет.

— Тогда я иду с вами.

Голос девушки выбил Вяземского из сосредоточенного состояния, с которым он рассматривал ее лицо. Какие у нее необычные глаза... Интересно — это семейное? По линии отца или матери? Он на какое-то время даже забыл, а что они делали в коридоре за четверть часа до окончания рабочего дня.

— Мы к Самуилу Яковлевичу шли.

Напомнила обладательница необычных бирюзовых глаз.

— Да, шли.

Согласился с ней Вяземский, и двинулся дальше по коридору, не выпуская ее руки. Всегда такой внимательный, он не замечал удивленных взглядов сотрудников, которыми они провожали спешившего куда-то шефа, ведущего за руку, с трудом поспевающую за ним, помощницу.

Перед дверью в лабораторию экспертов граф Вяземский притормозил.

— Ариадна, документы, которые вы показывали Самуилу Яковлевичу единственные или у вас есть еще?

— Не единственные. Я не во всех еще разобралась... Некоторые — очень личные. Некоторые — деловые.

— Понял. Не переживайте, Ариадна, я ничего не сделаю во вред вам. Верите?

Девушка внимательно посмотрела в глаза Ярославу, а тот... опять в них потерялся. Похоже это уже тенденция. Приятная. И интересная.

— Верю, ваша светлость.

Педантичный Самуил Яковлевич приводил в порядок стол. Каждый раз перед уходом домой, вне зависимости от того во сколько это было: стандартное окончание рабочего дня в 17.30 или нестандартное в час ночи, главный эксперт убирал бумаги со стола, закрывал в сейфе тестовые артефакты и вещественные доказательства в определенном, известном только ему, порядке. Все это лежало в прозрачных коробочках, подписанных и сделанных из специального не пропускающего магию материала. Чтобы вещественные доказательства ни на что не повлияли, да и на них никто и ничего не добавил. Случайно. Проходя мимо. По коридору или по крыше. В общем, это был ритуал, без которого окончание рабочего дня им не являлось.

— Самуил Яковлевич, добрый вечер.

Седой, когда-то темноволосый мужчина с очень живыми глазами за стеклами очков повернулся к вошедшим, тут же закрывая сейф не просто спиной, а дверью. Привычка.

— Добрый вечер, Ярослав Александрович. Рад тебя видеть, Ариадночка. Решила до утра не ждать?

— Решила.

— Самуил Яковлевич, можете добавить что-то по той схеме, что вам показала Ариадна?

— Схема интересная, — эксперт снял очки, достал из кармашка жилетки идеально белоснежный платок и стал протирать стекла, — Гениальная и очень простая! Причем при взрыве от нее не осталось никаких следов. Просто полное самоуничтожение!

— Но вы уверены, что это именно она?

— Уверен. Кое-что осталось, да и я все-таки специалист не из последних. — Самуил Яковлевич хекнул и водрузил очки на нос.

— Говорите, схема простая?

— Относительно.

Вяземский задумался, подняв взгляд к потолку. На потолке были следы от недавнего взрыва, но никаких надписей — не было.

— Переформулирую. Как быстро человек, получивший эту схему, сможет сделать таймер к взрывному устройству?

— Этот таймер можно использовать не только для взрывного устройства. Можно на кухне — для печки, в школе — для звонка. Да куда угодно! Даже обидно, что первыми ценность данного изобретения поняли только террористы.

— А все же?

— Сама схема компоновки простая, хотя раньше я такого не встречал. Но вот материалы, которые использовались... Если бы мне в руки попала только схема, мне бы потребовалось много времени на подборку материалов и для определения точных пропорций. Возможно тысячи циклов испытаний, если повезет.

— А если не повезет?

— Тогда десятки тысяч испытаний. Несколько месяцев-то точно для идеальной подгонки. А тут — я уже видел, что именно было использовано в рабочей схеме, поэтому сейчас, зная материалы и имея схему, я могу хоть завтра собрать рабочий экземпляр.

— Возможно ли, что от схемы до рабочего прототипа прошло восемь лет?

Эксперт задумался, опять потянулся к платку, снял очки, но протирать не стал. После небольшой паузы очки вернулись обратно на нос, а платок, аккуратно сложенный, в кармашек.

— Все возможно. Смотря к кому в руки попали бумаги... Смотря насколько усиленно этим занимались... Может от случая к случаю...

— Завтра вам Ариадна принесет еще документы на изучение.

Потолок опять подвергся внимательному оглядыванию.

— Нет, сначала — мне, потом — Самуилу Яковлевичу. До поступления дополнительных распоряжений — режим полной секретности. Мне нужно будет заключение о ценности данных бумаг для патентного бюро. Ваш авторитет, Самуил Яковлевич, в данном деле — не подвергается сомнениям. Не зря они все время все спорные случаи к вам на экспертизу присылают. А сейчас наберите мне Бехерева по внутренней связи, пожалуйста.

Не заглядывая в телефонный справочник, лежащий рядом, Самуил Яковлевич быстро набрал три цифры внутреннего номера и передал трубку Вяземскому.

— Алексей? Заберешь Ариадну через 15 минут из приемной. Сегодня и завтра полный протокол охраны. Да, ты прав, Милану лучше проводить отдельно до или после. Согласен, тогда через 30 минут. Жду отчет. — трубку вернули на аппарат. — До свидания, Самуил Яковлевич.

— До свидания, Самуил Яковлевич.

— До свидания, коллеги.

— Пойдёмте, Ариадна.

— Пойдемте, Ярослав Александрович. У нас с вами как раз будет время обсудить мое присутствие на торжественном открытии.

Девушка с какой-то сумасшедшей решимостью смотрела на Вяземского, а у него в груди расплзалось непонятное тепло от того, что о нем волнуются, и очень понятная решимость не допустить того, чтобы девушка подвергалась опасности. Снова.

Весь день я пыталась отловить Аскольда и поговорить с ним. Ведь явно видно, что что-то не так. И с ним, и с ситуацией. Он был помощником графа долгое время, но никогда так эмоционально не реагировал на критику, за что бы шеф его не критиковал. Он сейчас больше на ежика похож. Колючий и не подберешься. Чтобы вылететь из кабинета шефа и хлопнуть дверью? Это просто что-то для Аскольда не вообразимое. С коллегами общаться не хочет, даже с девочками из бухгалтерии! Странно.

Но насколько сильно я пыталась отловить Аскольда, настолько же хорошо он от меня прятался. Сначала он был на осмотре места преступления. Потом забежав и кинув мне на

стол отчет в то время как я бегала с Самуилу Яковлевичу, он вообще испарился в неизвестном направлении. Ладно, завтра с ним поговорю. Пока у меня на очереди — отцовские бумаги. Не все. Только то, что прямо нагло бросилось в глаза.

Самуил Яковлевич позвонил ближе к концу рабочего дня.

— Ариадночка, зайди, забери бумаги. Я все посмотрел.

Все мои подозрения он подтвердил. Похоже те люди, что когда-то скопировали бумаги моего отца, связаны с теми, кто сейчас организовывает эти покушения. Значит, расследуя настоящее можно выйти на преступления прошлого.

Идти или не идти к шефу? И если идти, то когда?

Чем больше про меня знают, тем более уязвимой я становлюсь. Хотя, если честно, больше всего про меня сейчас знают Штольц и Вяземский. Ни один пока не сдал. Более того — оба помогают. Интуиция подпихивала осторожность недолго. Минут пять. Тяжело вздохнув я постучала в дверь кабинета.

— Ваша светлость... То есть, Ярослав Александрович, можно к вам по почти личному вопросу...

— Почти личному? Интересная формулировка.

Конечно почти личному. Убийство родителей я вообще считаю кардинально личным делом, а вот то, что это возможно связано с нынешними покушениями делает это «почти» личным.

Дальше завертелось. Информацию от эксперта, шеф конечно же захотел проверить. Логично, предсказуемо. Не потому, что он мне не доверяет... Просто с его опытом... Да я половину деталей, просто не пойму, а вторую половину могу неправильно интерпретировать! Поэтому если кто думал, что я обижусь — да ни в одном глазу!

А вот нового видения я как-то совсем не ждала... Расслабилась. Отвыкла. Поэтому было чувство, что получила мешком с мелкой галькой по голове. Приостановить показ картинки не смогла. Даже упала, наверное... не помню точно...

Кошмары мне похоже сегодня обеспечены.

Я вижу торжественную церемонию с разрезанием ленточки. Вижу Ярослава Александровича не в сюртуке, а в модном пиджаке, пальто и шарфе в цветах императорского дома... Вижу, как охрана перехватывает мужчину, у которого под курткой закреплено взрывное устройство. Я знаю, что эта конструкция может взорваться и знаю, что по какой-то причине этот мужчина хочет умереть. Откуда у меня это понимание — да, Бог его знает. Оно просто есть.

Охрана срабатывает, шеф режет ленточку и вдруг у него на груди появляется красное пятно, кровь разлетается вокруг фонтаном мелких капель. Из горла тоже. Но абсолютно непонятно откуда и что это!!!

Прикусила нижнюю губу. До боли! Но это не сравнится с тем, как скрутило меня внутри. В первый раз его смерть было увидеть легче. Больше крови, конечно, но тогда я еще не знала его. Тогда он еще не был мне дорог. Дорог? Ариадна, ты уверена?

— Не ходите на открытие. Вас там убьют.

Произношу, а сама знаю — пойдет. Все равно пойдет!

— Ариадна, с вами все в порядке?

Его там убьют, а он спрашивает все ли у меня в порядке?! Да не фигу не в порядке! Пытаюсь достучаться до этого упертого, упрямого...

— Не ходите туда!

— Я не могу. Я должен там быть.

Должен. Значит что-то с этим открытием не так. Не так, не так, не так... В голове как отсчет на часах: тик-так, тик-так... Решил сделать из себя приманку? Мишень?

Ууу, нехорошая личность! А я?

На секунду вспомнила картинку...

— Тогда я иду с вами.

Пусть только попробует приказать остаться! У меня дар есть, семейный! Я могу быть полезной и вообще...

— Мы к Самуилу Яковлевичу шли.

Главное, чтобы сейчас не отказал. По горячим следам. Тогда переубедить его будет сложно и придется сбегать...

Если сразу не откажет — тогда можно попытаться убедить. Думаю, время до этого мероприятия у меня еще есть. Я же могу просто где-то в углу постоять...

Найти бы только этот угол посреди площади...

— Алексей? Заберешь Ариадну через 15 минут из приемной. Сегодня и завтра полный протокол охраны.

Полный протокол? Я — особо охраняемый свидетель?

А поговорить? Мне 15 минут не хватит!

— Согласен, тогда через 30 минут.

Уже намного лучше! Хотя это сказано и не мне, но лучше, чем ничего...

— До свидания, Самуил Яковлевич.

— До свидания, коллеги.

— Пойдёмте, Ариадна.

— Пойдемте, Ярослав Александрович. У нас с вами как раз будет время обсудить мое присутствие на торжественном открытии.

А то рисковать он тут собрался! Один!

Я тут только начала привыкать, что у меня есть те, кто обо мне заботится: шеф, Штольц, Алексей Бехерев, его сестра Милана, тот же Аскольд... И уменьшать их количество я не собираюсь!

Правда, Рилли? Ящерка довольно потопталась по запястью. Семейный дух меня поддерживает.

Слишком долго я была почти одна...

— Ариадна, у нас есть пол часа пока Алексей проводит Милану домой и вернется за тобой. Расскажи мне о своем видении.

— В вашем кабинете и за чашкой чая.

— Согласен.

Попивая чай, я описывала все, что увидела. Когда описывала пятно крови на груди руки затряслись. Кружка запрыгала на блюде, которое я держала в руках. Пришлось поставить. Облившись чаем, сложно настаивать на чем бы то ни было...

— Ариадна, завтра утром мы съездим на место. И там ты покажешь все. Что видела прямо на местности...

— А это не опасно?

— Не думаю. Ты видела именно торжественное открытие. Оно будет на следующей

неделе. К тому же поедешь ты не со мной...

— Но вы же сказали «мы съездим»...

— Я буду выглядеть иначе. И буду не один...

— Да хоть все отделение! Лишь бы толк был...

— Будет. Про бумаги — не забудь. А вот и твоя охрана...

— Добрый вечер, Ярослав Олегович. Не нашел Ариадну в приемной и решил постучать в кабинет.

— Абсолютно правильно сделал. Спокойной вам ночи. Головой за нее отвечаешь.

Чувствую себя сейчас даже более важной, чем когда с наследником общалась...

Интересненько...

Меня проводили не просто до дома. До двери на этаж, где под внимательным взглядом Бехерева, стоящего на пороге, я дошла до своей двери, открыла её и помахала ему рукой. Светлана Олеговна не скрываясь наблюдала за тем, куда двинется мой сопровождающий. Даа, похоже у нее с моим появлением появилось намного больше интересного в жизни. То пропадаю на весь день, до появляюсь в сопровождении одного, то в сопровождении другого... Да у меня накидка, выданная на бал, стоит больше, чем стоимость аренды комнаты на год. Боюсь даже представить, что за мысли у нее сейчас в голове...

Ревнивый поклонник? Молодой охранник? Старый родственник-поверенный?

Целый женский роман можно нафантазировать...

От скольких вопросов мне придется отбиваться... О стольком умалчивать... Одно радуется — это будет не сегодня.

Я обещала Алексею, что даже на лестничную площадку не выйду, пока его не увижу. Мой максимум — общий коридор. Главное завтра — не опоздать. Не хочу подводить своего охранника.

Отложив документы, которые собиралась завтра передать шефу, после очень легкого ужина легла спать. Больше ни на что сил уже не хватило.

А завтра у меня: поездка на предполагаемое место преступления, отлов неуловимого Аскольда и разговор с Миланой. Думаю, завтра у нее ко мне будет море вопросов...

Проводив неугомонную подружку сестры, она же объект охраны, практически до двери в комнату, Алексей Прокопьевич Бехерев зашел в кафе напротив дома девушки. Предъявил значок, попросил телефон и улыбнувшись продавщице, включил артефакт, защищающий от прослушивания.

— Вы были правы, Ярослав Александрович. За ней следят. Судя по уровню: частные детективы из бывших наших коллег. Да, предупредил, чтобы без меня — никуда. За ними пошли Серж с Виком, так что скоро будем знать кто это. Да, я понял.

Второй звонок был на пульте дежурному.

— Это Бехерев. Если Стоцкий или Вальд будут меня искать, я — по номеру 38–25.

Положив трубку, блондин улыбнулся продавщице.

— Девушка, чашку кофе и ваш фирменный пирог. Ко мне должны подойти друзья, им — то же самое по прибытию.

Сев у окна, он приготовился ждать коллег, которые вышли на «охоту». Надо было убедиться, что с ними все в порядке. Вик, конечно, оборотень, да и Серж — очень опытный наблюдатель, но лучше подождать либо их визита, либо звонка.

День обещал быть не стандартным, немного будоражащем и немного сумасшедшим.

Во-первых, не каждый день приходится осматривать место своего возможного убийства, место твоей возможной смерти. Адреналин просто захлестывал, а ажиотаж и предвкушение разбудили Ярослава на час раньше будильника.

Во-вторых, осматривать место ДО самого преступления — это тоже очень не стандартно и интересно. Попробовать просчитать, как и откуда будет нанесен удар, понять, как можно это не только предотвратить, но и взять в поличным, судя по всему, очень опытных противников.

Поэтому сообщение от Бехерева с утра пораньше о тех наглецах, что решили, что могут безнаказанно следить за его сотрудниками было очень вовремя. Накал от ожиданий выезда на возможное место преступления немного сбился почти рутинной работой. Главное было не думать за кем именно следили эти самоубийцы. Начинать слежку от главного управления имперской жандармерии и надеяться, что граф Вяземский это оставит без внимания? Очень непредусмотрительно с их стороны.

К утру Бехерев знал уже не только исполнителей, которых Вик с Сержем проследили еще вечером, но и заказчика. Когда начальник небольшого частного детективного агентства понял, что его сотрудники следили не просто за случайным посетителем, а точнее посетительницей жандармерии, а за сотрудником этой самой жандармерии, он первым делом утром вышел на контакт и к началу рабочего дня заказчик был известен.

Вениамин Семенович Венюков еще не имел «счастья» пообщаться с графом Ярославом Александровичем Вяземским лично, но теперь получил именно приглашение на два часа дня с сопровождением или конвоем, тут как посмотреть, в лице Аскольда Сергеевича Зотова.

Что ж, день после обеда обещал быть не менее интересным, чем до.

Утром брат Миланы зашел за мной, когда я уже обувалась. Боясь опоздать, я была готова к выходу на 15 минут раньше обычного. И Бехерев пришел раньше именно на эти 15 минут. Как будто за углом стоял, право слово...

Документы я, конечно, не забыла. А в остальном это была вполне приятная прогулка до управления. Опасности ни я, ни Рилли не ощущали, но шефу я доверяла. Сказал «ходить в сопровождении» — буду ходить в сопровождении.

Алексей проводил меня до приемной и зашел на доклад к шефу. Я проверила ежедневник, забрала почту, достала пару писем, еще вчера подготовленных для подписания и, добавив к ним свои бумаги, после Бехерева пошла к Ярославу Александровичу.

— Доброе утро.

— Доброе утро, Ариадна. Как спалось?

— Эээ, нормально.

А что это было сейчас? Немного потрепали кошмары, обычные после видения чьей-то смерти, но если бы не успокоительный отвар на травах — было бы намного хуже. Так, что с учетом всего выше перечисленного спала я более, чем нормально.

— Это часть документов моего отца. То, что я успела просмотреть...

— Ого, интересно...

С первых же листов обычной студенческой тетради для конспектов Вяземский так погрузился в бумаги, что совершенно не заметил, когда я ушла.

Ну и хорошо. Мне до визита на место видения еще бы с силами собраться. Да и нервы подсобрать. Что-то слегка потряхивает сегодня. Такое состояние у меня перед побегом было. А сейчас то чего? Был соблазн выпить вторую кружку успокоительного отвара с утра, но в этом случае был риск, что меня просто вырубят и я засну. А спать на рабочем месте...

Телефон на столе зазвонил, когда я для успокоения поливала свой единственный цветок в приемной.

— Ариадна, вызовите мне Самуила Яковлевича и готовьтесь к отъезду через полчаса.

А времени все меньше...

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Так обращайся только если в приемной кто-то есть. Сейчас в приемной есть посетители?

— Нет.

— Значит — Ярослав Александрович.

— Хорошо, Ярослав Александрович.

Имя у шефа серьезное и официальное. Никак не уменьшается. Интересно, его мама тоже так официально зовет «Ярослав» или есть варианты типа «Ярик», «Ярушечка» или «Слава»? Ой, это меня куда-то совсем не туда занесло...

Маргарита Олеговна, конечно, гений, потому что, то в каком виде я увидела шефа после общения с ней... Когда он сказал, что будет выглядеть по-другому, я подумала о чем-то вроде браслета Штольца, который выдает состарившуюся версию человека. Но то, что шеф наденет шляпу, очки и усы — не ожидала. Ему еще плащ выдали времен не просто моего детства, а детства моей бабушки! Как этот раритет выжил в суровых буднях главного управления?

Сейчас передо мной стоял дядюшка в древнем как храмы Соланки одеянии. Нас сопровождали знакомые мне Вик, Серж, Матвей со своей группой и ... Самуил Яковлевич, который уже успел получить от Вяземского бумаги, спрятать их в свой сейф и вернуться. Не успела я подумать, что нам только Василия Васильевича с Миланой не хватает, как они, вместе с Бехеревым появились в дверях приемной.

Объясните мне, пожалуйста, смысл прятать внешность Вяземского, если все остальные сотрудники управления в своем натуральном виде?

Видимо что-то я пока еще не понимаю...

Глава 13

Выехали быстро. Было видно, что в таком составе выдвигаются не в первый раз. Оперативники перешучивались и стреляли глазками в нас с Миланой. Мы в свою очередь усиленно делали вид, что перестрелку не замечаем.

— Кажется кто-то решил увеличить интенсивность тренировок...

Тон голоса Алексея говорил о том, что он уже знает, кто именно из присутствующих настолько расширил программу своих тренировок. Тяжелые вздохи ребят заставили нас улыбнуться. Все же мы прекрасно понимали, что ребята — это не всерьез... А вот нагрузки от Алексея они, похоже, словили всерьез. Даже стало их немного жалко.

— Я поговорю с Лешей, — сказала мне Милана на ухо.

Теперь я могу быть за них относительно спокойна.

В служебном транспорте села рядом с Миланой. Думала шеф поедет рядом с водителем

или вообще на своей служебной, но он решил и дальше не выделяться. Они с Матвеем сели сзади нас, и всю дорогу до городской императорской больницы я чувствовала его взгляд спиной, затылком и даже иногда ушами. Во всяком случае, они почему-то все время норовили покраснеть и даже горели. Мне казалось, что я вся уже плавно окрасилась в цвет своих волос, правда почему — не понимала.

Выйдя из транспорта, я не сразу сориентировалась, а Вяземский с какой-то беспешачностью оглянулся и взял меня за руку.

— Милана, останьтесь пока в транспорте, пожалуйста. Вас позовут. Матвей, пусть твои орлы очистят периметр. Скажи, что идет следственный эксперимент. Василий Васильевич, Самуил Яковлевич, нужна ваша помощь. То, что я сейчас скажу — относится к секретной информации. Ариадна обладает специфическим даром. Благодаря магии крови иногда она видит определенное развитие событий. Она видела покушение на меня. Сейчас мы с вами попробуем на основании ее видения, и того что знаем, спрогнозировать как будут действовать преступники. Вопросы есть?

— Вы уверены в точности видения?

Василий Васильевич аккуратно подбирал слова. С одной стороны, он как врач, прекрасно понимал силу магии крови, с другой... Думаю он до конца мне не верил. Чтобы поверить, слов ему было недостаточно. Желательно еще потрогать и попробовать на зуб.

— Более чем. В прошлый раз она спасла мне жизнь.

Мужчины удивленно переглянулись, а я так и продолжала молча стоять. Руку мою Вяземский не выпускал. Да и самой ее убирать почему-то не хотелось. Особенно под перекрестьем взглядов двух самых опытных экспертов не только нашего управления, но и возможно всей столицы.

— Ариадночка, приступим к работе.

Самуил Яковлевич с таким энтузиазмом потер руки, что ненадолго мне стало страшновато... Это ж меня на опыты разберут... Потом... При возвращении... Если конечно я им сейчас не подброшу дополнительной работы. Так, чтобы на какое-то время про меня они забыли. А это мысль!

— Вспоминай, Ариадна, где я стоял. А я сюда повернулся или туда? А когда ты увидела пятно крови, я прогнулся? Может меня отбросило, сдвинуло?

Закрыв глаза, я восстанавливала свое видение в памяти, прокручивая по отдельным картинкам. Самуил Яковлевич и Василий Васильевич стояли рядом, задавали вопросы, уточняли позы и движения. Группа оперативников уже немного разогнала любопытных свидетелей, к тому же я видела, что чем-то наша могучая кучка прикрыта, но не могла понять чем.

— Серж, ты по росту ко мне ближе всех. Вставай сюда, развернись. Ариадна так? Правее? Левее? Куда прогнулся?

Серж без вопросов поворачивался, прогибался так, как его просили. Он вообще был на редкость спокоен и флегматичен. Как будто ничего необычного не происходит, и он так развлекается каждый день до обеда.

— Василий Васильевич, если тело так дернется, ранение будет в эту точку, траекторию выстрела спрогнозировать можете?

— Судя по всему, выстрел немного сверху будет. В принципе верхние этажи тех двух зданий подходят. Но если учесть движения тела после попадания пули... Вы же подозреваете именно такое оружие? Я бы все же сконцентрировался на левом здании, хотя

оно и дальше.

— Спасибо. Самуил Яковлевич, говорите выстрел с дальнобоя в принципе с такого расстояния возможен? А с тех двух зданий, особенно с левого?

— Возможен, но при этом мощность артефакта должна быть внушительной... Еще и защиту, чтобы пробить... Это ему не только оружие, ему еще и артефакт размером с чемодан нести придется.

— Насколько большой чемодан?

— Ну, чемодан — это я преувеличил. Чемоданчик. Наподобие врачебного.

— Женская сумочка?

— Если только достаточна большая. Маленький клатч не подойдет.

— Матвей, бери курсантов жандармского училища и прочешите те два здания. Искать чемодан, чемоданчик или просто что-то, куда можно спрятать артефакт такого размера. А что у нас в этих зданиях?

— В правом, которое на четыре этажа — министерство транспорта, в левом — офисы под аренду.

— Министерство охраняют не в пример лучше, но все равно, прочешите оба здания, особенно чердаки и верхние этажи. На каждую группу курсантов ставь своего опытного человека. Ректора я предупредил, что курсанты могут понадобится. Зачтет как внеплановые учения. Да объяви им, что, если кто что интересное найдет — ему полагается увольнительная. Пусть лучше найдут кучу лишнего, чем пропустят то, что надо. Самуил Яковлевич, у нас есть детектор определяющий мощность артефакта? Чтобы проверить все подозрительные находки?

— В лаборатории.

— Тогда давайте вернемся в управление вместе с госпожой Туманской и Василием Васильевичем. Пришлете сюда кого-нибудь из своих с артефактом, пусть проверяет все подозрительные предметы. Машину я дам.

— Конечно, Ярослав Александрович.

— Матвей, курсанты прибудут в течении получаса. Работайте, потом доложишь.

Вот когда он успел уже с ректором договорится? Иногда мне кажется, что Вяземский умудряется как-то влиять на время. Настолько все происходит быстро, четко и вовремя.

Мы уезжали с места возможного преступления при моей полной отвлечённости от происходящего. У меня было такое впечатление, что это все происходит не со мной. Чувство, что я смотрю на это со стороны — не отпускало. Точнее отпустило, когда я поняла, что Милана держит меня за руку, а я гипнотизирую пуговицу на плаще у шефа.

Подняв голову, я поняла, что мы остановились у управления. Повторный осмотр подтвердил, что все, кто с нами ехал, уже покинули транспорт. Внутри остались я, Вяземский и Милана. Василий Васильевич стоял в дверях. Странно, я не помню дорогу обратно. Совсем.

— Вы в порядке, Ариадна?

— Нет. Не в порядке. Чувство как будто я провалилась куда-то, и никак не выползу обратно.

Ярослав Александрович сидел впереди, правда сейчас полностью развернувшись на 180 градусов, и буравил меня взглядом.

— Я так и понял, после того как вы два предыдущих раза не ответили на вопрос. Опять

видение?

— Нет. Просто какое-то непонятное состояние. Но я приду в себя. Скоро.

— Василий Васильевич?

— У девушки магическое истощение, хороший обед и отдых приведут ее в норму.

— Милана, присмотрите за коллегой, пожалуйста.

Вяземский вышел, а до моего слегка притормаживающего мозга дошла мысль: а где и когда я успела сбросить свой уровень магии вплоть до истощения? Я же ничего не делала на месте возможного преступления. Ведь точно ничего не делала? Правда?

По возвращении в управление, меня отправили на обед. Здесь я была совсем не против. Кормили в столовой хорошо. Милана ответственно отнеслась к поручению Ярослава Александровича присмотреть за мной. Разве, что под руку меня не придерживала.

— Милана, не преувеличивай. Сейчас все сотрудники решат, что я с того света вернулась с такой твоей заботой.

— Ну выглядишь ты чуть лучше восставшего мертвеца, но не намного.

— Не может быть!

Я рванула к зеркалу, которое висело в холле на первом этаже. Фуух, ну не так все и страшно... Бледновата, конечно, но после недельной отсидки в «комнате для размышлений» я выглядела намного хуже.

— Не преувеличивай, Милана. До восставшего мертвеца мне еще далеко...

— Ага, просто ползти и ползти...

— Тьфу на тебя. Пошли есть. Кушать очень хочется.

Я не большой специалист в изображении умильных глазок, но в этот раз, видимо, получилось. Мы без промедления пошли в столовую.

Была еще надежда в столовой застать Аскольда, но опять не повезло! Хотя Анечка из бухгалтерии рассказала интересные вещи. Оказывается, вчера вечером Аскольд впервые на памяти присутствующих в столовой дам напился. Двум его сослуживцам пришлось забирать его из бара, где он рвался побуяннить. Бар был недалеко от управления, бармен знал телефон и просто позвонил. Ребята приехали и забрали Аскольда.

Он что совсем с катушек слетел? За такое поведение по головке не погладят!

— Уже.

Упс, видимо это я сказала вслух...

— Что уже?

— Уже не погладили, — коллеги Анечки из бухгалтерии как обычно знали все подробности.

— Ему сегодня начальник оперативников выволочку устроил, Аскольд молчал.

— Ага, правда при этом тааак морщился...

— Василий Васильевич ему какую-то забористую штуку от похмелья потом дал.

Сходила на обед и уже все знаю. Но желание поговорить с Аскольдом никуда не пропало. Только увеличилось просто в геометрической прогрессии! Что творит! Он же так всю карьеру загубит!

Вернувшись после обеда и неудачных поисков Аскольда в приемную, я успела только полить цветок, как меня вызвали в кабинет.

— Ариадна, полчаса не появляйся в приемной.

— А кто вместо меня?

— Аскольд. Сейчас он встретит кое-кого и когда они придут в приемную, вас там быть не должно.

— Есть, шеф.

Вяземский поморщился, и я быстро исправилась.

— Хорошо, Ярослав Александрович. Я пошла?

— Иди.

Вот как раз и объясню все Милане без свидетелей, а то в столовой было не очень удобно. Про видения пришлось рассказать, но объяснила, что они редкие, непредсказуемые. Это вот с покушением на шефа, то есть Ярослава Александровича, повезло. А так — ни-ни... Не знаю, не видела, не слышала, случайно мимо пробежала...

Меня напоили чаем с булочками. Ребята с места будущего возможного преступления еще не вернулись. Либо что-то нашли, либо ничего не нашли и обыскивают все по второму разу. Что лучше — не знаю.

Сегодня у меня слегка рваный день получился, но работа-то никуда не делась, поэтому прождав указанные мне полчаса, я рванула в приемную. Хотя, чего было больше: желания поработать или нежелания отвечать на вопросы Миланы — не знаю.

А вопросы были заковыристые. Развивая мысль о том, почему я вижу события, связанные с графом Вяземским, она с настойчивостью и прямолинейностью патологоанатома пыталась вывести меня на то, что я сама чувствую по отношению к нему. Её не устроила высказанная мной, а точнее — Василием Васильевичем когда-то теория о смещении крови. Что на все это повлияло попадание крови с руки Вяземского в мой, уже заживший, шрам. Милана считала, что такое возможно только при очень сильной эмоциональной привязанности и, на основании этого, она уговаривала меня не влюбляться в этот «айсберг». В общем после третьего повторения одной и той же мысли другими словами, я просто сбежала. Сверкая пятками. На ратные подвиги. То есть на рабочие.

В приемную я просто влетела и поняла, что надо было сначала хотя бы позвонить. Да, за моим столом сидел Аскольд, а в кресле для посетителей мой неудачливый ухажёр и несостоявшийся жених — Никки.

— Ариадна, это ты?

Вот почему я не позвонила! Только тебя мне сейчас не хватало!

— Вы не ошиблись, меня действительно зовут Ариадна. Но вы меня не знаете.

— Как это — не знаю?

— Никки, помнишь твой разговор с матерью, в котором она уговаривала тебя опозорить меня, чтобы я потом вышла за тебя замуж? А тот разговор с дядей, в котором он тебя учил, что любовница не мешает крепкому браку? Мне еще перечислять?

— Откуда ты знаешь про это?

— К сожалению, для вашей замечательной семьи, я много чего знаю. И граф Вяземский об этом тоже узнает, если ты сейчас же не забудешь, что меня здесь видел. Кому поверят: урожденной графине Чернышевой или внебрачному сыну барона Венюкова, воспитывавшемуся в детском доме и воровавшему еду на рынке?

— Откуда ты знаешь про ...?

— Никки, ты хочешь, чтобы я тебе все свои секреты раскрыла? Скажем так, я знаю одного человека, который знал тебя в твои сложные времена.

— Именно поэтому не хотела за меня замуж? Слишком не родовитый?

— Перестань, Никки. Я не хочу замуж за человека, который был готов на насилие...

— Я не был готов! Я не хотел!

— Докажи, что не хотел мне зла. Забудь о моем существовании.

Повернулась к ошарашенному Аскольду. Нет, для посторонних он сейчас выглядел спокойным и хладнокровным, но я-то его знала и видела, что он не просто удивлен.

— Нам надо поговорить. Я подожду тебя в зале для тренировок. Хорошо?

— Хорошо.

А теперь, гордо подняв голову как настоящая урожденная Чернышева-Бельская (а я она и есть), выходим в коридор. Видеть еще и опекуна, а я догадываюсь, что именно он сейчас в кабинете графа Вяземского — не хочется абсолютно.

Что за день сегодня?! И когда он кончится?!

Тренировочный зал был пуст. Но сил, чтобы тренироваться у меня все равно не было. Бехерев еще не вернулся в свою вотчину, поэтому я тихо уселась на низенькую скамеечку, которую использовали при различных упражнениях и уперевшись спиной в стену, вытянула ноги и закрыла глаза.

Спать не хотелось, но и открывать глаза — тоже.

— Рилли, не знаешь, как я до магического истощения докатилась?

«Знаю, конечно».

— И?

«Ты на Вяземского защиту рода поставила».

— Я?

Ничего себе открытия... Я просто не умею это делать! Не знаю — как!

«На Вяземского поставила, а на себя — забыла. Пришлось растянуть».

Одна маленькая, просто малюсенькая мелочь: КАК?

— Рилли, я не умею!

«А что тут уметь? Когда есть я и родовой артефакт. Достаточно сильного желания».

Твою ж ...

Как неудобно получилось...

А что Вяземский подумает на мое самоуправство? Защита — это, конечно не плохо, но то, что она родовая кое о чем говорит... Приняла в род и даже мнения не спросила. Обнаглела совсем... Боюсь пора готовить убежище: подальше и поглубже. Ярослав — не Венюков, найдет где угодно...

Пока я занималась самоедством в попытках представить, что меня теперь ожидает после встречи опекуна и Вяземского, и после того, как Вяземский узнает, что чисто магически количество родственников у него увеличилось, в пустом зале послышались шаги. Глаза-таки пришлось открывать.

— Привет, Аскольд. Присаживайся, — и я похлопала по скамейке рядом. Когда сидишь разница в росте (Аскольд выше меня на целую голову) уже не кажется такой большой.

— Привет, Ариадна. Что случилось, что ты так сильно хотела меня видеть?

— Про тебя ходят разные слухи.

— Сама знаешь: слухи — это всего лишь слухи.

— Да, но ты мой друг, поэтому я хочу знать, что из этого правда.

— И что интересное тебя про меня рассказали?

— Что ты вчера в баре напился и буянил, что ребятам пришлось доставлять тебя домой, а Василию Васильевичу поить тебя своим фирменным опохмелином, что ты поссорился с Вяземским и подумываешь переводится в другую службу...

— Всего-то? Немного... А родину я еще не предал? Или женился? А то вдруг, а я не в курсе... А так — хоть познакомлюсь.

— Про это не слышала. Что происходит, Аскольд?

— К тебе это не имеет никакого отношения и никак тебя не касается.

— Не имеет? Давай проверим. Руку дай.

— Зачем?

Аскольд резко убрал руки из зоны моего доступа. Еще чуть-чуть и за спину спрячет.

— Ну что ты как маленький! Не укушу.

— Была бы ты оборотницей, версия про укус меня бы устроила.

Но руку все же протянул.

«Кабинет Вяземского. Стою перед столом за плечом у Аскольда.

— Встретишь на входе, приведешь в приемную. Он не должен видеть Ариадну.

— А если он будет не один?

— У меня в кабинете он должен быть один. Остальных — оставишь в приемной. И еще...

— Да?

— Пока все не закончится, держись от Ариадны подальше. Не хочу, чтобы ей заинтересовался кто-то еще и по твоему вопросу. Она итак привлекает слишком много внимания.

— А когда все закончится? Потом?

— Что потом?

— Можно будет держатся к ней не подальше?

— Потом — суп с котом. Дожить сначала надо до «потом». Иди уже».

Быстрое видение.

— Знаешь, Аскольд, врать тебе еще учиться и учиться.

— Я не вру, я не договариваю...

— Нужна будет помощь, скажи недоговаривающий ты мой... Приемная свободна? Я могу вернуться?

— Конечно. Ярослав Александрович сказал, чтобы ты документы отнесла Самуилу Яковлевичу. Сказал, ты знаешь какие.

— Покой нам только снится... Пошли? Проводишь, а то вдруг я заблужусь...

Аскольд посмотрел на меня как на капризную маленькую сестренку, вздохнул, но до приемной проводил.

Кстати, обыск зданий ничего не дал.

Домой со своей охраной я добралась вовремя. И даже почти вовремя легла спать.

Как же хорошо, что этот сумасшедший день закончился!

Теперь еще торжественное открытие нового крыла городской императорской больницы пережить и все...

И день рождение... Он тоже все ближе и ближе...

Вечер перед торжественным открытием. Кабинет его императорского величества Павла IV.

Расслабленную беседу за несколькими бокалами настоящего шоссского пива

императора, наследника и следователя по особо важным делам сложно было назвать совещанием. Хотя вопросы обсуждались важные для империи. Трое влиятельнейших людей в империи...

Ночи были холодные и в кабинете горел камин. Все трое в домашней одежде (не столь пафосной, как обычно), обсуждали имеющуюся на данный момент ситуацию. Вяземский в эту ночь тоже собирался остаться ночевать во дворце. Гонять охрану туда-сюда из дворца в городской дом и обратно... Зачем? В последнее время он в нем просто ночевал. Матушка ругается, но переезжать вместе с отцом из семейного поместья — не хочет. «Дай насладиться тихим семейным отдыхом, пока император опять не призвал твоего отца на службу!»

— Как продвигается твоя ловля на живца? — император подцепил тарталетку с какими-то морскими гадами и внимательно посмотрел на сына своего друга (он же — друг его сына), которому он доверял больше, чем многим, более старшим по возрасту или должности людям.

— Относительно нормально.

— Относительно чего?

— Мы раскрыли еще несколько групп молодых террористов. Сильно напакостить они еще не успели, крови на них нет, но вот родители все как на подбор: Терские, Лозицкие, Орловы... Кстати, на меня еще жаловаться не приходили?

Император отпил темного пива, цвета темной вишни, и немного терпким вкусом, и с легким сожалением сказал:

— Ко мне — нет.

— Ко мне приходили, — наследник вилкой наколол несколько кусочков мясной острой закуски, которая очень удавалась повару, — но не жаловаться. Просить за неразумных детишек.

— А почему к тебе?

— Ближе по возрасту. Тебя, отец, больше боятся.

— И как ты?

— Предложил на выбор: тюрьму, ссылку или службу в гарнизоне на южной границе с каганатом. Степняки политесов не знают, быстро обучат родину любить.

— Сын, мне нравится твое решение. Списки где? Подпишу сам. Для усиления эффекта.

— Там еще несколько девушек есть. Тоцкая, например, — Ярославу было интересно, как друг выкрутился из этой ситуации.

Девушек на границу не отправишь, да и монастырь уже лет сто как не выход...

— Да ну... И куда девушек? — императора тоже заинтересовал этот вопрос. — Только не говори, что тоже на границу — разочаруюсь.

— Зачем на границу? Нужны они мне там... У матушки новый проект. Дома временного пребывания для маленьких детей, чьи отцы погибли при выполнении воинского долга, а матери остались вдовами. Часть детей забирают домой на ночевку, а часть — только на выходные. Ей как раз рабочих рук не хватает. Будут гулять, укладывать спать, кормить, одевать. Она там каждый день бывает — расслабляться не даст. А если не смогут — вот тогда подумаем про гарнизон. На границе с Шоссией сестер милосердия не хватает. Стоит только приехать — тут же замуж за местных выскакивают. Два года контракта еще не одна не выдержала.

— А знаменитая мадам Сталь?

— Замужем за комендантом Нарвской заставы. Трое детей. Просто она с работы не ушла, руководит там лазаретом и гоняет подчиненных мужа. Муж, трое сыновей и вся застава у нее там по струнке ходят. А сестер милосердия все равно не хватает... Из докладных можно уже увесистый том сшить.

— Какой у меня умный сын растет. Может мне на тебя империю оставить и на заслуженный отдых?

— Нее, мы так не договаривались! Мне твоей прошлой дипломатической поездки хватило!

— Всего-то две недели. Нам с императрицей — понравилось.

— Всего? Неправильная формулировка — целых две недели! К концу второй недели я готов был уже кого-нибудь прибить и спал по 3 часа в сутки!

— А ты женись. И спать будешь больше и помощь от супруги будет.

Александр Павлович внимательно и ехидно посмотрел на отца, а потом подозрительно ласково спросил:

— Мама опять кого-то подсовывала?

— Не подсовывала, а расписывала таланты, способности и преимущества.

— Тебе-то зачем? Жениться-то на одной из них мне придется.

— Она тренировалась. Как тебе это успеть сказать, пока ты не удрал, отговорившись государственными делами. Я предложил тебя предварительно связать.

Ехидство в голосе наследника сменилось на тяжелый вздох.

— Тоже мне отец-император называется... Мне воспоминаний после Риты хватило.

— Не Риты, а светлой герцогини Маргариты-Иоанны-Луизы Вассенбергской. Не бойся мама идею тебя связать — не поддержала.

— Ну хоть что-то хорошее. К кому мне быть готовым?

— К юной Ольге-Марии Терской.

— Не пойдет, она у меня в списках на отработку. Фух, хоть какой-то толк от этих террористов...

— Ладно, скажу ей сегодня. Список только мне дай заранее, чтоб она их из списка кандидаток в твои невесты вычеркнула.

— Бери, не жалко.

И наследник передал императору лист бумаги с аккуратно написанным от руки списком.

— Не на машинке печатали? От руки? И у кого это подчерк такой красивый?

— У девушки Ярослава, — наследник сосредоточенно смотрел как пена оседает в бокале.

— Александр! — рык Ярослава оказал на императора интересное действие — он улыбнулся так, что любой зубной врач удавился бы от зависти к этой стоматологически идеальной улыбке.

— Девушки Ярослава?

— Сотрудницы, — немного угрюмо ответил Вяземский, пытаясь взглядом то ли притушить улыбку Александра Павловича, то ли придушить его самого.

— Сотрудница значит... Что за сотрудница?

— У него в секретарях — графиня Бельская, она же Чернышева. Дочь Александр

Алексеевича Чернышева, бывшего посла в Вельдском княжестве.

— Интересные у тебя секретари... — император долил пива в бокал и начал рассуждать вслух. Он это делал редко и только в присутствии тех, кому полностью доверял.

— Это еще императрица про это не знает, иначе тут же взяла шефство над девочкой. А что? Род — древний, хороший, преданный империи. Хоть один, хоть второй. Знатностью и Александру в невесты подошла бы. Ну, во всяком случае не ниже той же самой... Как ее? Которая на отработке?

— Ольга-Мария Терская.

— Именно. Знатностью рода Чернышевы и Бельские не уступают Терским. Бедновата для Вяземских, но я думаю приданное для тебя не основной фактор. В принципе — одобряю.

— Думаю, скоро она перестанет быть бедной невестой.

— В смысле?

Император даже отложил очередную тарталетку и внимательно посмотрел на Ярослава. Тот сделал паузу, собрался с мыслями и начал просвещать императора и наследника в то, что стало реальностью за последнюю неделю, но до них пока не дошло.

— Ее поверенный передал для регистрации на патент несколько изобретений ее родителей, права на которые она получит после своего восемнадцатилетия. Мои специалисты работают сейчас над одним из патентов, создавая рабочий образец. Когда все заработает...

В комнате повисла пауза.

— Когда? А если нет? Ты уверен?

— Уверен. Когда все заработает, Министерство обороны, да и моя служба вместе с охраной вашего величества, с руками эти артефакты оторвут...

— И что это?

— Используя магерит и еще два минерала, найденные графом Чернышевым в Андалузских горах, они с женой создали переносные средства связи для больших расстояний. Привычные нам телефоны, только переносные. Диапазон пока не большой, всего пара-тройка километров, но для армии или служб безопасности такие переговорники — помощь и подспорье.

Император задумчиво посмотрел на огонь в камине через бокал с пивом. Отблески огня играли на поверхности стекла.

— Даа, ты прав. Оторвут с руками. Тогда тем более, чего ждешь?

— Вокруг нее сейчас разных проходимцев миллион крутиться будет, — поддержал отца Александр Павлович.

— Не будет. Я работаю над этим.

— Может помочь? Нельзя, чтобы такая ценная наследница досталась кому-то, в чьей преданности империи и императорскому роду есть сомнения.

Расслабленность во взгляде императора Павла IV пропала, уступив место взгляду хищника, вышедшего на охоту.

— Не хочу давить.

— Неужели самый известный столичный холостяк боится отказа девушки? — Александр Павлович произнес это с усмешкой, но взглянув еще раз на друга, чуть не подавился пивом. — Ты же не серьезно?

— Она очень необычная и ей много пришлось пережить. Это заставило ее быть очень самостоятельной. И она побаивается мужчин, сразу отсекая тех, кто начинает ухаживать.

Опекуна я к ней и близко не подпущу. И со всем остальным тоже справлюсь.

— Когда, ты говорил, у нее день рождения? — император внимательно посмотрел на заместителя начальника главного управления имперской жандармерии.

— Я не говорил. Через неделю.

— Александр, там у нас прием по вручению верительных грамот нового Вельдского посла намечается?

— Да, посол прибудет через неделю, прием — через 10 дней.

— Ярослав, хочу видеть тебя вместе с девушкой на приеме. Хочу сам на нее посмотреть.

Глава 14

Время до торжественного открытия то тянулось, как конфеты бабы Клавы, нашей кухарки из пансиона, то летело как Вик на свидание с новой девушкой. О нем по управлению ходили просто легенды. При этом на работе он предпочитал не флиртовать. Единственное исключение — Людочка из столовой, с раздачи. Все остальные девушки, работающие в управлении, им как девушки — не рассматривались. Анечка из бухгалтерии неоднократно об этом сокрушалась! И продолжала сокрушаться как минимум раз в неделю.

В один из дней к графу Вяземскому пришел Владислав Викторович Смирницкий. Смуглый как выходец каганата, темные волосы и нереально светло-серые глаза. На смуглом лице они очень выделялись. Видела я его в первый раз, но теперь-то точно запомню на всю оставшуюся жизнь. Такой эффектный мужчина! Пожалуй, если бы двоюродный брат Ярослава Александровича, Виктор Вяземский-Рюмин решил с ним посостязаться в количестве разбитых женских сердец — проиграл бы напрочь.

Но меня Владислав Смирницкий заинтересовал по другой причине. Его имя было в списке из 5 человек, которые имели допуск в кабинет графа Вяземского в любое время дня и ночи без предварительного уведомления. Учитывая, что первыми в списке были: император, наследник и непосредственный начальник главного управления имперской жандармерии барон Артемий Георгиевич Онежский. Кстати, с главой управления я пока еще не сталкивалась напрямую, хотя, как он выглядит — конечно знала. На нем была вся административная деятельность и борьба с преступностью на территории всей империи. Кроме преступлений против императорской семьи. По ним как раз работала наша небольшая (относительно небольшая) служба.

— Добрый день.

— Добрый день, господин...

Я поняла, что лучше оставлять такую паузу, чем спрашивать: «А кто вы?» или более официальное «Как вас представить?». Глядя на некоторых посетителей иногда хотелось сказать: «Не видели вас сто лет и не видеть бы еще столько же», но к счастью такие уникалы попадают редко.

— Владислав Смирницкий.

— Проходите, Ярослав Александрович один.

Благо список из 5 человек помнила наизусть. Удалось удержаться от того, чтобы хлопнуть глазами в стиле Анечки и спросить: «Да, ладно? Точно вы?». Хотя и хотелось.

Получив вызов в кабинет шефа буквально через пять минут после того, как туда зашел этот посетитель. Решила захватить чайник, несколько сортов чая, кофе, сахар и сливки. Если меня так быстро вызывают, значит, скорее всего, решили попить чай. Поэтому достаем из холодильной камеры сливки и несем практически всегда готовый поднос. Что бегать по два

раза?

— Спасибо, Ариадна. Владислав, чай будешь?

— Лучше кофе. Без сахара, но со сливками.

Быстро сделала кофе и собралась уходить.

— Владислав, Ариадна — именно та девушка, о которой я тебе говорил.

А?

Они меня обсуждали? Хорошо, что поднос стоял на столике. Жалко было бы выкидывать печенье, если бы я перевернула его на пол от удивления.

— Я готов рассмотреть этот вопрос. Даже если не смогу заняться этим делом сам, то могу посоветовать компетентного человека.

О чем-речь-то???? Видимо мой удивленный взгляд и абсолютно круглые глаза наряду с молчанием и немного пыхтением (ладно частым и громким дыханием...) сподвигнули Вяземского на объяснения.

— Присаживайтесь, Ариадна. Я знаю, что после дня рождения вы планируете самостоятельно вступить в наследство Чернышевых-Бельских?

— Да. Насколько позволяют юридические ограничения. Все же до 20 лет я не имею полного доступа к своему наследству. Просто боюсь, что с моим опекуном к двадцати годам, мне просто нечего будет наследовать.

— Очень разумно для столь юной девушки, — Владислав улыбнулся и взял свой кофе.

— Владислав Викторович — лучший управляющий, которого я знаю. Я попросил его заняться вашим наследством Ариадна. Вы не против?

А? Управляющий? Я конечно планировала искать нового, поскольку не доверяю тому, кого поставил мой опекун. Но собиралась делать это после того, как получу на руки решение суда. А тут... Если бы кто другой посоветовал, я бы, наверное, взяла паузу, потянула время, собрала информацию... Хотя один способ для быстрых решений у меня все же есть...

— Владислав Викторович, можно вашу руку, пожалуйста?

Нереально красивые мужские глаза округлились, а зрачок закрасил черным цветом всю радужку.

— Зачем?

Смирницкий поглядел на абсолютно спокойного Вяземского.

— Все в порядке. Для нее это важно.

Удивленный, но успокоившийся Смирницкий протянул мне руку ладонью вверх. Кладу свою ладошку, закрываю глаза и вижу, как мы подписываем договор о сотрудничестве в конторе у Штольца, следующий момент: мы потом идем по какой-то территории, зимой. Я подскользнулась, он меня подхватывает, что-то говорит, я смеюсь...

Вяземский считает его лучшим... Рилли посылает мне волну поддержки.

— Я — за. Просто на данный момент я не представляю, какую заработную плату я могу предложить... Ведь я даже не знаю, сколько опекун платит нынешнему управляющему.

— Сколько бы он не платил, я готов остановиться на этой сумме. Если после изучения всех документов, я приду к выводу, что это мешает моей работе по основному месту работы, я дам кандидатуру надежного профессионала. Согласны?

— Согласна.

Интересно, а где у него там основное место работы?

— Я сам свяжусь с вашим поверенным. Можете дать его координаты?

— Конечно.

Вот и пригодилась визитка Штольца, за которой пришлось возвращаться в приемную.

Так у меня появился управляющий, увидев которого, пришедшая звать меня на обед Анечка, онемела, потом десять минут молчала (что для нее нереально долго), а потом всю оставшуюся часть обеда про него выспрашивала.

Смирницкий, конечно, красавец, но Ярослав Александрович ему не уступает, защищала я шефа перед лицом нашей небольшой женской компании. Хотя не думаю, что моя защита ему нужна...

Штолец передал через квартирную хозяйку записку о необходимости встретиться. А так как Алексей Бехерев все также встречал и провожал меня на работу и домой, пришлось идти к Вяземскому. Брат на торжественное открытие меня он все так же отказывался, хотя с этой просьбой я подходила к нему как минимум один раз в день. Сначала он повторил свое решение-отказ удивленно, на второй день — раздраженно, а на третий — просто улыбнулся и ничего не ответил. Только его улыбка, полностью уверенного в себе и в том, что он делает, мужчины выбила меня из себя больше, чем явный отказ.

Если есть отказ — то можно попробовать переубедить, заставить, как-то повлиять. А на эту теплую заботливую улыбку ответить было нечем. Совсем нечем. А если что и было, то я просто пока не знаю — что.

Поэтому, что ожидать от беседы по поводу освобождения Бехерева от ежеутренней и ежевечерней повинности меня сопровождать — я не знала. С другой стороны, единственный, кому была выгодна слежка за мной — это опекун. Но что-то мне подсказывает, что после встречи с шефом он пересмотрит свои планы, а то, что встреча имела отношения ко мне — я была уверена. Зря что ли он меня из приемной выставил?

Думаю, опекун-то уж точно, а Никки — возможно, итак уже знали где я работаю, потому что документы на самостоятельное управление Штолец подал ровно за две недели до моего дня рождения, чтобы решение было уже готово. Там — моя нынешняя фамилия, да и в преданность квартирной хозяйки мне не очень верилось. За определенную сумму денег она легко подтвердит, что я у нее живу. В комнату, конечно, никто не входил без моего ведения. Аскольд после бала не просто так у меня в комнате ковырялся. Но вот просто выдать информацию — легко.

Да, Венюков может влиять на мое распоряжение собственностью. Сможет опротестовать в суде любую продажу или акт дарения, но подписать от моего имени брачный контракт — уже не сможет. Как объяснил Штолец, даже если он попробует это сделать задним числом до решения суда, сам факт, что я подала в суд, если и не аннулирует этот контракт, то точно отодвинет его до моего полного совершеннолетия, а там... Как говорят в каганате: «Или осел помрет, или правитель, или поручитель». Много чего может измениться за это время.

Личная свобода — дороже, а насчёт собственности... Зарплаты помощника заместителя имперской жандармерии мне пока вполне хватает. А там и патенты уже готовятся...

Ребята из лаборатории Самуила Яковлевича вместе с ним во главе загорелись идеей сделать рабочий прототип одного из изобретений родителей. Перетрясли весь склад и поставщиков в городе, чтобы найти именно те минералы, которые нужны. Самуил Яковлевич сказал, что, когда все заработает, он напишет такую рецензию на патент, что драматурги будут плакать от зависти к такому шедевральному произведению. Даже боюсь

спрашивать, чем именно это изобретение привлекло их внимание из семи, документы по которым я принесла.

Кстати, скоро закончится срок, на который Штольц оплатил квартиру, поэтому я уже начала откладывать, чтобы вносить квартплату самостоятельно.

Очередная беседа с Вяземским закончилась улыбкой, разрешением на встречу со Штольцем в кафе напротив управления, и с отказом отозвать Бехерева. Он все равно должен меня сопровождать. Жутко неудобно перед Миланой. Я уже и утром стараюсь пораньше выходить, чтобы она выходила из дома как обычно, а вечером с работы наоборот попозже и с минимумом магазинов. На мои замечания, что все равно никому я не нужна, никто за мной не следит и Алексей может идти спокойно домой, он только улыбается и опять заходит за мной в приемную или ждет на лестничной площадке перед дверью на этаж.

Это у мужчин, которых я знаю сейчас, такой способ мне отвечать? Улыбнулся и все. Даже спорить не хочется. Учту на будущее, в обратную сторону это тоже должно работать.

День торжественного открытия — и вот он наступил.

Проснувшись затемно и поняла, что больше не усну, поэтому умылась, позавтракала, оделась и честно попыталась почитать и законспектировать учебник, данный Миланой.

Конспект получился на загляденье: завитушки, стрелочки, закрашенные в шахматном порядке клеточки, косички... В общем не получилось ни почитать, ни пописать. А открытие — в час. Да я за это время всю бумагу в приемной изрисую!

Первое, что сделала, придя на рабочее место — это поздоровалась, второе — опять попросилась в сопровождение, хоть в служебном транспорте посидеть.

— Ариадна, вы что-то видели новое?

Соблазн соврать был велик, но врать человеку, который ложь определяет на раз ...

— Нет. А можно мне до вас еще раз дотронуться?

— Да, конечно.

А вот зря я не села на стул для посетителей... Ой, зря... В себя пришла, прижимаясь к Ярославу Александровичу. Судя по всему, он меня поймал, когда я стала падать.

— То же самое. Почти. Видение оборвалось чуть раньше, чем в прошлый раз.

Ага, до появления крови на груди.

— Оставайтесь в приемной, Ариадна.

Вот ведь! Упрямый!

Не могу быть в приемной!

Пойду, хоть к Аскольду сбегаю. Мне вон консультация нужна. По делам. Старым. Вот прям сейчас срочно! Или я что-нибудь разобью!

Руки просто дрожали мелкой противной дрожью.

Видимо мне начало везти, потому что в отличии от моих предыдущих попыток его найти, на этот раз Аскольд был на месте.

— Добрый день! Есть минут десять?

— Добрый. Десять — есть. Что случилось??

Вот как объяснить, что случилось и почему у меня руки дрожат? Самой бы понять.

Попытавшись меня успокоить Аскольд своими теплыми руками поймал мои дрожащие, и соединил вместе, как в коконе. И тут... Второе видение за последние 15 минут....

«Бар. Модный паб. В общем место, где взрослый человек вполне может напиться. Раньше не бывала, но догадаться было несложно. Я за плечом у Аскольда. Он за столом, перед ним внушительное количество пустых стопок и еще бутылка. Нет, три... Напротив сидит какой-то хорек. Не в смысле животное, а худощавый мужичек с очень склизким выражением лица. В принципе, хорек — это комплимент, потому что при виде выражения его лица захотелось поморщиться как будто меня заставляют съесть гусеницу...

Был опыт в пансионе. Для меня закончился карцером, для одной девочки — расцарапанным лицом, для другой — трещиной в кости... Зато потом никто не лез.

— А он сказал, что ожидал от меня большего... а я косячу, но я ведь вкладывался...

— Да, согласен, эта светлость не достоин быть на этой должности.

— А кто достоин?

— Император сам решит, кто больше достоин, надо просто привлечь его внимание, — лицо хорька захотелось протереть тряпкой с хлоркой... Даже Венюков у меня таких эмоций не вызывал...

— Я не предаю империю!

Аскольд кулаком стукнул по столу и пустые стопки подпрыгнули. Одна из бутылок упала, но не разбилась. Покатилась к краю стола, где и была перехвачено хорькообразным.

— Какое предательство? Кто говорит о предательстве? Просто предвидение... Так говоришь граф никуда не выезжает...

— Только в дворец и домой. Домой редко, даже ночует чаще во дворце...

— До дворца ближе, наверное...

— Он даже на мероприятия с наследником сейчас не выезжает... Управление, дворец, дом. Вот после бала у Ревельских — никуда.

— Никуда? А может ты просто не знаешь? Ты же уже больше не его личный помощник?

— Да я... Да я важнее чем любой помощник! Я все знаю! Весь график! Да они без меня и шагу не могут ступить! Вот только на торжественное открытие нового корпуса императорской больницы съездит... Его мать крупный меценан... меценан, а... вспомнил! Меценат! Денег много пожертвовала на больницу, а приезжать из поместья не хочет, вот он и поедет ленточку перерезать...

— Да, ну, прямо на торжественное открытие... Себе помочь хочешь?

— Хочу!

— И доказать, что граф на твой счет ошибался?

— Я итак это докажу!

— Конечно. А это поможет. Как только граф поедет на торжество, не в службу, а в дружбу, кнопочку на этом артефакте нажми. Просто нажми и все»

К такому жизнь меня не готовила!

Аккуратно достала свои руки из созданной Аскольдом коробочки. Спокойствие, только спокойствие...

— Спасибо, ты мне помог, а сейчас мне надо идти.

— Так я же ничего не сделал!

— Сделал. Или сделаешь. В общем, мне в приемную пора.

Мозг пытается анализировать информацию, а ноги сами несут обратно в кабинет. Не помню как оказалась перед дверью в кабинет Вяземского. Постучалась, отряхнула платье, услышала: «Входите». Вдохнула и пошла.

— Похоже я нашла того, кто сливает информацию о вас...

Вяземский сразу напрягся и подобрался как хищник перед прыжком. Вот точно сейчас на ягуара в имперском зоопарке похож, нет на пантеру, волосы-то темные... О чем я думаю????

— Кто?

— Аскольд. У меня было видение, он в баре... Там еще такой хорек... Ну как он мог, он же друг! Торжественное открытие... Артефакт... Это опасно, а вы меня не берете...

И тут меня прорвало. Весь страх за Ярослава, вся боль после видений, невозможность что-то сделать, изменить или повлиять на события... То, что меня оставляют «в безопасности» и подальше от места событий... Все это вылилось в первую мою истерику после смерти родителей. Я плакала так впервые за последние восемь лет. В какой-то момент я обнаружила, что стою, просто вцепившись Ярославу в рубашку. А он обнял меня одной рукой за талию, а второй рукой гладит по голове и что-то успокаивающе шепчет мне в макушку.

Попыталась вслушаться в его слова.

— Все хорошо, Ариадна... Все будет хорошо... Успокойтесь... Все не так как кажется... Не так как на первый взгляд...

Наконец я немного успокоилась, с трудом убрала одну руку с рубашки Вяземского. Мне тут же в эту руку передали мужской платок. Последние всхлипы пришлись именно в него.

Ярослав, не убирая руки с моей талии, поднял мое лицо за подбородок, провел большим пальцем по нижней губе и посмотрел в глаза. Боюсь представить, какая я сейчас зареванная «красавица».

— Ариадна, вы кому-нибудь это рассказывали? Кто-нибудь вас после этого видения видел?

Ответить не могла, только замотала головой, показывая, что никому ничего не говорила.

— Готов взять вас с собой. С одним условием...

Я насторожилась и застыла с платком в руке.

— Вы будете сидеть служебной машине вместе с Василием Васильевичем. Из нее ни ногой.

Теперь замотала головой как болванчик, но на это раз с согласием.

— Успокойтесь, приведите себя в порядок, и ждите в приемной.

Меня отпустили и сразу стало как-то незащищено, одиноко и холодно. В голове все еще был легкий бедлам, но осознание того, что меня не оставляют в управлении, а берут с собой...

Правильно! Так надо! Я должна быть там!

Не знаю почему, но должна...

Мягкие рыжие волосы как будто сами проникали сквозь пальцы. В районе сердца слышались громкие всхлипы. Успокаивать девушек в слезах Ярослава Вяземского никогда не учили. Тем более, когда так: с болью, надрывом, искренне. Стоя в кабинете и обнимая трясущиеся плечи девушки, Ярослав понял, что попытка держать ее подальше от происходящих событий если уже и не провалилась полностью, то помахивает флажками как отходящий в плавание корабль.

Объяснить ей все подробно, он не мог. Риск, время.

Операция пока не вышла в активную фазу. Готовится можно долго и тщательно, но взятие наемного убийцы должно быть молниеносным. Тем более, что он подозревал, на кого он может выйти, раскручивая путь до заказчика.

Судя по организации покушения, выбора оружия, места, учитывая видение Ариадны, на «охоту», то есть на выполнение заказа, вышел широко известный в узких кругах, наемник по кличке Нифлер. Нифлер — любитель проживать за границей, а работать там, где больше заплатят. Известен редким хладнокровием, виртуозной подготовкой и особыми отношениями с заказчиком.

Нифлер работает с ограниченным количеством посредников и предпочитает общаться с заказчиками напрямую, чтобы у тех потом не было соблазна избавиться от исполнителя. Как он при личном общении добивается того, что заказчики предпочитают забыть о его существовании и ни в коем случае не переходить ему дорогу в дальнейшем, Вяземский не знал.

Но сейчас у него был шанс взять неуловимого Нифлера с поличным. В суде тот конечно ничего подтвердить и не будет, но для императора достаточно будет пообщаться. Под запись. Задать вопросы и получить гарантированно правдивые ответы.

Слишком важная птица, слишком серьезная операция.

Сама того не зная, Ариадна может сейчас выдать Аскольда, а парень ему пока нужен именно здесь. Времени все объяснять, брать клятву о неразглашении, определять стиль поведения и легенду — совершенно нет, поэтому придется брать девушку с собой. Рассказать ей все сейчас — не вариант, а инстинктивное отвращение к Аскольду во время их отсутствия в процессе следующего этапа операции может выдать с таким трудом продвинутого агента.

Необходимо вычислить еще одного «крота» в управлении и сейчас Аскольд занимался именно этим. Все-таки он — ценное приобретение для заговорщиков. Человек, который знает все о передвижениях и может сам послужить орудием в устранении такого неудобного следователя по особо важным делам. Напрямую ему это пока никто не предлагал, но предложение пронести в кабинет бывшего начальника особо крупные по размеру артефакты прослушки — уже были.

Риск раскрытия. Нехватка времени.

Успокоив девушку, Ярослав отправил ее собираться к Самуилу Яковлевичу за защитными артефактами. Василий Васильевич, которого он тоже предупредил, клятвенно обещал присмотреть за Ариадной.

Беспокойство все-таки осталось, но сейчас Ярослав пытался сосредоточиться на предстоящей операции. Пытался. Честно пытался. Но перед глазами стояли припухшие губы и взволнованные бирюзовые глаза. Вот после поимки наемника — начнет ухаживать за девушкой. Если все сложится хорошо...

Отставить пессимизм! Когда сложится хорошо!

Была бы воля Вяземского, он бы на каждый метр нового корпуса поставил своего человека, тем более что обыск зданий ничего не дал. Ребята определили подходящие места для стрельбы, но посадить там своих сотрудников Вяземский не мог. Спугнут.

Максимально близко к этим местам были размещены группы реагирования. Но выстрел он должен сделать. Или хотя бы достать оружие, чтобы на нем остались следы. Иначе предъявить ему будет нечего. Никто не запрещает с чердаков в бинокль на торжественное мероприятие смотреть, а оружие — вы сами и подбросили... Мало ли что еще можно

сказать.

Если наемник почувствует подозрительную активность или засечет слишком большое количество жандармов, как нынешних, так и будущих, в виде курсантов жандармского училища, то он просто растворится. И тогда выйти на заказчика — не удастся.

Мне было стыдно. Очень стыдно за истерику. Разревется в кабинете начальника... Это я, конечно, дала...

Баба Клава, кухарка в пансионе, всегда говорила, «нормального мужика всегда пугают женские слезы», поэтому чем мне может грозить моя слабость — узнаем позже. Хотя, судя по тому, что Ярослав Александрович меня успокаивал и все-таки разрешил выехать с ним на открытие — я не сильно его напугала.

Будем разбираться с проблемами по мере их поступления. Пока — все хорошо. Я успокоилась, умылась, и в зеркальце из сумочки уже не отражается бледное приведение с огромными кругами под глазами, красным носом и покусанными губами. До крови, конечно, не прокусила, но видок еще тот.

Узнав, куда я еду, Самуил Яковлевич выдал мне кучу всего. Правда на этот раз выглядело оно не так парадно, как когда меня собирали на бал, но по удовлетворенному смешку Рилли я поняла, что ее эти артефакты защиты вполне устраивают. Особенно понравился деревянный браслет. То есть он выглядел, как широкий, сделанный из узких пластин деревянный браслет. Теплый, но ощутимо тяжелый.

— Самуил Яковлевич, а какой материал здесь использовался?

— Железное дерево.

— Железное дерево? Это минерал?

— Нет, это действительно дерево. Растет на севере империи, практически на границе со льдами. Снега много, ветры сильные, деревья маленькие и за короткую зиму не сильно вырастают. На земле практически лежат, но крепче материала просто нет. Я слышал сейчас защищается патент на какой-то особо крепкий сплав. Коллеги говорят, что он крепче этого дерева, но ко мне в лабораторию он пока не попадал... А там — посмотрим. Обладая магической начинкой этот браслет также работает как простейший наруч. Зубастые ободки по краю не дадут лезвию сорваться и травмировать руку, если вдруг ты решишь от холодного оружия отбиваться.

— Надеюсь, мне это не понадобится...

— Я каждый раз надеюсь, что ничего из того, что я выдаю — не понадобится. Здесь распишись. Василий Васильевич уже звонил, ждет тебя на улице.

— Как? Уже? Я побежала!

— Беги. Вернитесь только целыми и живыми...

Я тихой мышкой сидела в служебном транспорте. Разговаривать не хотелось. Думать не хотелось. Всей душой я сейчас была там, на огороженной площадке с красной лентой перед входом в здание.

Слышно, как жандармов выстраивают цепью, чтобы зеваки с улицы не пересекли границу. Слышно гул толпы. Кто-то пробирается вперед, кто-то ругается, какие-то зазывалы торгуют лимонадом и булками с переносных лотков. Все как обычно.

Пошел отчет. Без одной минуты час. Сейчас в зоне видимости должен появиться

Ярослав. Сказать небольшую речь, перерезать ленточку и под аплодисменты (или другую реакцию толпы) — уйти.

Ждем.

Секунды тянутся. В смысл речи даже не вслушиваюсь. Ждем.

Сижу так, чтобы через открытую дверь было видно хоть что-то, хоть краем.

Ждем.

Шум. Забегали люди.

НННННННННН!

Рука с ящеркой горела, как будто я засунула ее в кипяток, а в груди ворочался, ломая ребра, огромный ком энергии.

Больно-то как...

В глазах темнеет...

Четыре часа дня. День торжественного открытия. Рабочий кабинет наследника Антарийской империи Александра Павловича.

Сил и желания ехать в Управление пока не было. Да и появляться там сегодня раньше необходимого граф Вяземский не планировал.

Пальто с пиджаком валялись на стуле, а не висели на вешалке. Белая рубашка выглядела помятой, как будто граф в ней где-то пробирался, хорошо хоть не полз. Его нынешний вид выглядел, возможно, неподобающе, если не знать, что три часа назад в графа стреляли, используя новейшие разработки специализированной военной лаборатории. Сейчас в лаборатории происходила выемка документов и допрос сотрудников. Террористами при покушении был использован опытный образец. И теперь глава контрразведки граф Орлов подключил все ресурсы, чтобы понять как и что именно еще ушло. А главное — куда еще оно ушло.

— Орлов рвет и мечет. Я ему в подчинение еще половину своей охраны отдал.

— Ваше высочество, — легкое осуждение в голосе Вяземского было не скрыть.

— Ярый, я сейчас от отца ни на шаг, охраны хватит. А моим — лишняя тренировка, пусть не расслабляются. А Орлову нужны дополнительные люди, хотя бы в ближайшие трое суток. К тому же что мне беспокоиться? Такое впечатление, что покушения все идут на тебя, про меня все забыли. И жалеть об этом я не собираюсь. Вина будешь?

— Мне бы что покрепче...

— Я бы тоже захотел чего покрепче... Давай отпразднуем твоё очередное день рождение... Везучий ты, Ярый, — сказал Александр Павлович, наливая в пузатые бокалы напиток темного цвета. — Я ведь правильно понял, что этот опытный, экспериментальный, мать его, образец должен был твою усиленную защиту пробить?

— Должен был. Хорошо подготовились твари. Знали про действие всех моих защитных артефактов, а они у меня не слабые. Твой тоже бы. Пробило просто на раз...

— Откуда знаешь?

— Мои спецы уже все рассчитали и проверили дважды. Должно было пробить защиту.

— Не пробило?

— Пробило. Меня просто сдвинуло на метр в сторону в момент подлета пули. Теперь могу сказать, что за мной даже пули не успевают... — Ярослав отпил крепкий напиток с ароматом карамели.

— Что говорят эксперты?

— Сначала никто ничего не понял. Совсем. Потом понял я. Проверил.

— И что? Не томи...

— На меня защиту дополнительную поставили. Родовую. И так аккуратно, что ни один артефакт не засек. Артефакты ее сами в автоматическом режиме, (а может и не сами — пока не знаем), прописали в протокол защиты. И все. Все, что я сегодня утром добавлял, легко и не напряжно вписывалось в уже имеющийся защитный контур с ДВУМЯ родовыми защитами.

— Родовая защита? Большой риск для главы рода. Откатом может сильно ударить.

— Оно и ударило. Магическое истощение и потеря сознания. Только по этому и догадался, дурак.

— Почему дурак?

— А потому что не ожидал от почти необученного мага крови такую защиту получить! Не ожидал, что девчонка, которой восемнадцать только в эти выходные исполнится, свою жизненную силу на мою безопасность завяжет!

— Ого, сколько эмоций. Бокал поставь. Он у тебя сейчас в руке лопнет. Мне не жалко, но куча осколков до добра не доводит.

Ярослав посмотрел на бокал в своей руке таким взглядом, как будто забыл про его существование. Бокал был почти пуст. Долив себе еще, посмотрел на друга.

— Давай догадаюсь, графиня Бельская-Чернышева?

Вяземский кивнул, опрокинул в себя весь бокал и закусил тарталеткой с блюда. Александр Павлович любил перекусить в кабинете, с гостями или без, поэтому небольшое блюдо с закусками всегда стояло на одном и том же месте.

— Что с девушкой?

— Спит.

— В больнице? Решил далеко от вновь открытого крыла не возить?

— Дома спит.

— У себя? Ты не думаешь, что это рискованно? Мне сказали, что ты ее сегодня сам на руках нес. Это видело слишком много людей. Она — твое слабое место.

— Знаю. Именно поэтому она у меня дома спит. Милана Туманская приглядывает, она врач. Бехерев тоже там дежурит с сестрой. Или охрана моего особняка тебя тоже не впечатляет?

— Ого, видно все серьезно... Но я рад за тебя. Не каждая девушка так рискнет... Тебе повезло.

Вяземский стал, подошел к окну и начал изучать открывающийся вид. Александр Павлович тоже встал рядом. Видимо вид был ну очень интересным.

— Что еще я должен знать?

— Наемника взяли. Нифлер.

— Значит ты был прав... Говорит?

— Нет, но с ним твой отец хотел пообщаться после заседания совета министров.

— Зная сегодняшнюю повестку... Раньше чем через час — все равно не освободится.

— Знаю. Не против я у тебя в кабинете подожду?

— Не против, с условием, что я тоже присутствую на допросе. Кстати, отец должен был на торжественный банкет в честь открытия этого нового больничного крыла ехать... Теперь, наверное, мама одна поедет.

— Или тебя пошлют.

— А у вас тут самое интересное? Допрос интереснее чем банкет в честь торжественного открытия!

— Значит ждем. Я скоро от этого словосочетания «торжественное открытие» вздрагивать буду...

— Еще налить?

— Не надо. А то у меня там еще в управлении сегодня продолжение светит...

— Что нарбыли? — интерес в голосе наследника был неприкрытым.

— Артефакты, которые сегодня вечером один из моих сотрудников должен установить у меня в кабинете — оказались с секретом.

— Ты же говорил, что скорее всего они взрывные?

— Мы так думали, но...

— Что — но?

— К ним прилагалась очень подробная схема установки, практически план кабинета с нужными точками. Ребята, Егор с Миром, то есть Мирославом, все отложили, сутки над этим сидели. Как оказалось — расположенные и активированные особым образом должны снять полностью защиту моего кабинета на несколько часов. Потом они выключаются, защита включается, и никто не знает, кто и что делал у меня в кабинете. Ребята меня уверили, что система охраны даже не поймет, что был взлом. Но пока — не проверяли.

— Говоришь — сегодня?

— По плану я либо убит, либо ранен — никто не помешает.

— У тебя там надежные ребята?

— Надежные.

— Тогда вот тебе мой почти императорский приказ, ну ладно, приказ наследника империи: допросы того, кого удастся взять — оставь специалистам или хотя бы на утро. А сам спать! Не хватало, чтобы ты у меня здесь без сил свалился. Что я тогда твоей Ариадне скажу? Она из-за тебя итак сильно рисковала.

— Она не моя.

— Зная тебя — это ненадолго. Можешь пока подремать в кресле, если хочешь. Как отец вызовет — разбужу.

— Спасибо.

Комната для допросов, хотя и находилась в полностью закрытом помещении без окон, была с одной необычной боковой стеной. Со стороны допросной стена выглядела монолитом. Однако те, кто находились в соседнем помещении, могли прекрасно видеть и слышать все, что происходило в допросной. Абсолютно все.

Именно там сейчас с удобствами расположились император и наследник. Сам Вяземский собирался вести допрос. Штатного стенографиста он брать не хотел. Ариада — все еще спала. Расход сил, потраченных на его защиту, немного превысил имеющийся ресурс девушки. Милана дала прогноз, что раньше обеда следующего дня девушка все равно не проснется. В связи с этим Аскольду пришлось бы вернуться к своим обязанностям, если бы не одно «но» — операция в управлении. Поэтому сегодня тихого и незаметного стенографиста, сидящего за небольшим столиком в углу допросной, изображал Вик. Оборотень по натуре, незаменимый при слежке, но очень не любящий заполнять бумаги — он бы лучше сутки за кем-нибудь по самым опасным притонам следил, чем стенографировал...

— Тебе надо просто изобразить. Память у тебя — хорошая. А протоколы допросов... Не уверен, что они будут.

Ярослав Александрович улыбнулся подчиненному, хмурое лицо которого ничем не напомнило улыбку на женском личике с бирюзовыми глазами и нежными губами цвета закатного солнца. Вяземский еще раз улыбнулся, но тяжелый и достаточно громкий вздох Вика напомнил ему, что пора приступать к работе.

Нифлер сидел за столом спокойно, несмотря на наручники, блокирующие магию: одна пара из которых прижимала его руки к столу, а ноги — к ножкам стула. Есть в нем магия или нет — было неважно. Лучше перестраховаться. Хотя если бы было точно известно о том, что заключенный обладает магией — то тогда был бы еще ошейник. На всякий случай.

— Добрый день, Нефедов Никита Данилович. Прозвище — Нифлер.

Нифлер поднял бровь вверх и улыбнулся. Видимо он все-таки ожидал, что до его настоящего имени пока не добрались. Это он зря. Он стоял на учете в нескольких ведомствах, и служба контрразведки графа Орлова давно установила личность столь известного наемника. Он был в разработке с возможностью дальнейшей вербовки. Поэтому граф Орлов тоже сейчас составлял компанию императору и Александру Павловичу в «темной» комнате.

— Добрый день, ваша светлость, граф Вяземский.

— Во избежание траты времени предупреждаю сразу, что я прекрасно чувствую ложь. Специфика дара.

Нифлер перетёк из достаточно расслабленного состояния в напряженное. В принципе, его движения и сила говорили о том, что в его недавней родословной где-то засветились оборотни. Хотя официально — Нефедов вырос в сиротском приюте. Никто его родословной не интересовался до этого дня.

Беседа протекала не ordinarily. Врать в открытую Нифлер не рискнул, но на предложение сдать заказчика ответил:

— Вы же, понимаете, что в этом случае я и до завтра не доживу?

— Вы не верите, что я смогу обеспечить вашу безопасность? — Вяземский не разозлился. Удивился — да, но злиться — это не те эмоции...

— Извините, ваша светлость, но не все зависит от вас. А судя по целям, что мне предложили, и от выполнения которых я отказался — планы у заказчика грандиозные.

— А почему отказались?

— Я произвожу впечатление сумасшедшего, чтобы взять заказ на наследника престола?

— А почему взяли на меня?

— Пожадничал. Только на аванс я бы смог прожить год, не беря другие заказы. А за год — много что может произойти.

Открылась дверь допросной. Нифлер не видел, кто вошел, поскольку дверь была за его спиной, но по тому как встал и поклонился граф Вяземский — он догадался, что это не пончики с кофе графу, ведущему допрос, принесли.

Уступив свое место императору, Вяземский встал у него за плечом. Тяжелая, мощная энергетика императора затопила небольшую комнату. Вик со своей стенограммой пресек в себе желание спрятаться под стол. Как хищник, который чувствует более сильного хищника.

— Добрый день, ваше императорское величество. Извините, что не могу вас поприветствовать как полагается, — без малейшего ерничества и сарказма Нифлер повертел кистями рук в наручниках.

Лицо императора не дрогнуло. Он внимательно смотрел на наемника, принимая какое-то свое решение. Здесь и сейчас.

— Как вы думаете, как часто мне приходится принимать тяжелые, но необходимые решения?

— Думаю часто, ваше императорское величество.

— Иногда принятие этих решений достаточно болезненно. Совесть и чувство вины у императора тоже есть. Согласны?

— Вам виднее, ваше императорское величество.

— Как вы думаете жизнь одного наемного убийцы стоит облегчения при принятии морально тяжелого решения?

— Не понял, ваше императорское величество...

Нифлер переводил взгляд с императора на абсолютно без эмоционально стоящего графа Вяземского и возвращался обратно. Страх — сильное чувство.

— Если информация, которую вы мне предоставите вместе с доказательствами своих слов (отвык я что-то верить на слово) перевесит удовлетворение от справедливого наказания наемного убийцы, то...

Сделав паузу, император дождался пока страх, вспыхнувший в глазах наемника перейдет не только в желание, но и возможность выслушать. А главное услышать и понять.

— Мне не нужна ваша жизнь и без вашей смерти я спокойно проживу, но если то, что вы сообщите, поможет уберечь государство от смуты и гибели множества полезных и необходимых империи людей, то здесь выбор очевиден.

— Я понял, — Нифлер облизнул губы и, обращаясь к императору, смотрел на его руки, не отваживаясь поднять глаза на его лицо, — А на что я могу рассчитывать?

— Зависит от вашей информации и имеющихся доказательств.

— Хорошо. Я понял. У меня есть время подумать?

— Есть. Минут пять, пока мне принесут кофе.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net